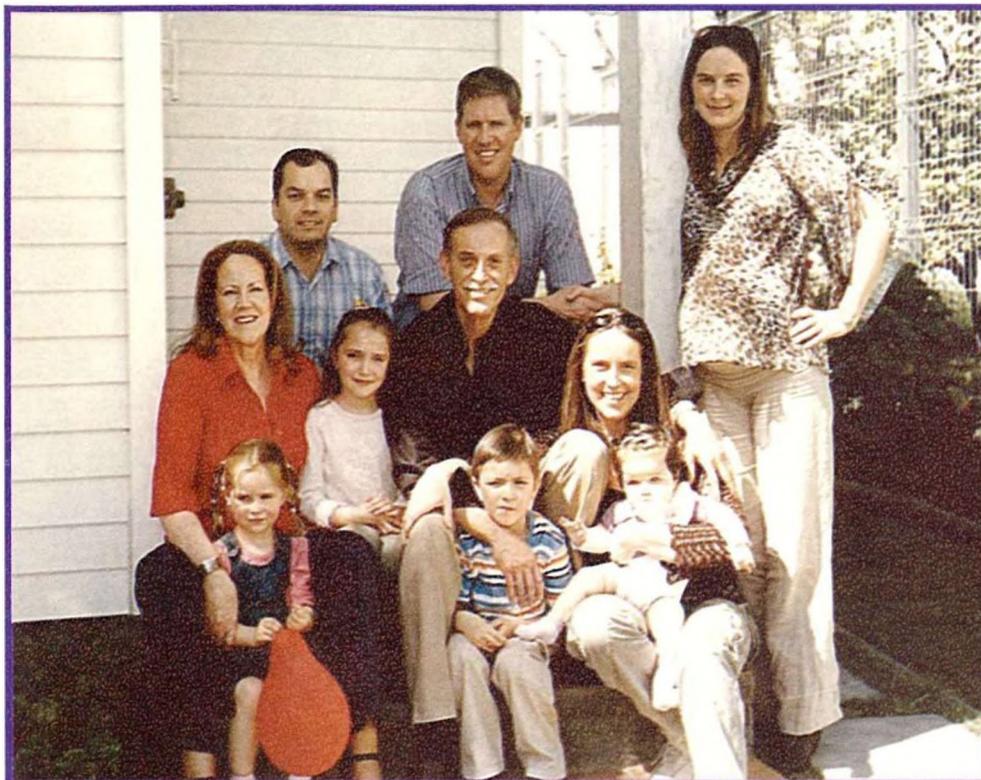

СТАНИЦА

общеказачья газета - журнал

издаётся в России с января 1992 г.

№ 2 (53) декабрь 2009 г.

М.С. Краснов-Марченко с семьёй.
Центр заключения "Кордильера", 2008 г.

Чудеса чилийского "правосудия"

как и за что в Чили
судят одного из тех,
кто спас страну
от катастрофы

стр. 5 - 8

"Гребенички"

из очерков жизни и
быта терских казачек
в XIX веке

стр. 17 - 20

В номере:

- * *Ещё раз о "возрождении",*
- или зачем Баба-Яга на Тамани?
- * *Казачи на московской службе*
слободские полки в укреплении русских границ
- * *"Записки" Аполлона Шпаковского*
воспоминания о службе казаков на Кавказе
 - * *Виктор Севский* -
издатель легендарной "Донской Волны"
 - * *"Хроменькие хроники"*
снова история Гражданской - по советским лекалам
- * *Разведчики земель за океаном*
окончание очерка о генерале И.Д. Павличенко
- * *"Хоть с чёртом, но против..."*
отряд Николая Назаренко в борьбе с большевиками
 - * *"Бульба - фри"*
"идеологически выдержанный боевичок" по Гоголю

Гребенские казачки,
середина XIX века

Ещё раз о возрождении, или Баба-Яга на Тамани

Кого и зачем мы "поучаем"

18 лет назад, готовя первый номер "Станицы", мы решали один из главных вопросов любого издания: зачем оно нужно? Ясно, что кардинальных перемен в общественное сознание мы не внесём, пресловутым "коллективным организатором" движения не станем. Более того, не то что бы никого ни с кем не примирим - напротив, вызовем у многих гнев публикацией малоизвестных страниц истории, непривычных постсоветскому человеку точек зрения.

Однако всегда остаётся надежда: переменится власть и обстоятельства - и, если казак сегодня не нужен России, то, может, понадобится завтра? И тут важно сберечь в наиболее точном, неповреждённом годами советского безвременья виде историческое наследие, постараться взять из него что-то, наиболее пригодное для будущего воссоздания казачества.

Всё это мы излагали не раз. Тем не менее, некоторые потопки казаков и, особенно, "приписные" ещё обижаются: мол, "не учите нас"! На месте виднее, что и как делать. Недавно одна из газет напечатала письмо, отмечающее "крайность" взглядов "Станицы". Сидят-де в редакции "целый ряд дяденек - казаков родовитых... и поучают неразумных, как себя вести, с какого бока сабельку цеплять". И вообще - "это издание на кого работает?"

Да ни на кого, ей-Богу! Даже не на ПРУ (как думают в одном журнале). Более того - никого учить не пытаемся (хотя бы потому, что бесполезно). Просто рассказываем, что и как было. В том числе - про существовавшие казачьи обычаи, традиции, законы (и собственные, и навязанные государством), какими бы "неправильными" не казались они после стольких коренных изменений во всех сферах жизни, после фактического уничтожения казачества вместе с основными носителями его знаний.

Если уж говорят сегодня о "возрождении казачества" - надо хотя бы элементарно представлять, что это такое было! А по большому счёту - даже и хорошо представлять желательно.

Если же строится нечто новое, лишь используя набор старых терминов - тогда дело другое. Тогда, может быть, действительно назад оглядываться не обязательно. Правда, тогда честнее будет признать - это мы ДОСААФ воссоздаём. И всё: никаких больше претензий. Армии помогать и патриотическим воспитанием заниматься можно, и не рядясь в черкески.

Хотя, конечно, я чиновников понимаю. В черкесках-то красивее, если шоу нужно. Вот важных гостей у нас встречают красавицы с хлебом-солью и бюстом не меньше 3-го размера. Приелось. И решили в международном аэропорту Сочи, учитывая грядущий наплыв олимпийских VIP-персон, приставлять к оным ещё и почётный караул из добрых молодцев "казачьего войска" в малиновых черкесках (для чего создаётся спецподразделение из 20-ти человек). Как там нужно кричать по старо-ново-модному? "Любо, казаки"!?

(А вот съёмку исторических сцен Кавказской войны 19 века из снимающегося фильма по требованию краевого Законодательного собрания отменили: нечего разжигать рознь. Депутаты-то думают, что царили в те годы меж казаками и горцами сплошь "тишь да благодать"...).

Отдельный разговор о роли священников, за которых "заступился" автор заметки. Да кто ж против их участия в деятельности казачьих обществ (и ДОСААФ)? Мы, опять же, говорим, как обстояло тут дело в прежних казачьих общинах - и на заре становления казачества, и в пору его расцвета. Хотя бы для того, чтобы предостеречь против опасного для самой же Церкви навязывания веры.

Не секрет, что огромное число нынешних казаков (как и вообще граждан РФ) православные лишь на словах (или на страницах газет, уж кому как нравится). Сколько из них постоянно ходит в храм (не только на "мероприятия") и, тем более, исповедуется и причащается?..

До 1917 года Россия слыла православной страной. И

вдруг... Сами знаете, что вышло: вполне себе вроде бы православные, вовсе не жидомасоны какие, ударились с религией бороться, да ещё как! Но только вот "вдруг" ли всё приключилось? В том же 17-м, скажем, выяснилось: постоянно исповедуются и причащаются меньше 10 % солдат Русской армии.

Казаков, конечно, поболее - но нам-то от того не легче. Ибо на местах многие члены казачьих обществ наследуют совсем не тому прежнему, верующему и знающему станичному большинству (из коего - сколько сгнуло в Гражданской войне и расказачивании, бежало за пределы России?) - а тем, кто принял безбожную власть, стал для неё (пусть поначалу и вынужденно, ради выживания) "своим".

Что теперь тянутся к вере - хорошо. Но вести туда "стройными рядами", по команде - Боже упаси! Результат может быть обратным желаемому. "Стройными рядами" в Церковь не приходят, по команде веру не меняют. В храм каждый приходит - сам (только малое дитя - за руку с мамой). Незнание же истории и традиций ведёт обычно к тому, что вместо благозадуманного восстановления порушенного рождается нечто совершенно... ну, пусть не чуждое, но - пугающе аляповато-попсовое. Более того - именно на такую развесистую клюкву и уходят деньги, по бумаге расписываемые на "возрождение". Яркий пример - устройство там, откуда начиналось освоение запорожцами Кубани, разлили-малины под названием "Станица Атамань". Неужто вот таким власти края, на словах радеющие о "возрождении казачества", представляют его себе?

Зачем Тамани - "Атамань"??

Да, любят власти повторять про "любимый край казачий" и о том, как они ценят его историю.

5 сентября 2009 г. у станицы Тамань на Лысой горе с огромным шумом открыли т.н. "Казачью станицу Атамань". Построенное поименовали важно: "туристический комплекс этнической направленности". "Исторической попой" - назвали в прессе: "Пляшут цыгане, казаки и адыги, отовсюду доносятся кубанские песни (к вечеру сменяющиеся

песнями советской и современной эстрады). В общем, всё, как надо - этнодеревня в духе какой-нибудь индейской резервации" (писала "Новая газета Кубани" о событии, подаваемом в крае едва ли не как важнейшее за год).

Сама по себе идея хороша - представить быт казаков, собрав в одном месте частички разных станиц. На 20 гектарах усилиями всей Кубани устроены подворья, колодцы, вышки, часовня, дома правления и атамана, извозничья, трактор "Цыбулька", школа "Грамотейня". И тут же - "избушка Бабы-Яги" ("Отчаянно храбрые люди у нас в администрации - не побоялись на Лысой горе-то!" - заметил один журналист), кибитки цыганского табора...

"Каждому муниципальному образованию было задание: построить колодец, подвал, хозяйственные постройки и хату, которая бы отражала одну из профессий, - рассказала курировавшая работы вице-губернатор края Г. Золина. - Так появились хаты кузнеца, пекаря, шорника, винодела, рыбака, мельника, пожарника, оружейника, гончара, священнослужителя..."

В будущем рядом с "Атаманью" появятся гостиницы. По словам открывшего "станицу" губернатора А. Ткачёва, это важный коммерческий проект - "вторая после игорного комплекса "Азов-Сити" точка развития Азовского побережья" (на всякий случай, если кто не знает - станица Тамань находится на берегу Таманского залива Чёрного моря).

На открытие свезли автобусами несколько десятков тысяч человек. По строгой разрядке (как и деньги изымались из худых районных бюджетов кризисного времени).

Между тем строительство на некрополе VI-IV веков до н.э., странное сочетание традиционных станичных построек, православной часовни и - "избушки Бабы-Яги" с черепами на ораде, "хаты колдуна", цыганского табора, вызвали возражения учёных и деятелей культуры.

Н. Сударев, специалист Института археологии РАН по ан-

Открытие "Атамани"

тичным некрополям, уверен, что на Лысой ещё много уцелевших склепов. Буквально на глубине штыка лопаты - мировая история! Например, знаменитый резной мраморный саркофаг из Гос. исторического музея (предметы из него - в Эрмитаже) - как раз отсюда.

Многие боятся, что за шумными и весьма затратными мероприятиями "быстровозводимого мифа" (опять же цитата) забудется необходимость помощи культуре, сохранения исторического наследия Тамани. Например - реконструкции археологического музея (давно нуждающегося в новых площадях), неотложных мер по спасению музея Лермонтова, других памятников.

Издания подготовленной В.И.Лихоносовым книги о здешней старине. Задуманного археологами строительства Научного центра и музея античной Фанатории (находившейся на Таманском полуострове столицы азиатской части Боспорского царства)...

"Неудачно выбрано и само место, - говорится в статье "Лысая история" той же "НГ Кубани". - Два звонка и одна эсэмэска, тут же, на месте, обошлись почти в 200 рублей - рядом Украина, тамошний роуминг съедает всё. Зимой место обдувают шквалистые ветры, бьются волны - видно, что обрывистый берег потихоньку сползает в море... Несмотря на заявленную круглогодичность, в этом году "Атаманы" в конце октября прикроют до весны. Что останется от соломенных и саманных домиков к тому времени, не решусь и предполагать..."

14 октября действительно объявили о закрытии сезона

Памятник "примирению"

комплекса. Туристического бума к этому моменту явно не случилось - после открытия сюда снова обязывали в приказном порядке везти школьников. Теперь демонтируют декорации (иначе их просто сдует зимой). Открется ли "станция" весной - это, полагают некоторые, уже неважно. Главное - деньги "освоены"!!

Повторю в итоге: говоря, что и как было прежде, высказывая соображения, что из этого сгодилось бы сегодня, а что - вряд ли, мы, как и наши предшественники из "Станицы", выходявшей в 20-30-х годах прошлого века, думаем о будущем. Глядишь, через какое-то время и наша подшивка

пригодится кому-нибудь. Может, и казаки (настоящие, не декоративные) тогда понадобятся России?..

Ах да, забыл ещё. "Гражданское примирение", наконец, свершилось! Не знаю, как где - а в Краснодаре точно. Нет, исторические имена городу и станицам не вернули - пока только часть войсковых регалий, строго в качестве музейных экспонатов (как свидетельства былого, какие-нибудь скифские или хазарские древности). Зато вот памятник свершившемуся "замирению" в центре города уже есть - в дополнение к сотням разномастным ильичей, разбросанных по всей Кубани, и улицам, поименованным в честь палачей и карателей.

"Примирени", как говорится, полный. Есть теперь, где детям комсодовцев помянуть жертв своих отцов!..

Г. Кокуньо

Ещё раз о судьбе Уральских казачьих знамён

В "Станице" уже шла речь о ситуации, сложившейся с "выдачей" в Россию знамён Уральского войска, вывезенных казаками после поражения в Гражданской войне в Австралию. Комментарии на публикацию от организаторов и участников "выдачи" мы так и не получили - зато за это время накопились ещё новые вопросы.

21 июня 2009 г. в городе Брисбен, в храме Св. Николая прошло очередное странное действо - церемония по случаю получения копий двух знамён, вывезенных в Россию с одобрения настоятеля храма о. Гавриила Макарова и руководства Австралийско-Новозеландской епархии членами т.н. "Центрального казачьего войска" (организации, не имеющей никакого отношения ни к Уральскому, ни к какому-либо иному историческому казачеству).

Не желая объяснить мотивы своих действий, епархия лишь способствуют порождению всевозможных слухов. Вот говорят даже, что "делка" могла принести от 20 до 60 тысяч долларов!.. Что касается подлинных знамён - одно из них вроде бы передано (перепродано?) в Оренбург, судьба второго пока неизвестна.

В качестве комментария прилагаем письмо Михаила Олеговича Толстова (внука Уральского атамана В. Толстова) настоятелю Брисбенского храма.

А. Насыров - Толстов

Дорогой отец Гавриил!

Благодарю за любезное приглашение принять участие в церемонии 21 июня 2009 года - в ознаменование получения копий Уральских казачьих знамён, вывезенных в церковь Св. Николая в Оренбурге и в Москву.

Это деликатный и достаточно сложный вопрос. Ряд потомков уральских казаков в Австралии выразили мнение, что подлинные знамёна должны находиться здесь. То, что одно из знамён временно доверено Оренбургу, имеет некоторое обоснование (хотя бы по соображениям безопасности) - тем более, что там проживает небольшое число уральских казаков. А вот то, что другое отправлено в Москву, непонятно (особенно помня поговорку уральцев: "Живи, пока Москва не знает!").

Хотя я лично не имею достаточных сведений о состоянии русских дел, чтобы достоверно судить о безопасности знамён в Казахстане, я всё же могу засвидетельствовать, что в течение двух десятилетий казаки там стремились вернуть свою историческую собственность в церковь Св. Михаила в Уральске, и я выступаю от их имени.

На прошедшей церемонии репатриации знамён присут-

вовал Сергей Толстов. Вчера он умер, но успел выразить сожаление по поводу своего участия в этом деле. Он считал, что решение о репатриации было преподнесено церковью, как свершившийся факт. Говоря откровенно, церковь проигнорировала уральское казачье мнение...

Были проигнорированы условия хранения, отражённые в соответствующем письме казаков к Уральскому атаману Толстову в 1939 году (см. "Станица", № 51 - ред.). Эти условия не передают церкви права распоряжения казачьей собственностью - право изъятия её является правом уральских казаков здесь, в Австралии.

При этом церковь не предоставила уральским казакам какое-либо обоснование, чтобы оправдать незаконное присвоение или какие-либо права на осуществление юрисдикции над казачьими реликвиями. Не было никаких предварительных консультаций - ни с местными вкладчиками знамён, остатком Уральской Белой армии, ни с кем-либо в Казахстане. Вместо этого вопрос о знамёнах был передан на суждение местной церковной комиссии и не имеющего представления о ситуации епархиального совета отца Михаила Протопопова.

Я, как минимум, чувствую, что церковь не понимает Уральскую казачью позицию. Казаки же в Уральске посчитали, что Сергей Толстов предал казачество, участвуя в этой церемонии как его "представитель"!!

Нет никаких гарантий, очевидно, для установления окончательного времени по возвращению уральской казачьей собственности и предоставления плана их передачи в Уральск.

Между тем случившееся выглядит странно. Это как если бы некая семья в одной стране поместила несколько портретов, связанных со своей историей, в банковское хранилище для хранения. А банк без предварительных консультаций с членами семьи взял, да и отдал портреты дальним родственникам из других земель или даже совсем чужим людям, вряд ли связанным с первыми. Затем этот банк изготовил поддельные копии портретов, поставил их обратно в хранилище - и предлагает теперь представителям семьи владельцев "отметить" это событие!..

В связи с вышеизложенным, я не уверен, что моё присутствие на предстоящей церемонии будет понято уральскими казаками - и теми, чьи отцы привезли знамёна в Австралию, и членами нынешних казачьих обществ в Казахстане - и с сожалением вынужден отвергнуть Ваше любезное приглашение.

М. Толстов, 17 июня 2009 г.

Быть - или казаться?..

(окончание; начало в №№ 51,52)

Если мы действительно хотим определить место казачества в сегодняшней жизни, ответив на поставленный в конце предыдущей статьи вопрос, то прежде всего необходимо понять - в каком качестве **сами казаки** стремятся видеть себя в условиях сегодняшней некоммунистической России (реальной, а не созданной контролируемой тем или иным образом властью газетно-телевизионной империей)? И даже не просто - какую нишу и в какой области многообразной жизни страны казачество считает "своей", но и готово занять?

Как мы уже говорили, существование казачества и его своеобразия в самоуправлении и укладе хозяйственной жизни были обусловлены тем, что оно поставляло в армию многочисленную первоклассную конницу, подготовка и содержание которой обходилось казне много дешевле, нежели регулярной кавалерии.

Существуют ли сегодня эти два главнейших компонента востребованности государства в казачестве - и как в прекрасном человеческом материале для армии и как вооружённых формирований, существенно экономящих финансовые средства? Отнюдь.

Да, страна крайне нуждается в частях с патриотически настроенным, морально сплочённым личным составом, желательно воспитанным на вековых традициях непобедимой русской армии (а не на мифическом "боевом пути" Красной Армии, существование которой началось паническим бегством из-под Нарвы и Пскова, а закончилось с распадом СССР). Да, больше двух десятков армейских частей, погранзастав, флотских экипажей сегодня официально носят название "казачьих" - но только этим дело и ограничивается: в него вмешивается политика.

Вспомним тот "восторг", с которым определённые силы и национальные меньшинства встречали возрождение казачества, появление его законодательной базы и "огосударвление" в лице Реестра. И можно представить, какой новый "прилив энтузиазма" вызовет формирование полнокровных, боеспособных казачьих частей хотя бы у тех же властей кавказских республик, дикий нрав и разбойничьи порывы жителей которых издревле укрощало казачество?! Ради дружбы с "младшими братьями" (точнее - устойчивости своих кресел) российская власть жертвует всеми предполагаемыми выгодами от реального воссоздания казачьих войск!

Тем более, что подготовка и содержание нынешних "казачьих" частей вовсе не облегчает положение госбюджета. Это прежде казак являлся в полк полноценным воином, получив боевую подготовку в станицах; теперь обучение даже "казака"-мотострелка, при наличии в частях сложной, дорогостоящей техники и вооружения, обходится казне не дешевле, чем мотострелка-неказака.

Но, может, утратив особое положение в армии, казаки могут проявить себя в других сферах деятельности, заслужив снова высокий общественный статус?

Почти на каждом круге (раде) любого уровня мы слышим, какими огромными природными ресурсами, сельхозугодьями, научно-техническим потенциалом располагают "казачьи" регионы и какой мощной экономикой могут обладать Казачьи Войска, объединив свои сырьевые и финансовые ресурсы и проводя согласованную экономическую политику. "Казачий" Дальний Восток - лес, рыба, пушнина, нефть, газ, Тихоокеанский рынок сбыта; Сибирские и Урало-Оренбургские "казачьи" регионы - зерно, мясо, нефть, рыба, лес, пушнина, Среднеазиатский и Туркестанский рынок сбыта; "казачий" Юг России - зерно, фрукты, рыба, нефть, уголь, морские и горные курорты, порты... Аж дух захватывает!

Но это лишь умозрительная благость! Во-первых, не нужно путать ресурсы (сырьевые, сельскохозяйственные, научно-технический потенциал), находящиеся на территориях бывших исторических Казачьих Войск, с тем, чем сегодня реально располагают "Казачьи Войска". Разве "Всевеликое Войско Донское" хоть в малой степени хозяин земель бывшего Войска Донского? Говоря "неполиткорректно" - имеет ли оно вообще хоть крошечный кусок "своей" территории? Или пусть даже не владеть им может, а хотя бы распоряжаться? Например, сдавать в аренду зе-

мли, на которых ведётся добыча угля, иметь доход с проложенных по его землям железным дорогам? Ответ очевиден. И точно такое же положение с "войсковыми" землями и их ресурсами в других "казачьих войсках".

Во-вторых, даже допустив, что нынешние Войска сумеют объединить свои финансовые ресурсы и начнут вдруг проводить продуманную, целенаправленную экономическую политику, вряд ли они смогут достичь чего-то существенного, что заставило бы считать казачество серьёзным игроком в финансово-экономической жизни страны. Сырьевые ресурсы, прибыльные отрасли экономики, торговля, экспорт-импорт давно находятся в руках олигархов, поделены и переделаны между группировками коррумпированного чиновничества, жиреющего на взятках и "откатах", мафиозными бандами, орудующими "под крышей" подельников-"оборотней в погонах". Потерпят ли они вторжения в "их" сферу интересов сильного конкурента, который наверняка не пожелает жить по их "понятиям"? Конечно, нет, и они приложат все свои возможности, начиная от легальных (лоббисты в Госдуме, правительстве и местном самоуправлении) и кончая помощью бандитов и "оборотней".

Может ли казачество в ответ явить себя мощной самостоятельной силой на политическом поле России? Такие попытки обозначить себя были, но - увы! Казаки пробовали заявить о себе как независимая сила, начав создание "Казачьей народной партии". При тогдашнем минимуме членов политической партии в 10 тысяч членов удалось собрать лишь треть указанного числа, на чём "независимая" политическая деятельность и завершилась.

Возможно, казачеству нужно вступать в уже существующие политические партии, выдвигая в органы власти своих наиболее активных, "раскрученных" представителей, которые станут представлять и отстаивать интересы казачества? Есть и такой опыт: например, депутатом Госдумы был атаман "Союза казаков" А. Мартынов - и дальше набивших оскомину общих фраз о "возрождении" и шумихи о необходимости "Закона о казачестве" дело не пошло. Сегодня среди депутатов - атаман реестрового Дона В. Водолацкий, и толк от его деятельности ровно такой же (если не считать известного скандала с некоей "Матильдой" - см. предыдущий номер "Станицы").

Но, может, принятие этого самого пресловутого закона и есть выход из плачевного состояния? Вряд ли. Каждый из предлагаемых его вариантов начинается с постановки вопроса о самом понятии сегодняшнего казачества, сводящемся к двум вариантам: **народ** либо **сословие**.

Допустим - отдельный народ. Но почему из немалого числа народов России именно казаки должны обладать особым статусом и собственной законодательной базой?

Конечно, кроме основного Закона страны - Конституции - есть ряд сравнимых с ней по значимости законодательных актов отдельных регионов, в основном национальных республик. Но акты эти имеют народы, обладающие официально оформленной "своей" территорией, и действие их распространяется не только на титульный народ республики, а на все населяющие её народы и народности. Так что, получи казаки "собственную" территорию (забавно, по какому принципу она станет "нарезаться", к примеру, казачьим структурам Москвы или Питера?!), - какой в этом практический смысл? По аналогии с национальными республиками РФ, новоявленный "казачий народ" даже на "своих" землях не будет обладать преимуществами перед другими проживающими там народами. Так из-за чего шум? Только ради пиара борца за "закон"?

Но нереально и придание казачеству статуса сословия (каквым оно фактически являлось в императорской России и республике периода 1917 года). В сегодняшней некоммунистической России никто не собирается, насколько я понимаю, отменять Декрет большевиков об упразднении сословий. Но если даже каким-то образом будет восстановлен статус казачества как служилого сословия, почему тогда не вправе потребовать этого и прочие "лишешны" (дворяне, купечество, духовенство)? И тогда следующий шаг восстановивших свой правовой статус очевиден: это совместная борьба уже за возвра-

щение отнятых у них "товарищами" имущественных прав, пусть даже не в полном объёме и не в единый миг. Понравится ли такая перспектива сегодняшним владельцами "газет, фабрик, пароходов"?

Но если поднятая вокруг "Закона о казачестве" шумиха не стоит и выеденного яйца, ибо его принятие не решит ни одного из стоящих перед казаками вопросов - что-то ведь делать всё равно надо, дело идёт не просто о сегодняшнем состоянии, но и о будущем казачества!

Автор уже не раз повторял, что основная причина слабости сегодняшнего казачьего возрождения - его интеллектуальная немощь, правовая безграмотность и отсутствие достойных лидеров со звена "округ-отдел".

Пару лет назад, работая с группой юристов и экономистов над заключением по ряду внесённых в Госдуму законопроектов, я был удивлён числу законодательных актов, регулирующих вопросы землеустройства и местного самоуправления - свыше 1400! Большинство - "сырые", несвершённые, некоторые противоречили друг другу, отражая интересы лоббирующих их финансово-экономических групп. Но их объединяло одно - на практике, при умелой работе, отбирая нужные себе и одновременно "строгая защиту" от противоречащих им по смыслу законов, можно было делать с землёй что угодно, выстраивая выгодные правоотношения с местной властью и населением. Именно этим занимались "грамотные" люди, отчего ныне существуют "отвечающие" законодательству огромные земельные латифундии и нищез, беспорядочное местное население.

Подавляющая часть этих законов существует и поныне, дополненная другими правовыми актами, особенно в области местного самоуправления (например, заслуживает особого внимания проблема местного общественного самоуправления, которое может стать альтернативой "официальному" и практически работать наравне с ним). Получается, нет смысла ломиться в открытую дверь, сотрясая воздух криками о "Законе о казачестве"! Нужна команда опытных, искушённых в своём деле юристов и экономистов (не по диплому, а по знаниям), которые начнут работать "в нашу пользу" над уже существующим законодательством. В результате на свет может появиться некое практическое пособие к действию - допустим, "Сборник законов для казачества", регламентирующий все сферы жизнедеятельности и возрождения казачества. Только способны ли на эту работу нынешние вожди движения? Состояние интеллекта и авторитет многих "реестровых" и "вольных" атаманов отлично отражает довоенный юмор о "непобедимой и легендарной". Вопрос: "Что вызывает генерал Красной Армии?" Ответ: "В мирное время - смех, в военное время - панику".

Всё перечисленное имеет отношение во внутренней жизни казачества. Казовы же его перспективы в завтрашней жизни державы? Или ему предначертано судьбой так и остаться вечно "возрождающимся" и молящим о принятии "закона", которым добрый "батюшка-хозяин" укажет ему место и обласкает подачкой льгот-привилегий?

Ответ - в определении казачества, данным (или повторённым) последним украинским гетманом Петром Скоропадским в 1918 году: "Казачество - способ выживания восточного славянства в критических обстоятельствах".

Сегодняшняя Россия на пороге возможных "критических обстоятельств" - экономический кризис, резкое социальное расслоение, отсутствие конституционного порядка на русском Кавказе и т.д. И если сильное, монолитное, организованное казачество не нужно власти предрержащим сегодня, при "спокойном" развитии событий, оно может оказаться востребованным завтра, когда в преддверии "критических обстоятельств" они будут нуждаться в мощной национально ориентированной силе, способной предотвратить наступление упомянутых обстоятельств.

Конечно, востребованным казачество будет лишь как реальная сила, а не в сегодняшнем состоянии "еле-еле душа в теле". Но возможно ли внутреннее сплочение и осознание общих интересов, если значительная часть его находится под прямым контролем власти, чьи интересы не всегда совпадают с казачьими? В этом случае крайне полезно вспомнить тезис коммуниста № 2 Льва Троцкого, приведённый в доказательство необходимости физической ликвидации казачества: "Казачество - единственная самоорганизующаяся часть русского народа".

Троцкий, чья партия штыком и пулей насаждала свое безраздельное господство в России, понимал опасность казака для коммунистической диктатуры куда глубже, чем коммунист № 1 Ульянов-Ленин с присущим ему примитивизмом: "Казак - это не просто кулак, а кулак с оружием". Неужели казачество забыло эту ценнейшую способность (или она была выбита из него за годы коммунистического геноцида), присущую только ему - быть самоорганизующейся частью своего народа? Вопрос, пожалуй, только к "вольному" казачеству, поскольку "реестровики" уже "организованы" властью и за них "думает" Администрация Президента.

Нужна ли "самоорганизация" казачества, и если "да", то в каком масштабе - федеральном, межрегиональном, региональном? На какой духовной основе и организационных принципах это может быть осуществлено? Не будем забывать, что многие атаманы и актив "вольного" казачества потому и не стали "реестровыми", что не захотели лишиться самостоятельности и подчиняться диктату назначаемых властью атаманов. Не расценят ли они "самоорганизацию" как нечто схожее с неформальным "реестром"? Если "самоорганизация" состоится, как "вольное" казачество станет взаимодействовать с "реестровым"? Выработает общую, взаимоприемлемую платформу действий или станет действовать самостоятельно, лишь консультируясь по важнейшим вопросам?..

Вопросы, вопросы... А ответы на них необходимы, если казачество намерено стать реальной мощной силой и действительно возродиться, а не быть побирушкой у стремени власти.

А. Серба

Мигель Краснов-Марченко: последние новости из Чили

Начиная с 1998 года, "Станица" не раз обращалась к удивительной судьбе нашего соотечественника - бригадного генерала армии Чили Михаила Краснова-Марченко. Его отцом был известный донской генерал Семён Краснов (казнённый в СССР), а дедом по материнской линии - кубанец полковник Марченко, возглавлявший в 20-х годах один из отделов РОВС в Европе.

В этом году беспросветная ситуация с чилийским "правосудием" и опасения за судьбу Михаила Семёновича и его семью вынудили его адвоката обратиться с письмом в различные зарубежные инстанции. Это попытка рассказать правду о том, что происходит с его подзащитным. Адвокат Карлос Порталес, кстати - известный чилийский юрист. Изучив детали обвинений, столкнувшись с многочисленными нарушениями и неконституционным судопроизводством в деле Краснова, он предложил свою профессиональную защиту как адвокат "ad honorem" - т. е. в то время, когда клиент уже находится в заключении, после вынесения приговора. Случай исключительный, учитываемый почти безнадежное положение подзащитного!

Специально для "Станицы" ситуацию комментирует друг М.С. Краснова - Руслан Гаврилов, живущий в Чили кубанский казак. Ниже мы приводим также список судебных приговоров, которыми пришедшие к власти в Чили левые "наградили" генерала за многолетнюю службу стране. Ещё до их вынесения мы спрашивали - не будет ли он просить российское гражданство? Может, лучше уехать из Чили?.. На что он отвечал - что, при всей любви к родине предков, он солдат армии Чили, никакой вины за собой не признаёт, а попытку уехать можно ведь расценить как такое, хоть и косвенное, признание!

Но с точки зрения редакции, в сложившейся ситуации всё же не остаётся ничего иного, как просить Россию о гражданстве. Как бы то ни было, но мы просим Михаила Семёновича об этом!

Г.К.

Чудеса чилийского правосудия

В январе этого года были отправлены документы и письма во всевозможные зарубежные инстанции, в том числе в России, для предварительного ознакомления с юридическим положением Михаила Семёновича. Однако, боюсь, такого ознакомления на серьёзном уровне не произошло. Некий чиновник одного из российских

ведомств отвечает следующим образом:

"Уважаемый адвокат... в результате неоднократных процессов М.С. Краснов-Марченко был приговорён к тюремному заключению по обвинению в совершении преступлений против человечности, организацию похищений и убийств, участие в пытках и расстрелах представителей политической оппозиции (об этом не говорится даже в официальном приговоре Верховного суда - Р.Г.) 1973-1989 гг., в период его службы в Национальном Разведывательном Управлении (ДИНА) в годы диктатуры А. Пиночета (Михаил был прикомандирован к ДИНА в течении менее чем двух лет, начиная с середины 1974-го, а не весь период "диктатуры" 73-го по 89-й. Кроме того, сама ДИНА просуществовала всего 4 года, как специально созданный организм в борьбе с терроризмом и организованной преступностью того времени - Р.Г.). Все приговоры были подтверждены Верховным Судом Чили... М.С. Краснов-Марченко является гражданином республики Чили. Он не был гражданином СССР или России... Российская сторона считает невозможным какое-либо вмешательство во внутренние дела другого государства и не видит причин сомневаться в постановлениях чилийской юстиции..."

Как видно, бюрократическое мнение всецело основывается на более чем сомнительных публикациях в прессе (причём вполне определённого идеологического толка), но не на предоставленных адвокатом Михаила документах. Между тем никаких конкретных ответов и, тем более, действий в его поддержку из России мы не дождались. Безразличие западных стран понятно, так было всегда, стоит припомнить Лиенц. Но Россия?..

Срок, который отбывает Михаил, подаётся в прессе как наказание за преступления "против человечности". Между тем в большинстве своём мало кто знает, что все его приговоры были вынесены без предъявления доказательств состава преступления! Только "на основе подозрений" (так и пишется!) - и то, не в "преступлениях против человечности", а в "соучастии в похищении такого-то и такого-то лица" (и то - зачастую всего лишь похищения "предполагаемого").

Вроде так: дорогой кот, с этого момента официально объявляем тебя "кровожадным волком и вообще людоедом". Нам об этом сказала лиса, так как на то у неё есть свои подозрения. Говорит, что это ты всех барашков перегрыз, и мы ей верим. И не плети здесь, что ты только мышами и крысами интересовался. Ну а если не согласен - докажи обратное, что это не так, но теперь везде мы будем так и указывать - ты теперь волк.

На этой хорошо оркестрованной в течение вот уже 25-ти лет "басне Крылова" в конце концов сформировалось общественное мнение по отношению к конкретному человеку. А тут ещё некоторые "защитники": "правильно делал, что красных долбил, как это делали все его предки!" Или: "вот достой-

ный продолжатель арийского происхождения - сын и внук соратников великого фюрера!" А обвинители только и ждали - теперь всем ясно, что мы не ошиблись? Кто за этого "кота" вступаете?..

В прессе часто указывают ещё и на некую принадлежность Краснова к "верхушке пиночетовской клики". Между тем в 70-х годах Михаил - молодой выпускник Военной Академии, в звании лейтенанта - и согласитесь, крайне трудно представить его выполняющим какую-либо главенствующую роль...

Из Краснова просто "вылепили" подходящий символ - как для левых, так и для правых. А защититься ему сложно - это ведь не Пиночет. К которому, пока не пришло ему в голову ехать в Европу, здесь, в Чили, никто даже вполголоса не лез с обвинениями - в конце концов так и умер дома, в окружении родных, со всеми государственными почестями на похоронах.

С Михаилом - всё не так. У него вон и фамилия... ну, скажем - известная. Статуса политического деятеля он никогда не имел - обыкновенный лейтенант, нормально выполнявший свою работу, дослужившийся блестящим образом до звания бригадного генерала (кстати, присвоенного ему через 11 лет после прихода демократии, демократическим же правительством!).

В 70-х годах Михаилу довелось работать с актуальной и по сей день проблемой - терроризмом и организованной преступностью (причём, подозреваю, что актуальной во многом благодаря стараниям как раз его нынешних обвинителей!). Теперь бывшие противники подают это так: убивал невинных людей, сколько мог, чуть ли не от удовольствия, за дедов отводил душу.

Давно уже все юридические доказательства его невинности, в том числе неконституционального и незаконного вынесения приговора, разосланы во все известные инстанции. Но в ответ - тишина, как говорится.

Ненависть и потирание рук от чувства свершившейся мести со стороны врагов - всё же ожидаема и понятна. Непонятно другое - что со стороны тех, кто вроде бы на стороне Михаила исходит только... сочувствие! - а не возмущение откровенным беззаконием.

Мы помним, как сразу буквально после революции 1917 года Ленин заявил: "Петра Краснова необходимо ликвидировать - будь он хоть красным, хоть белым". Как раз этот завет Ильича был выполнен, и с лихвой, по отношению вообще ко всей фамилии Красновых. Изучаешь сегодня материалы очередного "дела" Михаила Семёновича - и невольно думаешь, что для нынешнего соц. интернационала тот завет всё так же актуален, как и 90 лет назад. Недаром любители коммунисты повторяют, что их вождь "живее всех живых!"

Повторю - даже с приходом демократии, за два президентских периода (президенты Патрисио Эйльвин и Эдуардо Фрей), целых 11 лет после правления Пиночета, Михаил Краснов служил нормальным образом, получал награды и звания. Картина изменилась с приходом к власти социалистов - в 2000 году, когда развернулась настоящая "охота на ведьм", продолжающаяся по сей день. Сценарий - по советским лекалам 20-х, 30-х годов, с частками правительства и армии.

По законодательству Чили, если человек совершил "преступления против человечности" (как пишет пресса о Краснове), его должно приговорить к пожизненному заключению. Кстати, само международное

Родители мамы - Мария и Владимир Марченко (1930 г.)

П.Н. и С.Н. Красновы с жёнами (30-е годы)

Семён Краснов (в центре), Италия, 1945 год.

Мама - Дина Краснова-Марченко (Лиенц, 1945 г.)

соглашение о "преступлениях против человечности" демократические власти Чили подписали лишь 30 июля 2009 г. - и до сих пор в законодательстве страны вообще нет юридической типификации этого типа преступлений! То есть "преступлением против человечности" в Чили можно называть пока вообще всё, что угодно: воровать курей, плевать на мостовую, переходить улицу на красный свет - одним словом, на усмотрение власти!

Почему же тогда Михаила просто завалили приговорами - по 2, 3, 5, 10 лет заключения (напомню - без предъявления доказательств!), а не упрятали за решётку пожизненно? А вот именно потому, что доказательств никогда и не было! Так проще - просто завалить человека сотней обвинений и процессов - попробуй, выкрутись, хватит ли здоровья?..

Михаилу припомнили абсолютно всё - начиная с родственников, повешенных 60 лет назад как "гитлеровские коллаборационисты", и заканчивая разведывательной работой и участием в боях (эту деталь чилийской реальности тех лет почему-то замалчивают) с террористами из MIR. Уже очевидно, что ему никогда не простят участие в ликвидации руководителя этой международной террористической организации Мигеля Энрикеса - организатора многих терактов на всём Южноамериканском континенте.

Между прочим, этот последний факт не фигурирует ни в одном деле, так как речь идёт о вооружённом нападении численно превосходящих и несравнимо лучше вооружённых боевиков на патруль лейтенанта Краснова (у него не было даже портативного радио для вызова подкрепления - ещё одна реальность снаряжения чилийских военнослужащих тех лет). В результате боя большинство боевиков были уничтожены, а остальные (в том числе ближайший соратник и врач по профессии Умберто Сотомайор) скрылись, бросив своего смертельно раненого лидера (о трусливом бегстве ближайших соратников и телохранителей Энрикеса с возмущением писала в своё время даже левая пресса). Это событие нанесло тогда невосполнимый удар всей структуре социалистического революционного движения в Южной Америке, приведя к расколу среди руководителей самой MIR.

Напомним: до вынужденного вмешательства военных в 1973 году, MIR, связанная с сетью международных террористических организаций левацкого толка, шесть лет совершала в Чили многочисленные теракты и убийства (в том числе - в течение трёх лет правления Альенде). Отсталая страна с населением чуть больше 10 миллионов, сконцентрированным в основном в дюжине городов, с неразвитой структурой правоохранения, всеобщей коррупцией и анархией, кризис, безработица - отличное поле действия для организованной преступности и террористов! Мало кому известно, что Чили фактически ещё с конца 60-х находилась на грани гражданской войны, наводнённая вооружёнными экстремистами и преступниками самого различного толка.

Никто не ставит под сомнение сам факт существования людей, злоупотреблявших своей властью. В разных странах это случается почти всегда, когда тот или иной народ охватывает состояние ненависти и войны, будь то гражданская или межнациональная. Так же как не бывает войн, которые обошлись бы без проявлений жестокости и без погибших среди невинных. Однако за 25 лет тщательного и пристрастного исследования жизни и деятельности Михаила, обвинители и судьи до сих пор не нашли ни одного - **ни одного!** - доказательства его вины в совершении преступлений, тем более таких тяжких, как преступления "против человечности"!

Заметим здесь, что убийства, ограбления банков и похищения людей с целью получения выкупа совершаются "откровенно" чилийскими элементами той самой MIR до сих пор - и в Чили, и в Аргентине, Бразилии. Только теперь социалистическое правительство в Чили всяческим образом "открещивается" от своих недавних чересчур уж рьяных "революционных соратников". Почему же тогда в случае, когда лейтенант М.Краснов воевал с этими бандитами - они, эти же самые, признаются "борцами против диктатуры"?

В сложных условиях работал лейтенант Краснов, стараясь очистить страну, в которой вырос с детства, от преступников и бандитов. А ведь его мать, Дина Марченко, как в воду тогда глядела, когда говорила ему: сиди тихо, учи английский и работай бухгалтером, а о военной карьере забудь! Найдут ведь - душу вывернут и сгноят, как отца, дядю, племянника и дедов. Не поверил Михаил - и вот теперь продолжает платить по счетам всех ненавистных коммунистам Красновых!..

Между прочим, напомню: в 2000 году посол РФ в Чили предложил ему принять гражданство, но Михаил хотел иметь двойное, не отказываясь от чилийского. Однако такого расклада российский закон не знает, и дело зашло в тупик. Уже незадолго до вынесения приговора были ещё попытки уговорить Михаила просто выехать в Россию. И уже там - хоть в тюрьме, хоть под арестом, но на Родине! - доказывать свою невиновность. Михаил категорически отклонил эту возможность. Он так и сказал: стоит мне уехать, как чилиец или с российским гражданством, сразу скажут, что бегу, а я за собой никакой вины не имею и бегать по кустам не собираюсь, верю, что правосудие справедливо разложит всё по своим местам. И уж тогда с радостью вернусь в Россию - но не как беженец, а как человек чести и совести!..

И что же теперь?..

Если говорить совсем откровенно - надежд на успех немного. Особенно теперь, когда озвучено официальным письмом нынешнее отношение к ситуации на определённом (пусть и невысоком ещё) бюрократическом уровне в России.

А пока - Михаил в тюрьме; семья его мытарится кое-как, в то время как бывшие террористы на свободе, амнистированы (специальным законом, утверждённым ещё во времена Пиночета, о чём современные тоже демократы помалкивают) и получают пенсии "в исполнение ущерба".

Сейчас, кстати, готовится к печати уже шестое (!) за последние два года издание книги "Михаил С. Краснов. Пленник за службу Чили" (автор - известный чилийский историограф Жизела Энсина) - в Чили она стабильно находится в пятёрке наиболее читаемых, и уже вышло два её издания на английском языке. Книга переведена на русский, и теперь решается вопрос с изданием в России.

Михаил благодарен всем, и "Станице" в том числе, что вы тем или иным образом стараетесь чем-то помочь. В разговорах он по-прежнему подчёркивает свою принадлежность к казачеству, любовь к нашей культуре, истории России. Он совершенно естественным образом чувствует себя частью нашего народа, даже на таком расстоянии. Так и говорит: **"Где бы я ни был - казакom родился, был и останусь, для меня это самое главное, и это не зависит от штампа в паспорте или его цвета"**.

Да - порой нам здесь, его друзьям, кажется, что все усилия в поддержку его имеют тот же эффект, что и горох об стену. Но он - **держится и верит!** Вот и нам ничего не остаётся, как верить и надеяться вместе с ним.

Р. Гаврилов (Сантьяго)

Михаил Краснов (справа), 1947 г., Австрия, лагерь беженцев

Мл. лейтенант М. Краснов, 1967 г.

Подполковник Михаил Краснов-Марченко

Наша справка

С 28 января 2005 г. и до настоящего времени Михаил Краснов-Марченко находится в Центре Заключение Кордильера сразу по **шести приговорам**:

1. **10 лет и один день тюремного заключения - по подозрению (!)** в соучастии в задержании и предполагаемом исчезновении боевика террористической организации MIR Мигеля Ангел Сандовал Родригес, произошедшего 7 января 1975 г. года в Сантьяго.

Примечание: с 4 по 12 января 1975 г. лейтенант Краснов был в служебной командировке в США (подтверждено документально). Даже главный свидетель произошедшего (признанный таковым самим Трибуналом) - господин Освальдо Ромо - заявил под присягой, что Краснов не имеет никакого отношения к произошедшему. Но показания свидетелей и доказательства невиновности обвиняемого не были приняты во внимание, как не были представлены и какие-либо доказательства его вины.

2. **5 лет и один день тюремного заключения - по подозрению (!)** в соучастии в задержании и предполагаемом исчезновении боевика MIR Дагоберто Сан Мартин.

Примечание: два свидетеля (боевики, арестованные вместе с Сан Мартин) заявили под присягой, что им хорошо известны арестовавшие их люди, но Краснов не имеет к этому никакого отношения. Показания свидетелей и потерпевших, доказывающие невиновность обвиняемого, не были приняты во внимание, как не были представлены и какие-либо доказательства его вины.

3. **10 лет и один день тюремного заключения - по подозрению (!)** в соучастии в исчезновении в Сантьяго трёх боевиков MIR, предположительно с 14 по 16 августа 1974 г.

Примечание: с 5 по 24 августа 1974 г. лейтенант Краснов находился в городе Чиян (500 км от Сантьяго, подтверждено документально). Кроме того, один из "исчезнувших" - г-н Рикардо Тронкосо Муньос - проживает в Мексике, где ему было предоставлено политическое убежище. Ни одно из неоспоримых доказательств невиновности обвиняемого не принято во внимание, как не были представлены и доказательства его вины.

4. **15 лет тюремного заключения - по подозрению (!)** в ответственности за смерть руководителя Центрального Комитета MIR госпожи Луми Видэла Мойя (её тело было найдено на территории посольства Италии в 1974 году), и по подозрению в предполагаемом соучастии в предполагаемом "похищении" Сергио Переса (мужа г-жи Мойя).

Примечание: в обоих случаях, министром Верховного Суда господином Солис была установлена ответственность в этих преступлениях других лиц. Во время одной из очных ставок между Красновым и бывшим членом полит.комиссии MIR господином Лаутаро Видэла (брат жертвы), последний исчерпывающе показал, что ему известны имена убийц его сестры Луми, и среди никто не имеет отношение к лейтенанту Краснову и его подчинённым. Показания свидетелей не приняты во внимание, как и доказательства невиновности обвиняемого. Хотя установлены настоящие преступники, министр Солис подписывает приговор Краснову (!).

5. **15 лет тюремного заключения - по подозрению (!)** в задержании и предполагаемом исчезновении боевика MIR госпожи Аарон Сивилиски 19 ноября 1974 г.

Примечание: с 16 ноября по 3 декабря 1974 г. лейтенант Краснов находился в командировке в Боливии (подтверждено документально). Доказательства невиновности обвиняемого не приняты во внимание, как не представлены и какие-либо доказательства его вины.

6. **10 лет тюремного заключения - по подозрению (!)** в за-

держании и предполагаемом исчезновении боевика MIR господина Мануэля Эдгардо Кортес Хоо 14 февраля 1975 г.

Примечание: с 3 февраля по 15 февраля 1975 г. лейтенант Краснов находился в служебной командировке в Боливии (подтверждено документально) Доказательства невиновности обвиняемого не приняты во внимание, как не были представлены и какие-либо доказательства его вины.

Согласно чилийскому законодательству, **приговоры не суммируются**. Потому реально Михаил Семёнович должен отсидеть в тюрьме **15 лет** (принимая во внимание лишь уже вынесенные приговоры). Т.е. осталось "немного" - **11 лет**. А ведь Краснову уже 64 года, здоровье прилично подорвано - и в "запасе" для него держат ещё около 50-ти процессов! Судя по тому, с какой лёгкостью чилийское "правосудие" на "демократический" манер обращается с законом, изобрести сразу после освобождения новый срок будет для него - не проблема!..

Михаил Семёнович и его жена Анджи с внуками, 2008 г. (на тюремной площадке для семейных свиданий)

В общем - расстрелять нельзя, так будем гноить потихоньку в тюрьме, пусть даже без доказательств - по простому **подозрению**.

А в это же время те самые "исчезнувшие" (в том числе "жертвы" Краснова) объявляются живыми и здоровыми - в Аргентине, Мексике, Швеции и других странах, часто под своими собственными именами. Случаются и вовсе скандалы, когда некоторые из них пытаются вернуться в Чили - хотя вот уже 30 лет их родным выплачиваются здесь пожизненные пенсии, как родственникам "замученных" борцов с диктатурой. И их имена на

мемориальных стенах приходится стыдливо замазывать...

Особо заметим - для левоверных российских журналистов и сотрудников МИДа: **ни в одном из обвинений**, официально предъявленных за все эти годы М. Краснову, не говорится о пытках, изнасилованиях, расстрелах, массовых убийствах, "преступлениях против человечности" - о чём любят сегодня поговорить коммунисты, "правозащитники" и "антифашисты", в том числе в России (как и государственные чиновники, когда им не хочется что-либо делать).

И последнее. Чтобы лучше представлять, с кем именно приходилось в своё время иметь дело лейтенанту Краснову - вот лишь краткая статистика терактов, совершённых боевиками из той самой MIR (из официальной сводки за 1967-73 гг.):

Ограбления банков и экспроприации частного имущества - **68**;

Захваты частных сельскохозяйственных участков (организованные представителями коммунистической и социалистической партий) - **1.598**;

Захваты фабрик, заводов и служебных помещений - **34.000**;

Вооружённые нападения и захват помещений школ и университетов - **156**;

Захваты помещений региональных правительственных управлений и мэрий - **6**;

Покушения и вооружённые атаки на юридические учреждения - **6**;

Вооружённые столкновения, нападения на учреждения и представителей правоохранительных органов - **54**;

Похищения и вооружённые нападения на учреждения и представителей СМИ - **23**;

Вооружённые захваты частных домов и квартир - **9.000**;

Вооружённые столкновения и атаки на учреждения и представителей армии - **10**.

Ну, и так далее, и тому подобное... **Общее число терактов**, совершённых левыми террористическими организациями в Чили в те годы, составило **45.220**. Совершавшие все эти теракты, чилийские Басаевы тех лет - вот они-то чудесным образом и превратились сейчас в несчастных "жертв диктатуры"!

Слободские полки в укреплении русских границ

Слободская Украина, как пограничная область Московского государства, исторически сложилась в местах прохождения основных татарских "шляхов" и была призвана перекрыть эти пути набегов.

По Днепро-Донскому водоразделу проходил печально известный Муравский шлях, позволявший крымским и ногайским татарам сухопутным добираться от Перекопа до Тулы и окрестностей Москвы. От Муравского шляха (у нынешнего города Изюма) отделялся Изюмский шлях, пересекавший Северский Донец и шедший по степному Донецко-Оскольскому водоразделу, соединяясь с Муравским шляхом на территории нынешней Курской области. Существовали ещё Кальмиусский и Ново-Кальмиусский шляхи, начинавшиеся в степях Таврии, шедшие по Оскольско-Донскому водоразделу и оканчивающиеся в районе города Ливны на Орловщине.

Это были не дороги в современном понимании, а, скорее, направления движения: ровные участки местности, огнившие водные преграды и лесные массивы. Ширина их составляла от двух до нескольких десятков километров, что позволяло татарским отрядам достигать центральных районов Речи Посполитой или Московского государства.

Кроме основных, были шляхи и поменьше: Бакаев, названный по имени татарского мурзы Бакая (совершавшего набеги этим путём на Орловщину и Курщину), Кончаковский и ещё меньшие.

Наличие шляхов, которыми крымские и ногайские татары совершали набеги в московские владения (нередко оставаясь на лето в пределах Слободской Украины), было основной причиной, из-за которой этот край оставался практически незаселённым до середины XVII века (в отличие от территорий к западу от Дикого поля).

Татарские войны отправлялись в поход вооружённые довольно легко - сабля, лук с колчаном на 18-20 стрел, нож, кресало для добывания огня, сыромятные верёвки для связывания невольников. Богатые татары надевали кольчугу. Останавливали их лишь оснащённые артиллерией крепостные стены, для осады которых у татар не было средств и времени - захватив в плен жителей и угнав скот, они стремились скорее уйти в Крым.

Серьёзность набега определялась составом татарского войска - зависевшим, в свою очередь, от того, кто стоял во главе набега: с ханом шло до 80 тысяч, с мурзой - 40-50 тыс. воинов. С каждым до 5 коней, менявшихся прямо во время движения. Остановки были непродолжительными, чем и достигалась необыкновенная быстрота орды: она могла преодолевать в день до 120 вёрст.

Кроме орд, в набег ходили и небольшие шайки. Серьёзной опасности они не представляли, но создавали постоянную напряжённость на границах Речи Посполитой и Московского государства.

Против такой быстро движущейся и всё разрушающей на своём пути силы в XVI-XVII веках единственным методом борьбы было создание оборонительных рубежей, в основе которых находились укрепленные пункты с воинскими гарнизонами. Они не были непреодолимым препятствием на пути татарской конницы, но создавали для неё опасность при возвращении - отягощённая добычей, она теряла мобильность. Если в этот момент татар атаквали с укрепленной линии, то они, как правило, бросали добычу и спасались бегством.

Важной задачей обороны была организация постоянной службы предупреждения набегов, заблаговременно оповещавшей население. Ещё одним, тактическим приёмом борьбы было выжигание растительности на пути орды, чтобы лишить её коней корма.

Всё это снижало глубину проникновения татарских отрядов - но не ликвидировало угрозу набегов.

Украинский казак (начало XVIII в.)

Слобожанщина в 18 веке.

1 - Сумской полк. 2 - Ахтырский полк.
3 - Харьковский полк. 4 - Изюмский полк.
5 - Острогожский полк.

* * *

В середине XVII века продолжалась колонизация южных окраин Русского государства - строились новые укрепленные пункты к югу от Белгородской засечной черты.

Как и прежде, за "чертой" сначала возникла "буферная" область с военизированным населением и системой опорных пунктов. После возведения Можеского острога (Валок), украинскими переселенцами в 1640 году были основаны слобода Салтов на Донце и Змиевское укрепление. В 1646 году недалеко от Чугуева, вверх по Донцу, 205 украинских переселенцев из Опошни основали слободу Печенеги. Таким образом, уже к началу массового переселения с правобережной Украины за пределы Белгородской засечной черты существовала, хотя и довольно слабая, система опорных пунктов из крепостей-острогов: Колонтаевского, Городновского, Валковского, Змиевского, Чугуева и Изюмского окопа с крепостями.

Так началось освоения земель Слободской Украины. Расселение переселенцев за Белгородской чертой означало очередной шаг к усилению защиты центральных областей государства от татарских набегов. Новые опорные пункты возводились как усилиями московских служилых людей, так и черкас, перешедших на службу в Россию и поселившихся вблизи засечной черты.

Первый этап массового переселения черкас-украинцев на Левобережье Днепра и Российской Слободскую Украину начался в 1651 году - после поражения казаков в сражении с польской армией под Берестечком и заключения Белоцерковского мира (согласно которому на территорию правобережья Украины вошли польские войска).

Понимая важность переселения из Речи Посполитой, царь Алексей Михайлович в своей грамоте от 17 июля 1651 г. указывал воеводам пограничных городов принимать "на вечное житье от гонения поляков" украинских переселенцев, оказывая им всяческую помощь. Московский Разрядный приказ направлял при этом основные миграционные потоки в направлениях, наиболее способствующих укреплению границ государства.

Выходцам из Речи Посполитой сначала не позволялось селиться ближе чем за 50 вёрст от границы с Польшей (из-за опасения мести польских урядников и шляхты). В грамоте от 17 июля 1651 г., регламентирующей переселение с Украины, отмечалось, что "в ближних наших украинских городах жить им для ссоры нельзя". И лишь после подписания Переяславского договора началось массовое заселение западного района Слободской Украины.

В 1653 году в Ахтырку, где после 1647 года находилось небольшое число служилых людей, прибыли переселенцы из Польши, которые в следующем году возвели новый острог, а затем под началом воеводы Т. Хрущёва построили "но-

вый черкасский город Ахтырской со всякими крепостями". Ахтырка, основанная на возвышенности левого берега Ворсклы и окружённая густой сетью мелких речек, была практически недоступна для татарской конницы. Это позволяло укрывать здесь от набегов местное население и контролировать значительный участок Бакаевского шляха, создавая фланговую опасность и для орд, двигавшихся по Муравскому шляху.

Приблизительно в это же время (1653-54 гг.) в непосредственной близости от Муравского шляха был основан и город Харьков.

Во второй половине XVII века началось массовое заселение земель между реками Северский Донец, Мжа и верхним течением Ворсклы. Московские власти создавали переселенцам режим наибольшего благоприятствования, жалуя льготы за пограничную службу - сохранение казачьего самоуправления, освобождение от податей и повинностей, право свободного занятия пустующих земель, беспощадно заниматься промыслами (особенно винокурением), содержать на откуп таможи, мосты и перевозки.

Переселенцы несли с собой на Слободскую Украину не только свой быт, культуру, но и полковую военную структуру, систему военного управления. По мере прибытия на Слобожанщину организовывались казачьи полки - царское правительство поощряло организационную деятельность руководителей казаков.

Полковая организация Слобожанщины сложилась не в одночасье, процесс её создания занял довольно длительное время. На знамёнах Ахтырского, Изюмского, Острогожского, Сумского и Харьковского полков, когда они стали регулярными воинскими частями, датой основания значился 1651 год - в память о большом исходе в Россию после заключения Белоцерковского мира. Но как военно-территориальные образования они оформились позже.

Старейший Слободской полк - Острогожский - был основан в 1652 году. Полковник Иван Дзинковский прибыл к Белгороду с полком в тысячу казаков, не считая семей.

Семь его сотен назывались по именам сотников или названиям городов, откуда были родом казаки: Остапова, Дубовика, Иванова, Батуриная, Конотопская, Карабутинская, Бутурлинская. С полком прибыл обозный Ф.Шебертас и целый штат управления (писарь, 9 сотников и есаулов, два священника и подпрапорных).

Казаки думали осесть на Сейме - на Заводицком городище (у современного села Ворожба Сумской области). Но, учитывая близость к польским землям и печальный опыт чугуевских "черкас", вернувшихся на земли Речи Посполитой, царь повелел строить город Острогожск за Белгородской чертой - у слияния речек Острогожки и Тихой Сосны, недалеко от Дона. В 1652 году казаки основали здесь Острогожский слободской черкасский казачий полк.

Царское правительство приготовило переселенцам дома, снабдив зерном для первого обезаедения. Им было разрешено сохранить своё прежнее устройство, в том числе чины и всю организацию полка. Всё последующее десятилетие шло активное заселение земель вокруг Острогожска новыми переселенцами из Речи Посполитой.

Военно-территориальная структура Слободских полков повторяла и развивала организацию реестрового казачества Речи Посполитой и (со своими особенностями) Гетманщины. На Слободской Украине не было войскового гетмана и войсковой старшины, как органа управления полками - они подчинялись (через Белгородского воеводу) Разрядному приказу, затем, с развитием полковой организации - Посольскому приказу, и ещё позже - Начальнику Украинской дивизии. Зато слободские полковники в своих полках пользовались большей властью, в Гетман-

щине, и власть их нередко переходила по наследству.

Слободские полки, как и полки Гетманщины, представляли собой не только военные, но и территориальные структуры. Каждая сотня размещалась в определённом населённом пункте с прилегающими землями, где семьи казаков занимались сельским хозяйством, и промыслами. Органы управления полка располагались в полковом городе, в центре его земель. При необходимости казачьи сотни быстро собирались здесь или в ином условленном месте.

Такая структура организации Украинских казаков уходит корнями во времена Киевской Руси, чьи земли в военном отношении делились на мобилизационные округа - "тысячи" (видимо, выставлявшие в среднем по тысяче ополченцев). Тысячи и тысяцкие упоминаются летописями в Киеве, Вышгороде, Переяславе, Чернигове, Снове и Перемышле, как и должности сотских - т. е. мобилизационный округ (тысяча) уже тогда делился на сотни. Встречается в летописях и название "полк" - как территория, где собирали ополчение ("войдём в сильный полк киевский", значит - на Киевщину).

Деление украинского казачества на полки неизвестно ранее войны Польши с Московским государством 1611-12 годов. "Полковники", как предводители отдельных отрядов, известны с 1612 года - с возвращения казаков из-под Смоленска. На Украине они возглавили отряды, разорявшие уже польские панские имения. Но значение начальников территориальных формирований полковники получили лишь к 20-м годам - благодаря деятельности гетмана П.К.Сагайдачного, много сделавшего для организации казачества и урегулирования его отношений с польскими властями.

В начале появления территориальных казачьих формирований, до утверждения выборных должностей, казаки подчинялись в повседневной жизни поветовым хорунжим, хранившим хоругви (знамёна) своих поветов. Хорунжие проводили сборы казаков для собраний и походов. Казаки оповещались по куреням и собирались в определённом месте, где из них формировались сотни и полки. На время похода избиралась полковая и сотенная старшина, распускавшаяся по возвращении домой. Есаулы упоминаются среди должностных лиц реестровых казаков ещё при Стефане Батории. Кроме того, в территориальных полках Днепровских казаков в начале XVII века для управления по гражданским вопросам и разбирательства судебных тяжб были введены должности судьи и гражданского писаря, заседавших в полковой ратуше.

В Слободских полках сложилась следующая система управления. Во главе полка стоял полковник, обладавший всей полнотой военной и административной власти на подчинённой ему территории. Наряду с этим существовала и должность наказного (т.е. назначенного по приказу) полковника, который командовал полком или частью его - в походах или оставаясь на месте, если в поход отправлялась основная часть полка. Наказной полковник мог командовать частью территории полка, если она была довольно большой. Так было в Харьковском полку в конце 70-х - начале 80-х годов XVII века, после присоединения к нему Балаклейского полка - наказной полковник командовал присоединёнными сотнями. Наказными полковниками часто были ближайшие родственники слободских полковников. Должность полковника была выборная, он выбирался всем составом полка или на полковой раде, в которую, кроме него, входили:

- **полковой обозный** - заведовал полковой артиллерией и укрепленными пунктами; в подчинении имел штат пушкарей в крепостях полка. В мирное время председательствовал на полковой раде, во время болезни полковника или его отсутствия управлял всем полком (но выдавать универсалов, как полковник, не мог). При назначении сотников полковой обозный сопровождал их к месту дислока-

Слободской казак (XVII в.)

Легендарный основатель Харькова - казак Харьков

Хата в Слобожанщине

ции, проводя смотр сотенных укреплений и самой сотни;
 - полковой судья (гражданская должность) - разбирал судебные дела согласно "черкасским обыкностям" (хотя утверждение приговоров зависело от полковника) и благодаря участию в рассмотрении имущественных споров занимал особое место среди полковой старшины;

- два полковых есаула (асаула, осавула) - помощники полковника по военной части, заведовали разведкой полка. Один из них, старший (иногда именовался обозным есаулом), заведовал военным снаряжением и аммуницией полка, уходил в поход вместе с ним, отвечая за разработку военных операций и состояние военной службы в полку. Младший во время похода оставался в месте дислокации полка, выполняя те же функции. Есаул мог быть одновременно сотником какой-либо сотни полка;

- полковой хорунжий - отвечал за хранение в походе хоругви (знамени полка), заведовал хорунжевскими (подпрапорными) казаками - личной гвардией полковника; в его подчинении был и полковой оркестр;

- два полковых писаря - исполняли должности секретарей по военной и гражданской части. Размещались в полковой ратуше, веда делопроизводством и переписку полка, назначались полковником. В конце XVII века в слободских полках, в связи с увеличением объёмов делопроизводства, появились помощники писарей - "мелодные писаря" (позже, с переименованием полковых ратуш в канцелярии, называвшиеся канцеляристами).

Все важные военные и гражданские вопросы решались на полковой раде большинством голосов, причём все члены её имели право одного голоса, а полковник два. Такой порядок вёл иногда к недоразумениям, вплоть до драк, с вооружением подданных крестьян.

Одной из старейших в Слободских полках была должность городского атамана, возглавлявшего казаков до образования полков. В Харькове первым городовым атаманом был Иван Кривошлык, упомянутый в переписи 1656 года во главе 587 казаков. После появления структуры полкового управления городской атаман выполнял полицейские обязанности.

В сотнях козацкая старшина была следующей:
 - сотник, выбираемый на сотенной раде (или назначаемый полковником), обладал всей полнотой военной и гражданской власти в сотне; во время его отсутствия сотней командовал наказной сотник;

- атаман, выполнявший в сотне роль судьи (но в сотенных судах рассматривались не все дела - на рассмотрение в полковой суд отправлялись дела, связанные с убийством, неподчинением или воровской);

- есаул - заместитель и помощник сотника по военным вопросам и разведке;

- писарь - вёл все письменные дела в сотне;

- хорунжий - отвечал за сотенное знамя.

Существовала и сотенная ратуша, где атаман вёл разбирательство гражданских дел.

Назначение и снятие сотенной старшины полностью зависело от сотника - снятые с должности переходили в разряд рядовых казаков.

Особо отметим, что объявляли себя казаками практически все переселенцы из Речи Посполитой на Слобожанщину после 1651 года (в ходе Национально-освободительной войны оказавшаяся значительная часть населения Украины). Москва поощряла этот процесс - тем более, что жизнь первых слобожан была постоянно сопряжена с опасностью татарского плена и требовала от всех жителей обладания навыками военной службы.

Единственным критерием, по которому разделялись первые Слободские казаки, был имущественный. Кто побогаче - несли службу верхом, победнее - выполняли т.н. городовую службу (в документах второй половины XVII века пешие казаки Слободских полков именовались "черкасами городской службы").

Все служилые Слободские казаки к началу XVIII века были разделены на три разряда:

- сотенные казаки (реестровые, или компанейцы) -

основной состав полков.

- хорунжевые (подпрапорные) казаки - претенденты на занятие вакансий руководящих должностей, с их помощью осуществлялось оповещение сотен о готовящихся мероприятиях в полку. Находились в городе и подчинялись хорунжему, находясь под эгидой полкового прапора; обычно дети сотенной и полковой старшины.

- пушкарки (нередко из служилых русских людей).

Остальные казаки полка, не включённые в реестр, разделялись на 2 группы:

- члены семей реестровых казаков (казацкие родственники) - из них выбирали в реестр и, по необходимости, их включали в действующую армию;

- подпомощники и подсосежки реестровых казаков (появились в конце XVII века с началом походов Слободского казачества за пределы Слобожанщины).

Подпомощники военных повинностей не несли, но обязаны были за свой счёт снарядить казака-компанейца в поход (приобретя 2-х лошадей, сбрую, вооружив и одев его). Подпомощников у реестровых казаков было от 2-х до 8-ми, а у старшины - до 15 человек. Подсосежки не имели личного хозяйства и потому не платили денег на снаряжение - зато должны были работать в хозяйстве у казака во время похода; из них также набирались извозчики к подводам в поход.

Деление Слободских казаков по имущественному цензу указывало на стремление властей стабилизировать численность полков, от количественных показателей перейдя к качественным, реорганизовав организационную структуру.

*

*

*

Перейдя в Московское подданство и поселившись у засечной черты, Слободские казаки обрекали себя на постоянную борьбу с набегами.

Природным наездникам в открытом поле могла противостоять только кавалерия, не говоря уж об их преследовании. Конечно, относительно немногочисленным Слободским полкам было трудно сражаться с силами, насчитывавшими порой несколько десятков тысяч всадников (как в 1661, 1662, 1680, 1691 годах, когда на Слобожанщину вторгались орды под руководством хана) - основная их задача заключалась к сведению до минимума возможных последствий набегов. Лёгкой татарской коннице была противопоставлена такая же лёгкая конница, но лучше организованная и вооружённая.

Достаточно эффективной была организация раннего обнаружения приближавшегося неприятеля, достигавшаяся системой постов и пикетов, с незамедлительным оповещением населения, которое спешило укрыться в крепостях или недоступных для татар местах.

Оправдывала себя и практика создания искусственных препятствий на путях продвижения татарских отрядов, избегавших заболоченных или лесистых участков. Дефиле на водоразделах преграждались глубокими рвами, засечными чертами, с расположенными в ключевых местах деревянными крепостями и острожками с малокалиберной артиллерией. Эти меры лишили татар их главного оружия - внезапности. Укрывавшиеся в крепостях или в глухих лесных урочищах отряды казаков становились грозной силой для возвращавшихся с добычей татар и были способны на длительное преследование.

В июле 1679 года Харьковский слободский казацкий полк во главе с полковником Григорием Донцом в районе между Чугуевом и Харьковом устроил "облавы на ордынцев, бывших в очень большом числе". Лесистая местность существенно ограничивало здесь маневренность кочевников. В 1672 году тот же полк внезапной атакой у слободы Мерефа разгромил крупный татарский отряд, освободив пленных и отбив угоняемый скот.

Насколько мешали татарам укрепленные пункты в стратегически важных местах, свидетельствуют события 1679 года, когда десятилетняя орда была встречена под стенами Харькова пушечным и ружейным огнем, а затем рассеяна вылазкой казаков.

Казаки старались встречать татар в засаде, используя знание местности. Так, в 1680 году крупный их отряд был разбит харьковскими казаками в дефиле между заболоченными берегами притоков рек Мжи и Уды, к югу от

Сотник
(нач. XVIII в.)

Подпомощник

Золочева. Успех операции, с учётом большого численного превосходства татар, был достигнут действиями из засады, внезапным залповым использованием огнестрельного оружия и последовавшей конной атакой лавой на дезорганизованного противника.

В свою очередь, татарские отряды старались вступать в бой лишь при большом численном превосходстве - когда каждому казачку приходилось сражаться с несколькими (до десятка) татарскими всадниками.

К концу 70-х годов XVII века к югу от Белгородской засечной черты сложилась область со значительным количеством крепостей-городов, слобод и хуторов, населённая русскими служилыми людьми, казаками и оказавшимися украинскими переселенцами. В военном отношении Слободская Украина стала очередной буферной зоной у границ российского государства.

Понимая стратегическое значение Слобожанщины, через которую шли Муравский и Изюмский шляхи, царское правительство в конце XVII века решило начать строительство новой защитной линии - по направлению Новый Оскол, Двуречная, Царёборисов, Изюм, Савинцы, Балаклея, Змиев, Валки (по берегам рек Оскола, Донца, Мжи до реки Коломак и далее к Ахтырке). К этому решению привёл опустошительный набег крымских татар января 1680 года.

Новая укреплённая линия планировалась как мощный оборонный комплекс, включавший крепости, валы, засеки и систему охраны, в которую включались казаки. В созда-

нии её активно участвуют Слободские полки, особенно Харьковский полковника Григория Донца - Захаржевского.

В 1681 году полторы тысячи харьковских казаков и служилые люди из Чугуева недалеко от устья Оскола на Северском Донце возвели крепость Изюм. В 1682 году в ней уже 300 казаков - полковник Донец и сам переезжает сюда, получив право жить без русского воеводы, принимая переселенцев в Изюм, слободы Спеваковку и Пришиб.

В 1685 году стал отдельным военно-территориальным образованием Изюмский слободской черкасский казацкий полк, отделившийся от Харьковского.

Окончание строительства укреплений на новой линии пришлось на 90-е годы XVII века. Население Слободской Украины к этому времени выросло в десятки раз, в основном за счёт переселений из Заднепровья - до 30 тысяч человек только взрослых мужчин.

Так, в результате переселения выходцев с польских украин, Московское государство смогло значительно увеличить свои вооружённые силы на южном направлении и закрыть основные пути татарских набегов в центральные районы России.

В свою очередь, для самих выходцев с Правобережной Украины формирование Слободских полков как военно-административных и территориальных образований позволило избавиться от национального и религиозного гнёта польской шляхты, сохранив свою военную организацию.

А. Желтобородов (Харьков)

Полковник

Харко

Предание о первых схватках казаков с киргизами и казачем героем Харко, богатыре того времени. Записано на Яике Иоасафом Игнатьевичем Железновым ("Уральцы. Очерки быта уральских казаков", 1858 г., т. 3).

"Харко, сударь мой, был сподручник Разина, - рассказывал казак Иван Никитич Чакрыгин. - Первый, можно сказать, герой по нём. После того, как Разина совсем порешили, Харко с двенадцатью человеками, со своими, значит, причетниками, удалился с Волги на Яик.

В те поры наши казаки, известно тебе, жили на Кош-Яике, иль-бо на Кирсановском яру. Значит, далеко от моря, вёрст без малого семьсот будет. Хоша казаки наши из предков всем владели Яиком, однако далеко на низ редко спускались по той самой причине, что красной рыбы было не впропорот и около города. Ну, и выходит, что по теперешней нашей низовой линии была пустыня. А где пустыня, там, известно дело, и орда: без этого нельзя. Говорится: без дурака город не стоит. На подобие сему, можно сказать: без орды пустыня не бывает. Пустыня значит пустое место, а орда, знамо дело, пустой человек, никакого толка нет. Ну, одно к другому и идет.

Казаки наши хоша не в частых бывании, хаживали в походы супротив басурманов, гоняли басурман от Яика, однако нет-нет да и прикочает кака-либо орда к Яику; знаешь, чтобы лугами казачьими поживится. Так было и в ту пору - прикочевала к Яику и села около Маринкина города одна орда, а казаки наши и не чувят. Этою ордой повелевала девка, воин-девка. У этой девки и гвардия была из девок. В старину такие оказыи были не в диковину.

Харко с своими приспешниками пробирался к нам, казакам, на Кош-Яик; но девка-воин преградила ему дорогу. Хоша воин-девка была и девка, попросту баба, однако дело своё знала не хуже мужчины. Созвала она совет и говорит своим гвардейским и всей сущей орде:

- Нам и без того от них (то-ись казаков наших) житья нет, а как ещё этот дьявол (сиречь Харко) с своими причетниками соединится с ними, тогда совсем пропадём. Не поживишься от них клочком травы иль беременем дров, тогда, говорит; не дадут они нам и воды напиться из своего заповеданного Яика. Надо, говорит, во что бы то ни стало, не допускать до них Харку.

Сказала это и стала свое дело делать. Тем временем и Харко держит совет со своими; говорит к ним таковую речь:

- Погуляли мы с батюшкой нашим, Степаном Тимофееви-

чем, по святой Руси и всему вольному свету довольно-таки. Много погубили мы всякого народа, крещёного и некрещёного, где по делу, а где и не по делу. Знамо, некрещёным туда и дорога, а за крещёных доведётся когда-нибудь ответ отдать на суде страшном. Теперь, братцы, настало время удобное, можно заглядить, сколько ни на есть, грехи наши тяжкие, очищать расейские границы от орды поганой. Давайте, братцы, доканаем эту орду, чтобы она и воздухом здешним не дышала! Этим самым делом, говорит, мы сделаем три хороших дела: первое дело - отпущение грехам получим, второе дело - расейские границы от орды очистим, третье - яйцких казаков от хлопот избавим.

Сказал это и стал своё дело делать. Воин-девка кибитки свои и весь скарб отправила от Яика в степь, к Кара-Кулю, в безопасное место, а сама с гвардейками вышла супротив Харко. Гвардеек у неё было сто человек, а у Харко, и с его буйною головой, всего на всё - тринадцать человек. Но Харко был травленный волк: он не пошёл на неё открытым боем, а пустился на хитрости.

Девка с гвардейками наступала на Харко, а Харко отступал. Таким манером хороводились они несколько дней. Напоследок Харко улучил тёмную ночь: обрядил двоих иль троих своих согласничков в бирючьи (волчьи) шкуры и велел им подкрасться к конскому табуна гвардеек и броситься в него.

Обряженные в бирючьи шкуры подползли на четвереньках к табуна да и завыли, словно бирюки, - на все были дотошниками, - а потом и бросились в самую середку табуна. Лошади шархнулись и как был табуна, так весь и понесся в степь, в разные стороны. Лошадям знамо дело, лиха беда только чего испугаться, а там их сам чёрт не удержит.

В лагере гвардеек сделался суматоха страшная, а Харко того только и ждал. Не медля ни секунды, он с остальными своими молодцами и нагрянул на гвардеек, да и пошёл их душиить. К утру он всех их пошабашил. Не отвертелась и предводительша: её убил своей рукой Харко.

Покончивши дело с гвардейками и их предводительницей, Харко пошёл за Яик искать ихнюю кочёвку. Добрался и до кочевки. Там, сударь мой, много было золотой казны и цветного платья всякого. Все это добро Харко забрал и раздувал по своим согласничкам. Там же, в кочёвке-то, застали они сколько-то девок - девки были все молоденькие, иных побили, а иных, что были покрасивее, взяли себе.

Пожили они тут сколько-то времени, отдохнули, стали собираться в путь-дорогу. Харко свою девку бросил, живую пустил на все четыре стороны; порешить её совсем жалко

стало: ведь так ли, сяк ли, а всё-таки она жила у него за-место жены. Советовал тоже сделать и своим причетникам, чтобы и они девок своих бросили, а те не послушались: жалко было расставаться с девками, больно уж по сердцу пришлось. Тогда Харко говорит своим согласничкам:

- Все мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вам не смею, а совета моего не слушаетесь. Ваше дело, воли с вас не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вам после этого не товарищ!

Согласнички говорят:

- Теперь девки нам не помеха, а когда нужно - бросим.

Харко говорит:

- Когда будет нужно, тогда будет поздно.

Согласнички спрашивают:

- Как так?

Харко говорит:

- Эти девки не семьянны: они, думаю, на своём веку сами немало понюхали человеческой крови. Мы же гнездо ихнее разорили: не забудут они этого и рано, поздно ли, порешат, доканают вас, - не мытьем, так катаньем, проклятые, дойдут. Эй! послушайте меня: бросьте!

Сподручники смеются и говорят:

- Доселева, Харкуша, мы чли тебя за храбреца, а теперь видим, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы двенадцать человек, побили девок более двух сот. Ну станочное ли дело, чтобы двенадцать девок осмелились супротивничать нам, таким молодцам?

Харко говорит:

- Открыто поле особ статья, постель особ статья. Слышали, чай, сказание библейское - про Олоферна, а если не слышали, так я скажу. Олоферн был не нам чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая.

Подручники Харко только засмеялись, да промеж себя говорят: "трусу празднует! трусу празднует!"

Харко осердился и поехал прочь. Согласнички сами по себе. Выбрали они себе местечко на Красном Яру, где теперь Красноярский форпост, и тут устроили стан.

Харко один остановился ниже этого места, верстах в пятнадцати, и тоже устроил себе стан, но не на земле, а на дереве. Там он свил себе гнездо, словно соловей-разбойник, и зажил в милу душу. Идти к нашим казакам на Кош-Яик пораздумал: ждал, что будет от его согласничков, думал, не образумятся ли, не разведутся ли с девками-то.

Пожили они на новых местах сколько-то времени, самую малость, однако: Харко сам по себе, а согласнички его сами по себе. Вот, сударь мой, в одну ночь, на самой заре, притащился к Харко с Красного Яра один из его согласничков, весь, бедняжка, изранен, еле-еле дышит, да тихо, жалобно, чуть слышно и говорит:

- Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили нас змеи скоропии!..

Сказал это, да тут же и дух свой испустил.

Харко тое-ж секунду прыгнул с гнезда своего, вскочил на бурою коня, что у дерева привязан был, и помчался к Красному Яру. На восходе солнышка он был уже там и застал девок: те, бестии, дуван дуванят, делят по себе добро убитых молодцев. Лишь только узрели они его, да так и одурели на месте. Как тигра, с пеной у рта, Харко бросился на девок с саблей в руке; да вдруг остановился. "Этого для вас мало, бестии!" - сказал, да и давай живьём вязать девок; всех перевязал, да и положил словно осетров на багреньи, в ряд, одну подле другой. Славно!

Осмотрел и согласничков своих - а те, бедняжки, все измясничены до нельзя, узнать даже не можно, кто Карп, кто Иван: так бестии постарались. Съездил и за тем, что у его дерева умер. Потом вырыл двенадцать могил, положил в них убитых согласничков, а подле каждого из них положил по девке-душегубке: эти бестии были живые, кричали, визжали, просили Харку, чтоб он добил их. Да не на того напали. "Что торопитесь? успеете ещё околеть", - говорит Харко, и дело свое делает.

Потом, сударь мой, опустил в могилу к каждому согласничку по ноше серебра, по ноше золота, по сабле, по ружью,

по копыю, по паре пистолей, и всё это, не торопясь, чин чином зарыл. Напослед всего на могиле каждого посадил по лесной яблоне. Покончивши дело, Харко сказал:

- Не пропадай эта казна даром: дайся тому, кто на своём веку убьёт двенадцать дюжин басурманов иль-бо басурманок!

Сказал это, да и удалился в свое тёплое гнёздышко...

По преданиям, сохранившимся в разных местностях Уральского войска, о жизни и подвигах удальца Харко известно следующее:

"Устроил он себе гнёздышко на высоком дереве, стоявшем на правом берегу Яика, и с гнезда своего наблюдал за ордынцами.

Заметив киргизов, подыхавших к Яику и остановившихся на ночлег, смельчак Харко переплывает реку Яик и подползает к киргизскому стану. Покуда киргизы сидят около огня, беседуют, ужинают, Харко начинает считать их по головам. Пересчитал всех киргизов - оказывается, например, тридцать человек. Харко так же тихо, как приполз, отползает прочь от киргизского лагеря, прячется подалее в кусты и ждёт, когда

киргизы улягутся, уснут. Обеспеченные пустыньностью и необитаемостью берегов Яика, киргизы не принимают никаких мер предосторожности, а это Харке и на руку: меньше, следовательно, ему хлопот.

Полночь. Киргизы уснули. Харко выходит из засады и отправляется... к киргизам в лагерь, думаете? Нет! Харко осторожен и терпелив. Нападать одному, притом пешему, да вдобавок ещё ночью, на огромную толпу - безрассудно и опасно. Харко не тревожит сон киргизов. Он идёт в луга, ловит киргизских лошадей всех до одной, плавит их на самарскую сторону и загоняет в густой лес, далеко от Яика. Потом отправляется к себе в тепло гнездо и преспокойно ложится спать - "утро вечера мудренее".

По утру киргизы встают и поражаются страхом: лошадей нет! Киргизы в луга и видят: след пошёл на самарскую сторону. Киргизы по себе знают, что в пешем состоянии преследовать вора, угнавшего лошадей, бесполезно. С проклятием и бранью киргизы покидают негостеприимный берег Яика, забирают с собой кой-какие вещи получше, поценнее, например сёдла, оправленные в серебро и камни, персидские ковры и т.п., остальное или предают огню, или бросают в воду - и пешим ходом отправляются туда,

откуда недавно приехали весёлые, довольные, на статных армагаках. Обременённые ношами, киргизы шаг за шагом, вереницею тянутся к Кара-Кулю - и не чувят, что позади их собирается гроза. Харко жадно смотрит с гнезда на печальное шествие, ядовито улыбается и пересчитывает:

- Раз, два... девять... двадцать... тридцать... Все! Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесят вёрст, не скоро доберётесь, успею ещё догнать, вот только позавтракаю, да силами запасусь.

С этими словами он спускается с дерева. Закидывает в Яик плавную сеть, через минуту вытаскивает на берег или тупоносого осетра, или остроносуго северюгу. Разводит огонь, наводит котёл, варит щербу (уху) и, когда та поспеет, кушает, не торопясь, с пшеничными сухариками.

Харко покушал, с час повалялся на травке, понежил, понюхал табачку и потом уже спускается за Яик. Конь у негомышлёный, приученный. Слово хорошая подружейная собака. Харко подводит коня к берегу, говорит ему: айда! - причём ударяет его слегка по спине ладонью, и конь смело идёт в воду и плывёт на ту сторону. Харко одною рукой ухватился за хвост коня, а другою держит над головой своею, чтобы не обмочить пищаль и рог с порохом. Через минуту Харко на бухарской стороне; садится на коня и скачет по следам киргизов.

На полпути к Кара-Кулю, среди открытой степи, где нет ни одного кустика, ни одного овражка, Харко являлся перед киргизами. Утомлённые долгою ходьбой и озадаченные нечаянным появлением храброго, несколько зверообразного врага (физиономия у Харко была не из сладеньких), киргизы только взвизгнули и одуреют на месте. Не давая киргизам ни на мгновение оправиться, Харко с ужас-

Яицкие казаки

Яицкий казак, XVII век

ным криком бросается на них и начинает их или колоть пикой, или стрелять из пищали, как вздумается, или как укажет случай и положение врага. Всех передушит, забереёт ценные вещи и возвращается в свое тепло гнёздышко.

Случается подобная история не раз и не два. Киргизы около тех мест, где свито у Харки гнездо, не показываются. Харко скучно без занятия. Он отправляется или верх, или вниз по Яику и устраивает себе временное жилище, но непременно на дереве. Где нет высоких деревьев, он "напаливает" (наставляет) дерево и вьёт на нём гнездо. И везде, где только появляются киргизы, Харко шутит с ними шуточки не маленькие.

Случалось, одного из киргизов оставит в живых, чтобы шёл в орду и повестил, что-де к Яику ходить не приказано.

Надоел Харко киргизам. Те не раз пытались захватить как-нибудь его врасплох в гнезде, но никогда им это не удавалось. Харко в высшей степени был осторожен; а когда спал, то чуткий и учёный конь его всегда при приближении киргизов за несколько вёрст подавал хозяину знак - и фыркание, и ржание. И Харко заблаговременно снимался с гнезда и удалялся в глухие места.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобы овладеть Харко или убить его; но тот всегда, бывало, перехитрит их.

Раз киргизы, пустив лошадей на паству, одну из них, самую резвую, сивую, заковали в железы, чтобы Харко не мог угнать её в числе других, а ключ от замка завернули в гриву коня, с тою целью, чтобы тот из киргизов, кто во время тревоги первый поймает этого коня, имел ключ под рукой. Но Харко, лежа в траве близ киргизского лагеря, слышал их речи и уговоры, и смеётся. Когда киргизы уснули, первым делом Харко было завладеть сивою лошадыю. Поймал её, достал из гривы ключ, отомкнул железы, и дело пошло, как по маслу. Утром киргизы увидели себя в дураках и, как тараканы из вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой разумеется, укокошил их всех, не оставил и на племя.

Т. Вебер - "Уральцы в походе". 1799 г.

Другой раз, оставшись по милости Харко без лошадей и отойдя на некоторое расстояние от Яика, киргизы посбросали с себя дорогие шёлковые халаты и навалили из них целую грудку. Один из киргизов, самый сильный и смелый батыр, запрятался в кучу халатов с предательским намерением - схватить Харко врасплох, когда тот слезет с коня и станет брать халаты. Но Харко, выехав в степь для расчёта с киргизами, первым долгом пересчитал их, разбредшихся по сторонам, и тотчас смекнул, что одного врага противу прежнего числа нет. "А хитрите, бестии!" - сказал Харко. С этими словами он осторожно подъехал к куче халатов, приложился по ней из пищали и выстрелил: халаты запылали, а батыр, смертельно поражённый жеребьём, взвизгнул и дух испустил. Затем началась расправа и с другими: ни один не узрел своего аула.

Конечно не всегда и не все киргизы, завидя Харко, предавались отчаянию и страху. Случалось, что храбрые из них делали Харке отпор. Но что могли пешие, не защищённые местными преградами и не имеющие ружей с европейскими замками, что могли сделать они Харке, гарцевавшему перед ними на отличном скакуне и притом вооружённому исправною пищалью? Само собой, храбрые батыры, так же точно, как и не храбрые, один за другим валились от руки Харко.

Таким образом, на всех пунктах теперешней нашей низовой линия Харко искоренял, донимал киргизов - и, наконец, совсем донял. Шайтан (дьявол)! - сказали киргизы, и не смели показываться близ Яика.

Харке, говорит предание, сделалось скучно жить без дела. И он удалился. Что с ним подеалось - предание молчит. Но то урочище, где у него было свито на осокоре тёплое гнездо, прозвали в народе Харкиным.

Впоследствии, когда яицкие казаки заселили низовья Яика, а это было в первой половине восемнадцатого столетия - и, между прочим, построили на том урочище форпост - форпост этот наименовали и дондес именуется "Харкиным".

И. Железнов

Записки о службе и жизни на Кавказе

Большой интерес читателей вызвали воспоминания о прежней казачьей жизни и службе, печатающиеся в последних номерах журнала - и известных историков (например, Ф.А. Щербины), и потомков казаков, передавших рассказы своих дедов.

Сегодня мы представляем свидетельства, оставленные в 19 веке очевидцами - это очерки жизни терских казаков из сборника, составленного войсковым старшиной Терского казачьего войска Людомиром Ржевусским, и воспоминания кубанского казака Аполлона Шпаковского о его службе в частях Кавказского линейного войска.

* * *

Свои записки о 40-х годах 19 века на Кавказе А. Шпаковский, начинавший службу в 18 лет гардемарином, затем гусаром, но ставший волею судьбы и начальства казаком Кавказского линейного войска - публиковал в 1870-72 гг. в номерах журнала "Военный сборник". Воспоминания о службе он решил записать по прошествии нескольких десятков лет - "живя теперь семейным, мирным гражданином". В предисловии к своим "Запискам" он пишет:

"Около двадцати лет, по воле судьбы, мне пришлось прослужить в рядах Кавказского линейного казачьего войска, в словесие которого я был зачислен по особому Высочайшему повелению, навсегда с потомством.

Я начал боевое своё поприще в конной № 14-го казачьей батарее, урядником. Много привелось мне в этот период времени видеть, испытать и перенести на Кавказе в боевой, тогда тяжёлой и тревожной службе, переходя со своим взводом из одного отряда в другой, то в большой и в малой Кабарде, то в обеих Чечнях, на лезгинской линии, или в северном и в южном Дагестане - и, наконец, на правом фланге, за Кубанью, на передовой Лабинской линии. Во 2-й войсковой бригаде, в которой я водворился

на жительство, мне пришлось нести должности то старичного атамана, то командира сотен, конно-ракетных команд и пластунгов; был я и воинским начальником, и заседателем полкового правления. Всего же долее находился в должности адъютанта управлений начальника Лабинской линии и командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

Начав службу урядником, мне пришлось ознакомиться не поверхностно, а вполне с жизнью и бытом линейного казака. Пришлось волею-неволею примениться к новым порядкам и освоиться со строем общественной войсковой жизни; одним словом, пришлось быть вполне казаком...

Частенько переношусь я мысленно в прошлое... в котором было немало прекрасного и обаятельного, грустного, тревожного и подчас страшного.

Вспоминаю лихих начальников и товарищей... Случай позволил мне быть очевидцем или соучастником многих подвигов - и, как живая легенда, я постараюсь правдиво, не мудрствуя, передать на память родным и друзьям, о нашем кавказском былом. Теперь я жалею, что не вёл дневника (впрочем, тогда это дело было почти невозможное) - потому в рассказе не буду придерживаться хронологического порядка, а буду говорить, как придётся вспомнить, сохраняя, по возможности, имена и места, где, что и как случилось..."

Остаётся добавить, что "Записками" Аполлона Шпаковского, как ценным историческим источником, широко пользовались в своих работах многие историки казачества и Кубани - тот же Ф.А. Щербина, в частности.

* * *

Людомир Александрович Ржевусский (1848-1932) - генерал кавалерии Русской армии, поляк по происхождению. Закончив Николаевское кавалерийское училище, службу начал в лейб-гвардии Кирасирском Его В-ва полку. С 1884 года, начиная с чина

войскового старшины - в казачьих частях. С 1892 года командует Уманским полком ККВ, с 1897-го - 1-м Волгским полком ТКВ. Начиная с этого момента, его дальнейшая служба связана с казачьим Тереком - он был атаманом Пятигорского отдела Терской области и старшим помощником Наказного атамана Войска. Награждён орденами до ордена св. Анны 1-й ст. включительно. Ушёл в отставку в 1910 году, однако во время 1-й мировой войны вновь принят на службу с чином генерала от кавалерии. Умер в Польше в Быдгоще.

Во время жизни на Кавказе Л.А. Ржевуский, как это часто случалось, искренне увлёкся историей казачества. Особенно близки ему стали терцы, сбором и изданием материалов по военной службе,

Офицеры
Кубанского войска

жизни и быту которых он занимался в свободное время. Известны его собственные записки "Из воспоминаний сотенного командира" (в сборнике рассказов о войне 1877-78 гг.) и подготовленная совместно с М.Фисенко "Памятка 1-го Волгского полка ТКВ".

Наибольший интерес для нас сегодня представляет составленный им "Сборник материалов по истории и этнографии Терского войска", сохранивший большой объём уникальных сведений и зарисовок из жизни терских казаков.

Ниже предлагаем два из очерков этого сборника, рассказывающих о терских казачках и праздновании станичниками Масленицы.

Ю. Крапивин

Урядник Подрезов

Самая личность Подрезова была уже замечательна: высокий, широкоплечий, стройный детина с геркулесовской силой, с бородой по пояс, со сверкающими плутовскими глазами и сатанинской улыбкой, не сходящей с губ - невольно внушал почтение горцам, ценившим выше всего силу, отвагу и плутовство на все руки, а этими великолепными качествами Подрезов обладал вполне. Давно уже он произведён в офицеры, но имя, данное уряднику - "Гришка Отрепьев" - осталось за ним. Закоснелый раскольник по вере, он был далеко не безукоризнен в своих деяниях. Обмануть, надуть - лишь бы от этого была какая-нибудь личная польза - составляли девиз молодца. Но нередко и в этой мрачной туче проявлялись светлые точки рыцарства, великодушия и даже честности, хотя и на свой лад.

В первые годы населения линии, во время весенней пахоты, горцы, вопреки своего обыкновения тревожить казаков сборами партий в разных пунктах, как бы затихли. Эта ложная тишина если не совсем обманула, то успокоила тогда ещё не осмотревшуюся горсть станичников.

Расчёт хищников, казалось, был верен: они хотели обмануть и усыпить бдительность тишиной, потом напасть на несколько пунктов разом и разъединить и без того незначительные силы к обороне. Вышло, однако, не так: лабинцы доказали, что не посрамят старого казачества.

Партия хищников, до тысячи человек, неожиданно напала на плуги пахавших жителей станицы Лабинской, тогда как другие сильные партии угрожали станице Вознесенской.

(Надо заметить, что горцы правого фланга, как более зажиточные, никогда не собирались в набег пешие, разве какой-нибудь шальной "бейгуш", т.е. бедняк, пускался очертя голову. Дрались вообще более стойко и отважно, нежели чеченцы, мечиновцы, тавлинцы и лезгины - как на открытой, так и на лесистой и пересечённой местности, и по шавдонам, т.е. болотам, что можно отнести к исправному вооружению и доброму коню, и к более-менее сытому желудку. Самое управление их не было так деспотично, как управление Шамиля: князья, и впоследствии шейх Амин-Магомет, пользовались только влиянием на умы, а не на благосостояние горцев, и последние не обязаны были кормить пришлецов, как чеченцы дагестанцев - мюридов Шамиля).

Завязался одиночный, отчаянный бой, и две местные сотни, несмотря на бешеную храбрость, были подавлены численностью неприятеля. Прежде чем пехота подоспела в дело, много уже было побито и захвачено в плен (по большей части женщин и детей).

Среди этой свалки Подрезов дрался как сущий чёрт, и его пример увлек не одного, но все усилия оставались тщетны и наши лишились человек с полсотни, хотя и горцы, в свою очередь, понесли значительную потерю. Захватив добычу, стали они отступать, гоня скот и несколько пленников, под прикрытием лучших своих джигитов. Наш Гриша не выдержал: надел папаху на винтовку

и, подняв её, махнул над головой в знак вызова на единоборство - этот маневр всегда употреблялся охотниками подражать с обеих сторон, подобно тому, как рыцари бросали перчатки. Навстречу выскакал джигит - как теперь вижу, в белой папахе, белом чекмене и на белом коне (абреки и джигиты, как давшие зарок ничего не страшиться, имели по преимуществу белую одежду и коня, чтобы и ночью быть более заметными).

Быстро слетелись враги, сверкнули выстрелы, и оба коня грянули наземь. Вскочили на ноги противники, бросились друг на друга с шашками, но, по незнанию правил фехтования, рубка с плеча не могла долго длиться: шашка Подрезова разлетелась в куски, а у горца вылетела из рук. Одно только мгновение стояли ошеломлённые враги и, как бы сговорясь, бросились друга на друга. Бой с обеих сторон, казалось, притих; внимание всех сосредоточилось на борющихся - и, по истине, было чем полюбоваться.

Сила была на стороне Подрезова, ловкость на стороне горца. Несколько мгновений они крутились по земле, то тот, то другой был наверху - и всё втихомолку. Наконец, Подрезов, окровавленный, поднялся на ноги с кинжалом по рукоять в боку; горец же не поднялся.

Раздался с обеих сторон гик (пронзительный звук, заменяющий ура, употреблявшийся и нашими, и горцами), закипела борьба за тело горца, задавленного руками Подрезова, который в это время отошёл назад, осторожно вынул кинжал, захватил лапами бешмета раны - и, шатаясь, поплёлся в станицу. Тела горцы стараются привезти домой семейству убитого - иначе аульные кунаки, т.е. товарищи-друзья, обязаны поддержать до возраста семейство убитого (это адат, старинный обычай); вот причина, почему горец нередко сам скорей ляжет мёртвым, чем оставит тело в руках врага.

Придя к медику Золотарёву, Подрезов упрямился перевязать рану на дому, не соглашаясь никак лечь в госпиталь. Раны были зашиты и забинтованы. Подрезов успел-таки у экономки доктора выпросить стакан водки и, вместо того, чтобы лечь в постель, поймав шляпшуюся по станице лошадь убитого казака, сел на неё и, выскакав за станицу, примкнул к своим, вёрст за семь от станицы перестреливавшимся с горцами.

Горцы думали уже торжествовать удачный набег, но горько разочаровались. Все резервы укреплений, постов и станиц Чамлыкской и Урупской линии, переправясь ниже места боя за Лабу и следуя по сакме (след на траве или песке, по которому всякий казак скажет наверное, сколько коней или людей прошло и давно ли), пробрались незамеченными наперерез неприятеля, залегли на пересечённой местности и дружным ударом отбили скот, пленных, жестоко отплатив за смерть товарищей: более 30 тел было притащено в станицу.

Примкнув к своим, как уже сказано, Подрезов ухитрился

Ветеран войны

Воины - адыги

выстрелом убить ещё горца, поймал его лошадь и тогда уже, изнемождённый и растревоживший раны, этот дуб повалился с коня.

Через два с небольшим месяца Подрезов выписался из госпитали и опять был на коне, как будто ничего и не случилось особенного, кроме получения Георгиевского креста, которым был награждён за это дело.

В том же году, в декабре, в сильную метель, как лучшую помощницу для набега, Подрезов приказано было отправиться с десятком пластунов за реку Белую - для пригона высмотренного у махашевцев конного табуна, голов в 500. Для охранения при возвращении с табуном команды, было выслано по две сотни казаков на реки Чахрак, Ходз и Псефир и три сотни со взводом конной артиллерии и конно-ракетной командой на реку Белую.

Почти перед светом, отряд, пройдя до 80 вёрст по «одомеру» (почти у всех орудий на Кавказе к колесу прикреплялся аппарат, определяющий оборотом колеса пройденное пространство), остановился в лесу, на правом берегу. Под прикрытием с берега, Подрезов с пластунами и с несколькими казаками переправился за Белую, несмотря на сильно шедший по реке лёд.

Долго шли пластуны по приметам, но, буквально ослепляемые метелью, сбились с пути, и только случай наткнул их неожиданно на другой табун, голов в двести. Посоветовавшись между собою, что делать, решили захватить хотя бы эту добычу. При обходе табуна наткнулись на пятерых спавших в кустах табунщиков. Вмиг четверых не стало, но пятый успел ускользнуть в чащу леса и поднял криком и выстрелами тревогу. Это заставило казаков поторопиться: быстро обежав табун, скупенный непогодой, накинув на удачу арканы и надев взятые с собой уздечки, они повскакали на коней.

Казачья натура живо узнает достоинство скакуна - и вот один пластун пус-

Казаки кавказских казачьих полков

Ф. Рубо. На передовом посту

тился вскачь к Белой. Несколько выстрелов и гик шарахнули испуганный табун, и он понёсся, как ураган, за скакавшим впереди, подгоняемый криком и выстрелами скакавших по бокам и сзади. Белая, видная со взгорья, уже сверкала близко. Но недалеко неслись и сторожевые из аула горцы: надо было позadržать их, и для того Подрезов сам-пят повернул коней навстречу.

Горцы, ослепляемые метелью прямо в лицо и озадаченные несколькими удачными выстрелами, не зная силы врага, остановились. Этого только и было нужно: табун с наскоку ринулся за вожаком прямо с кручи, и страшная пена от брызг бешеной реки точно пыль поднялась и закрыла берег. Еще полчаса - и кони пронеслись, минуя отряд, фыркая и обгоняя друг друга, преследуемые гиком и выстрелами казаков, заменивших пластунов. Вместе с ними и Подрезов, несмотря на принятую ванну в Белой, продолжал охранять табун - до самой станицы скача без седла.

Метель с рассветом поулялась, и летучий отряд, неторопясь, отступал от Белой, изредка посылая гранату, ядро или ракету собирающимся со всех сторон горцам. Соединившись с сотнями на бродах Псефира и Ходза, казаки на Чахраке вдруг перешли из отступного в наступательный порядок, и быстрой атакой отбросили гнавшихся в пустой след табуна горцев.

К закату солнца отряд возвратился в станицу с незначительной потерей. Из 170 отбитых коней, за наделом пластунов и частей отряда, а также за заменю выбывших из строя в набеге, 70 штук было отправлено в барантовую комиссию (в крепости Прочный Окоп, при штабе начальника фланга, была учреждена барантовая комиссия, распорядившаяся продажей отбитого у горцев скота).

Подрезов с товарищами, получив свой пай, крепко сердились на метель, сбившую их с пути к большому табуну, ускользнувшему от рук по её милости. Да оно и логично: опасность ведь та же, а добыча была бы вдвое!..

Казачка Сердюкова

Анна Сердюкова была девка лет 16-ти - рослая, стройная, красивая, и не один станичник и наш брат благородье засматривались на чёрные огненные её очи и роскошную русую косу. Но строгий суровый казак-отец держал её, как говорит, в ежовых рукавицах - так что баловаться не приходилось, несмотря на вообще далеко нестрогую нравственность станичного прекрасного пола.

Подвиг, совершённый Анной, выходит из ряда обыкновенных и рельефно выставляет те условия, среди которых вырабатывались характеры, вращалась жизнь и воспитание казачества.

Осенью, в сороковых годах, в праздничный день вечером Анна с братом своим, мальчуганом лет 11-ти, отправилась за станицу на свой огород, крайний к Лабе - и, как следует доброй хозяйке, до того углубилась в уборку овощей, что только крик брата заставил её оглянуться. И можно представить ужас девки, когда она увидела пятерых горцев, бежавших к ней. Страх отнял язык,

но ноги ещё не изменили, и она бросилась бежать по хайвану (главная дорожка в виноградных садах и огородах, которые, быв обнесены плетнем из хвороста, имеют всегда густо наложенный терновник наверху, в защиту от ворюшек, и, служа своего рода укреплениями, не раз спасали жизнь) к калитке - между тем как казачёнок со своим ружьём, забившись в кусты под забором, выглядывал сурком на эволюции сестры и джигитов, боясь не только выстрелить, но и крикнуть.

Ужас открыл Анну: она не бежала, а летела, и хищник, ближе за ней гнавшийся, боясь поднять тревогу и упустить лакомую добычу, на бегу бросил кинжал в свою жертву. Но судьба не дала ей погибнуть: кинжал, пролетев с боку, воткнулся далеко впереди Анны. Приостановясь ин-

стинктивно, она схватила упавший кинжал, держа острием назад. В это время горец набежал и охватил её, но, каким случаем, она сама не помнит, кинжал прошёл навзлет через живот хищника, повалившегося вместе с ней. Страх придал силы вырваться из немилых объятий, но сбил с толку, и Анна бросилась не к калитке, а на забор, и, ухватясь за него руками, хотела перескочить. В этот момент другой набежавший горец шашкой рассек ей зад (хотя и не глубоко).

Боль и страх ошеломили бедняжку... она опомнилась уже за Лабой, сидя за седлом, привязанная ремнём к поясу всадника. Их было пятеро, убитого же везли перекинутым через седло. Отъехав на значительное расстояние от Лабы, горцы остановились на ночлег, развели костёр и...

За полночь горцы улеглись спать, и так были уверены в своей безопасности, считая себя уже дома, что не только не связали пленницы, но даже не очередавались караулом. Эта-та оплошность спасла Анну, лежавшую возле вожака. Великолепная кавказская ночь, озарённая полной луной и окружаю-

щая тишина, нарушаемая только сильным храпом джигитов, успокоили душевное волнение пленницы. Невзирая на физическое изнеможение, она тихо приподнялась с намерением бежать. Страх быть настигнутой дал ей решимость: придерживая одной рукой ножны, казачка вынула кинжал у вожака и мгновенно всадила ему в горло. Горец не успел даже пикнуть, так был силен и ловок удар.

Вид крови ошеломил и обезумил девку: она схватила шашку и пистолет убитого, принялась рубить спавших. Прежде, чем они пришли в себя и поняли, в чём дело, ещё трое заплатились жизнью. Последний, вскочив на ноги, видя кровь и убитых товарищей, под влиянием панического страха так потерялся, что бросился как угорелый бежать. Но остервенившаяся Анна погналась за ним - выс-

Тревога на пикете

трел положил и его на месте. Не раздумывая долго, Анна обобрала, по обычаю горцев и казачества, оружие и одежду с убитых, переловила стреноженных коней, побатовала их и, навьючив трофеями своей победы и мести, утром добралась до Лабы, выше станицы верстах в семи или восьми.

И не странно ли, что, совершив уже столько, она не решилась переплыть Лабу - так ей страшна показалось переправа через ревущую и летящую стрелой реку. С противоположного берега пикет увидел татарина с конями (Анна переоделась и вооружилась

Горец. Рис. князя Г. Гагарина

горцем) - и, полагая встретить мирного или бежавшего от своих горца, переправился и доставил казачку с трофеями в станицу.

Недолго хворала Анна в госпитале, хотя следы остались навсегда. Вскоре появилась она снова между станичниками, такая же бойкая и говорливая, как прежде. Золотая медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пенсioen в 50 руб. сер. и золотой браслет - подарок главнокомандующего, князя Воронцова - были наградами её необыкновенного подвига.

А. Шпаковский

Гребенички

Гребенички составляют не только лучшее украшение семейной жизни гребенца-казака, но и главную экономическую силу его хозяйства и домашнего достатка.

По внешнему своему виду гребенички представляют два типа: татарско-русский и русско-чеченский. Оба эти типа имеют свои характерные особенности, но и много общего, сложившегося под влиянием одинаковых условий жизни. Вообще все гребенички красивы, грациозны, смелы, симпатичны и энергичны. Разговор их нежно певуч и они очень словоохотливы и остроумны. Забота о сохранении своей миловидности и некоторая кокетливость составляют одно из характерных свойств гребеничек. Для сохранения кожи лица и рук, они и на работе в поле, и в доме всегда кутаются, т.е. обвязывают лицо платком, а на ночь, после умыванья, натирают лицо и руки козлинным или иным жиром, а иногда спуском своего приготовления, отчего цвет лица и рук у них всегда нежный и прозрачный, несмотря на ту египетскую работу, которую они несут с мотыгой в виноградных садах и с серпом на жатве.

Вот перечень их работ.

Весною гребенички убирают виноградные сады, т.е. выкапывают из земли мотыгой виноградные кусты, набивают таркалы около кустов, подвязывают мочалом кусты к таркалам, сажают рассаду, огурцы, арбузы, дыни, тыквы, лук, чеснок, поливают ежедневно рассаду, ходя для этого за 3 и 4 версты от дома; варят пищу, пекут хлеб и делают всё прочее по хозяйству, а по субботам моют драчем (песчаниковым камнем) пол, перед пасхой скоблят ножами потолок и другие в доме неокрашенные и неоклеенные обоями места.

Летом: Полют (подчищают) мотыгой в садах, сажают и поливают капусту, жнут рожь в просо, сгребают сено (гребенички в редких случаях косят сено), перевозят хлеб и сено на загоны (базки), свозят арбузы домой, и между всеми этими работами успевают обшивать семейства.

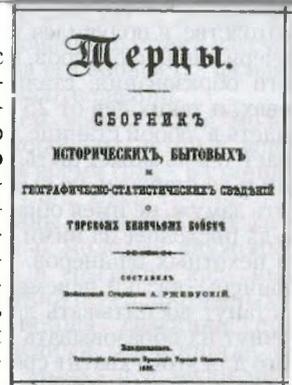
Осенью: порят арбузы (вынимают семечки), обрезают виноград, дают (мнут) его руками в плетёных носилках над кадушками, сливают чихирь в бочки, когда он скисает в кадушках; обрезают в садах лишние ветки, зарывают виноградные кусты мотыгой в землю, свозят капусту, рубят её и солят вместе с арбузами, собирают в лесу дикие яблоки, груши, мочаг их, сушат в печах виноград, яблоки и груши; варят мёд из винограда и арбузов, перевозят из садов домой виноградные плётки (ветки) и старые негодные таркалы, а за неимением быков переносят всё это на плечах.

Зимой: приготовив обед, садятся шить до вечера, вечером убирают загоны, (чистят навоз), накладывают скотине сено и, вернувшись домой, садятся при сальных свечах снова за шитьё и просят до 12 часов ночи.

Таким образом, гребеничка круглый год не выходит из железного круга труда - тяжёлого и не вполне вознагражденного. Несмотря на этот труд, они постоянно чистоплотны и опрятны, белолицы и почти всегда нарядны. Трудно заметить, чтобы гребеничка, даже идя в сад на работу, была плохо одета. Когда они идут в сад, первым делом, приведя в порядок голову, надевают чистую ситцевую рубашку, лучшие чулки и черевички или ботинки козловые, лучшую фуфайку или бешмет; рабочее же бельё увязывают в узелок и таким образом, взяв в подмышку бельё и провизию, а на плечо вскинув мотыгу, идут в сад, точно куда-либо в

гости или на гулянье.

Придя в сад, они снимают с себя весь свой наряд и свёртывают его в безукоризненный порядок, а затем надевают толстую холщёвую или старую ситцевую рубашку и прочее тряпье и начинают без разгибу и устали сгребать или разгребать мотыгой землю, вплоть до самой ночи. Кончив работу и захватив свой наряд, они идут к колодцу и здесь моются и, одевшись в свежий костюм, идут домой, полные веселья, с разговором и песней, расспрашивая соседок и прочих о том, сколько кто наработал и проч. Разумеется, не обходится при этом и без пересудов, острот и хохота. Гребенички не умеют унывать. Это богатыри-женщины, полные жизни, кокетливости и грации. Они, никем и ни-когда не стесняемые, говорят свободно и безразлично, со старым и малым; все им ровня:

Гребенцы

и генерал, и простой казак.

В силу исторически сложившейся жизни гребенских казаков, гребенички, оставаясь единственными хозяйками домашнего очага, приобрели полную независимость в своих действиях и, таким образом, стали с мужчинами в совершенно равная отношения; даже можно сказать, не преувеличивая, они поставили мужчин даже в более зависимое положение к себе.

Оно я понятно. Не может же, в самом деле, мужчина иметь преобладающее влияние на женщину, находясь постоянно на службе и не получая от казны ни обмундирования, ни прочего необходимого для жизни, и в тоже время не принося никакой существенной пользы семье - ни трудами, ни разумными указаниями, а напротив, являясь всегда в семью навреде какого-то паразита.

При таких условиях мыслима ли претензия на преобладание? Жена для гребенца - это главное его богатство, откуда он получает и обмундирование, и вооружение, и коня. Чем казак удалее и отважнее, чем он более предан службе, тем он более плохой хозяин. Жена в хозяйстве и доме - для него архимедов рычаг, и её сила чувствуется и видится ему везде. И горе казаку, который не имеет такой жены! Тогда и в доме, и в поле - везде у него плохо.

Нравы и образ жизни гребеничек

Несмотря на полную зависимость казака от начальства и, в частности, от своего офицера на службе и в частной жизни, гребенички ухитрились стать в совершенно иные отношения к офицерам и их жёнам. Здесь мы видим те же равноправные отношения. Жена казака дружит с женою офицера и с офицером обращается, как и со всяким казаком. Она в нём не заискивает, хотя ей приходится иногда обращаться к офицеру с просьбой о муже, но всё это она делает как будто между прочим, не отступая от своих прав равенства. Если бы простая гребеничка встретила в семье офицера какое либо "великательство" (важничанье), то не задумалась бы тотчас же поставить это на вид офицерше или офицеру и при том самым нецеремонным образом, колынув острым словечком в самое болезненное место.

Отношения эти установились и поддерживаются потому более, что простые казачьи девушки часто выходят замуж за детей офицеров, а казачьи сыновья женятся на дочерях офицеров. Дворян же у гребенцов никогда не было, благо-

даря их старообрядческой вере. У них тот получал чин офицера, кто был более достоин, не разбирая - сын ли он офицера или простого казака, и нужно сознаться, что дети простых казаков по большей части выходили лучшими офицерами. Многие дети простых казаков, не говоря уже о чинах обер-офицерских, получали чины полковников и генералов, тогда как этого мы не видим у детей офицеров.

В последние годы многие офицеры стали своих дочерей держать немного иначе, т.е. стали их наряжать в полувосточные костюмы, несколько удаляя от казачьих дочерей, чрез что простые казачки, видя в них барышень - белоручек, стали обегать их в сватовстве, и получился тот результат, что дочери таких офицеров, не получив никакого образования, стали застаиваться в девах, и таких дев от 25 до 35 лет можно видеть в любой станице до десятка. И кто знает, очень может быть, что так просидят они и до старости, не выйдя замуж - да а трудно им выйти замуж, не имея образования и хорошего приданного. Будь последнее за ними, всё же бы нашлись женихи хоть из пехотных офицеров. В виду этого надо полагать, что офицеры - казаки переменят политику по необходимости и станут воспитывать дочерей или в прежнем духе, или начнут их образовывать в средних учебных заведениях, у кого для этого хватит средств.

Хотя я и хотел говорить особо об офицерах-гребенцах и их семействах, а также об их бытовой жизни, но признаюсь, не нахожу отличий, на какие можно было бы указать в их жизни от простых казаков. Вся разница между казаком и офицером - в одних эполетах, всё же остальное зависит исключительно от средств. Богатые офицеры, конечно, всегда живут шире и лучше богатого казака. Хозяйство офицерских семейств ведётся тем же способом, как и у простого казака, обстановка та же самая, если не считать лишней комнаты в доме офицера, обставленной несколькими стульями, диваном и круглым столом, вместо обыкновенного четырёхугольного стола и лавок по стенам.

Боевую славу гребенцов могут вполне разделить с ними и их жёны: они принимали самое деятельное участие в их боевых схватках с чеченцами. Конь казака, когда он был дома, всегда оставался на попечении жены: она его кормила, поила и подчас чистила, а во время тревоги седлала и держала под уздцы у порога дома в ожидании мужа, одевавшегося в боевые доспехи. Провожая его, она напоминала ему его долг и семейную славу, которые ей были так же дороги, как и богатырю казаку.

Женщины гребенички всегда были настолько отважны и смелы, что не было примера, чтобы гребеничку когда либо, во время работы в виноградном саду с мотыгой в руках, чеченцы взяли в плен. Они крадучись воровали у гребеничек их наряды, лежащие где-нибудь под кустом, или уносили дневную провизию, но никогда не осиливались нападать на них безнаказанно. Стрелять же по женщинам - у горцев-чеченцев не было в обычае.

Урядник и кавалер муж составлял всегда гордость гребенички. Не один казак положил свою голову для того, чтобы доставить своей красавице жене честь шегольнуть перед подругами своим героем мужем.

Гребеничка никогда не была рабом своего мужа, но это несколько ей не мешало оставаться его работницей - в виду непрерывной его службы. Она всегда готова была жертвовать тяжёлым трудом, лишь бы видеть своего джигита мужа на лихом коне, обвешанного оружием, окованным в серебро с чернью. Ей

всегда казалось, что этот боевой наряд мужа столь близок ей, что и она делается от него и красивей и горделивей.

Вообще гордость и достоинство присуща характеру гребенички так же, как и гребенцу, и эти качества дают им силы мужественно и с достоинством переносить все невзгоды жизни. При последних громадных пожарах, от которых три раза выгорала станица Червлёная, каждый раз наполовину станицы (некоторые семьи выгорали по два и по три раза); во время тяжких неурожаев сряду по несколько лет винограда и хлеба - ни одна гребеничка не позволила себе опозорить своей руки, протягивая её за подаванием или милостыней. Она скорее предпочтёт голодную смерть, чем унижительное попрошайничество. Нищих у гребенцов нет; но бедные люди умеют мириться со своею нуждою и выносить её без ропота и с достоинством.

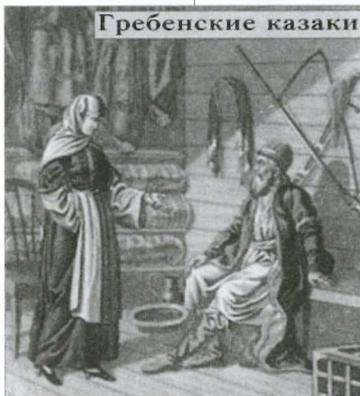
Несмотря, однако, на все прекрасные качества гребенички, к крайнему сожалению, надо сознаться, что они не пользуются особенно прочною репутацией по отношению к супружеской верности. Конечно, в семье не без уroda, но обобщать такие отзывы и подрывать репутацию гребеничек с такой шекотливой стороны - по меньшей мере, грешно. Немалая доля отзывов и рассказов подобного рода вызывается просто врождённою бойкостью и кокетливостью гребенички, её красотою, словоохотливостью и шегольством одежды.

Одежда гребеничек

Лучший наряд молодой гребенички-девушки составляет канаусовая красная рубашка, атласный бешмет или фуфайка и "ширинка" (шёлковый цветной большой платок), да янтари с припайками - вот её идеал, к которому она стремится с малолетства. Мать, пережившая уже в своё время эти стремленья, понимает их хорошо и старается по мере возможности удовлетворить своё милое дитя. И вот, в один из праздничных дней, она подводит дочку к разукрашенному сундуку, открывает его и достаёт свою былую гордость: сатиновый бешмет (атласный), канаусовую рубашку, ширинку и припайки с янтарями, и всё это примеряет на дочку, сама полная восторга, как и дочь. Что в пору и идёт к лицу, то сейчас же и даётся дочери, а что не в пору, то нетрудно где нужно поушить (убавить) и т.п.

Вообще же гребенички носят: кафтан (он же называется бешметом), фуфайку, которая отличается от бешмета тем, что рукава её делаются только по локоть, бешмет же имеет рукава длинные, по кисть, с отворотами. Дорогие бешметы (атласные и другие шёлковых материй) обшиваются узким галуном и серебряным с чёрными нитками шнурком; ситцевые же носят без того и другого. На дорогих бешметах и фуфайках пришиваются вместо застёжек серебряные с чернью азиатские петли от 6 до 10 пар, которые бывают разной величины и формы. Петли нашиваются на бархат, плис или на красный козловый сафьян, обшитый кругом серебряным галуном. Цвет бешмета и фуфайки предпочитается ради прочности чёрный, но носят также голубого, коричневого и иногда зелёного цвета.

Шуба носится зимою и вообще в холодное время. Меха шубы преимущественно бельчатые и кошачьи, а также бараньих лапок (называемые лапчатями), верх шубы атласный или шерстяной. Шуба опускается вокруг груди, подола и по рукавам мехом речной выдры шириною в полтора вершка. На шубах также носят серебряные петли. Вся верхняя одежда кроится в талию. Рубашки шьются длинные, по самые

Казачки ст. Червлёной, фото конца 19 века

щиколки с весьма широкими рукавами: будничные - ситцевые, а праздничные из персидского канауса, цвета красного, малинового или жёлтого. Чулки зимою предпочитают шерстяные, синие с красными стрелками, а в прочее время - белые нитяные; черевички и ботинки носят местной работы из сафьяна, носят и привозные из Москвы прюнелевые.

Для украшения головы женщины заплетают две косы, которые на темени свертываются в кружок, а на него накладывается "подкосок" (род кренделя, набитого ватой); на него надевается канаусовая или ситцевая "сорочка" (род чепца); на сорочку повязывают "стягац" (шёлковый или ситцевый небольшой платок), концы которого завязываются на затылке. Затем на всё это сверху навязывается ширинка или большой батистовый платок с загибом на середине (загибка делается зубами или утюгом по середине свернутого угол на угол платка).

Девушки голову убирают гораздо проще: они плетут одну косу, которая спускается к талии, голову увязывают стягишником прямо на волосы, сверх которого повязывают ширинку или платок, как и женщины. На стягишник больше употребляют красный шёлковый платок. Сверх бешмета или фуфайки девушки носят серебряный галунный пояс. На шею вешают палевые янтари, крупные и мелкие, а также коралловые и другие бусы с припайкою к ним серебряных монет; носят также цепочки серебряные, старинные с большим восьмиконечным крестом.

В ушах носят серьги тоже старинные, большие серебряные с чернью, а также и более новой европейской работы. Фуфак и бешметов бывает у каждой казачки шёлковых два, а ситцевых и других два и четыре, рубашек канаусовых одна, шуба всегда одна праздничная и одна рабочая, последняя овчинная.

Вообще гребенички любят одеваться, но зато и берегут свою одежду. Нередко можно встретить гребеничку, одетую в прабабушкину фуфайку, бешмет или шубу; разумеется, каждая успевает и сама выработать деньги на атласную фуфайку. Гребеничка желает нравиться, любит чистоплотность и хороший наряд, но это несколько ей не мешает работать за двоих. Вот почему гребенички несравнимы с другими русскими рабочими женщинами -

ни по развитию умственному, ни по своему труду.

Домашняя жизнь гребенички

Семейные отношения гребенички-снохи к свёкру, свекрови, деверям и золовкам не представляют тех особенностей, какие мы видим вообще в русских семьях. Здесь всё основано на умственном и нравственном превосходстве человека: умная свекровь управляет домом и детьми, а нет её - управляет всем сноха, сохраняя, конечно, притом должное уважение к свекрови. Здесь все равны, и не равен только тот, кто не умеет себя держать. Если золовка дружна со снохой, то последняя часто обряжает её в свой костюм: на свадьбу, вечеринку или хоровод, а деверь холостой при добрых отношениях может рассчитывать на сноху, что она его обошьёт; - дальше этого трудно провести грань отношений.

Весёлым препровождением времени для молодежи в праздничные дни служат хороводы, летом в заповедном лесу (роще), а в остальное время года - в станице у забора домов, на перекрестках улиц. Сюда собираются разряженные молодаяки - женщины и девицы всех возрастов, а также молодые парни и молодые служилые казаки. Развлечения их состоят в грызении арбузных семечек, игрании на гармонике, пении песен протяжных и скоморошных, танцев лезгинки под гармонику или медный таз, а иногда, за неимением всего этого - под звуки медного блюда и обтянутого сомовой кожей бубна. Хороводы собираются в 3 часа пополудни и расходятся из рощи в 8 часов вечера, а станичные в его время расходятся по домам для замены дорожного наряда простым ситцевым. К 9 часам они снова собираются в хоровод и веселятся до 12 часов ночи.

Женщины гребенички при мужчинах не расчёсывают своих волос; причёсывать головы при мужчинах считается большим стыдом, и если женщина, расчёсывая голову, заметит мужчину, сейчас же закрывает её платком. Женщины при встрече с мужчинами наклоняют голову, обязывая таким образом и мужчину приподнять свою шапку; если же она заметит идущего ей навстречу мужчину, то останавливается, не переходя ему дороги и, пропустив его мимо себя, продолжает идти своим путём.

И. Кулебякин

Семья из ст. Гребенской

Семья Беляковых ст. Терской

В начале сырной недели нынешнего года погода была серенькая, небо затянуто было облаками, подувала "морьян" (восточный морской ветер, который дует по нескольку недель сразу и выветривает обывательские постройки). Солнышко выглядывало из-за туч, как стыдливая красавица-казачка, заговорившая в первый раз с незнакомым мужчиной: взглянет ему в лицо и тотчас же опустит веки в землю... Но уже начиналась тёплая пора; некоторые жители стали вбивать новые таркалы (тычины) в виноградных садах и подумывали раскрывать лозы.

Старушки между тем хлопотали о блинах, смешивая пшеничную муку с пшённой (просяной), заботились о покупке коровьего масла; хотя коровы у них свои, тем не менее, масло редкая семья не покупает - не будем говорить почему, иначе старушки на нас обидятся и из хорошего человека вдруг сделаешься худым. Старики беспокоятся поймать рыбы в Терке, чтобы быть свободными в остальные дни недели. А девушки и молодцы? О, они очень рады, что дождалась масленицы: это такое время, когда всенародно до отвала можно нацеловаться с парнями; да и намнут же им губы лихие наездники!

Несколько девушек и молодых женщин становятся в ряд около дома на завалине или на другом возвышенном, открытом месте, и каждая держит в руках длинную и значительно толстую хворостину. Это они устроили "город", который должны "взять" наездники-парни, упражняющиеся в это время в джигитовке и других акробатических шутках, бывающих причиной изуродования физиономии, искалечения рук и ног, повреждения "нутра" и т.п. Около "города" толпятся жители: мужчины стоят отдельно от де-

Масленица

вушек и молодцев - впрочем, отделяется лишь народ почтенный, а молодые казаки вьются возле красавиц, отпускают им разные любезности, вроде: "Малашка, ты что, пострелова дочь, нейдешь в "город"? Либо нацеловалась уже с Меркиашкой?" - "Да ну тебя к пострелу с твоим "городом"! - "Что ж, либо не хочешь?" - "Знамо дело, не хочу" - отозвалась красавица, нахмурила слегка чёрные брови и отвернулась от привязчивого собеседника.

Пускаться же в дальнейшие рассуждения "не годится: зорко, кругом мир стоит"; ведь это не в зелёном саду осенью, когда она варит виноградный кисель с подружками, и если придёт парень, то, кроме подруг, его почти никто не видит и потому не могут сказать, что девушка с ним "живёт"...

Собрание жителей на станичной площади большое и, конечно, наряднее всех одеты девушки: одна в хорошей фуфайке или в "добром" кафтане, другая ещё лучше; у одной широкие рукава у рубахи, а у другой - ещё шире. У каждой в платке или в кармане забава - семечки арбузные или "кабачные" (тыквенные). Все глядят то на "город", то на ездоков, награждая последних похвалой или насмешкой, смотря по сделанному отличию. Красавицы, составившие "город", в ожидании удалцов, желаящих взять его, поют:

Шли - прошли девушки,
Шли - прошли красные,
И нашли, нашли Фёдора,
Да нашли Петровича.
На конь его посадили,
В стремена ноги заложили.

Заносил его добрый конь
К тёщину ко двору,
К невестину терему.
Эй ты, сокол, душа соколович,
Эй ты, сокол, Фёдор Петрович!
Ты вскочи, сокол, на вишенку,
Ухвати, сокол, лебедушку –
Лебедушку беленькую,
Соколушку ясененькую,
Что Татьяну Михайловну;
Ты возьми её за рученьку,
Поведи к отцу, матери,
Ко всему её роду - племени:
- “Государь ты мой батюшка,
Матушка родимая!
Люба ли вам невестушка?”

“Коль тебе любя, то и нам хороша!..”

Несколько верховых казаков, натешившись джигитовкой, направляются к “городу”; горожанки приняли меры осторожности, стали в оборонительное положение, приготовили хворостины, а сами продолжали петь: “Да нашли они Петровича...” Один смельчак выхлестнул плетью свою лошадь и бросился на “город” - горожанки дружно приняли его в дреколья. Били, во что попало: по головам лошади и седока, по крутым бёдрам кони и по ушам наездника, по спине лошади и по могучим плечам охотника целоваться...

Эта сцена напоминает собою прохождение сквозь строй, бывшее очень недавно в большой моде между военным сословием - различие лишь в том, что прохождение сквозь строй производилось за содеянное преступление служащих, а здесь казак единственно ради поцелуев добровольно подвергает себя подобной операции. Однако, как ни мучил он доброго коня, как не бил его нагайкой - не мог приблизиться к “городу” и со стыдом поехал вспять.

Вот ещё два молодца кинулись на “город”; их также встретили хворостинками. Кони не выдержали ударов, поворотили в сторону и как наездники не понукали их пинками и плетьюми - нет, они, вероятно, считали благоразумнее не подходить близко к драчливым красавицам.

Если парню в это время нос до крови разобьют - что случается нередко, или сделают ссадину на щеке - на это нет претензий; а также, если коню повредят глаз - дело остаётся без апелляции со стороны хозяина. Был, говорят старики, случай, когда девушка ударила хворостиной одну лошадь между ушей и бедное животное через несколько минут тут же, близ “города” испустило дух. Но это может быть потому, что на лошади сидел “бусурманин” - ногаец, желавший перецеловать русских казачек...

Парни отъехали прочь, а девушки опять затянули:

Вы раздайтесь, расступитесь все добрые люди
На все-то на четыре ой вы на сторонки!
Не мешайте красной девке да мне погуляти,
По зелёному садочку да мне походить.
Поколь батюшка родимый да замуж не выдал,
За того ли разбестию ещё за невежу:
Во кабаке идёт невежа, то он быстро скачет,
С кабака идёт невежа, да он журит, бранит,
Свою младую хозяйку да он пробуждает.
Его младая хозяйка была послушлива,
Скорёшенько со кровати она повставала,
На босу ножку сапожки надевала,
И скорёшенько к невеже она выходила –
“Ты ночуй, моя невежа, ты за воротами,
Вот тебе мягки перыны - глубокие снега,
Высокие изголовья тебе подворотья,
Шитый, браный положочек да частые звёзды,
Караульчики верные - да серые волки!
И ты спи, моя невежа, да не просыпайся,
Надо мною молодою да ты не ломайся!..”

Вот ещё мчится один молодец, надвинув шапку на глаза, чтобы защитить лицо от караинов; конь смело подбежал к девушкам и всадник почти прикоснулся к ним своим плечом. Конечно, “город” взят: все девушки опустили прутья и подставляют по очереди свои розовые губки к губам удалца; он всех их перецеловал, нагибаясь с лошади, и, довольный своим успехом, поехал назад. “Молодец!” - слышится из толпы. “Нет, брат, у него лошадь хороша, смелая”, - подхватывают другие голоса.

И действительно, в этом деле успех зависит от смелости и терпеливости коня. Смелый конь идёт прямо, прене-

брегая ударами, и бывает, что по принуждению седока он без церемонии становится своими передними ногами на ноги какой-нибудь красавицы и этим принуждает “город” скорее сдаться; но красавица, конечно, тут же сходит с места арены, она прихрамывает несколько дней и на первой неделе Великого поста. Если лошадь оборвёт подол у рубахи или полу у кафтана горожанки - на это претензий никаких не бывает.

Скачка и взятие “городов” начинаются с половины недели и продолжаются до сумерек воскресенья.

Эти развлечения исстари ведутся почти во всех станицах Кизлярско-Гребенского полка. Их в старину поддерживали полковые власти, потому что в этих увеселениях заключался военный смысл: они развивали в казаке удаль и отвагу - качества, необходимые в ратных делах. Вот что говорит старик-урядник про масленицы прошлого времени:

“Бывало, полковое начальство приказывает, чтобы казаки поддерживали лошадей: хорошенько их кормили и чистили за неделю до масленицы. На самую же масленицу соберут сотню, а иногда и более, в штабе полка; разделять казаков на две части: одна предвзывает русский отряд, другая - чеченский; обе части разведутся по разным улицам и выезжают на площадь, к церкви. Как только увидят одни других - немедленно русский отряд бросается на чеченцев, и пошла перепалка: стреляют из ружей, из пистолетов, обнажают шашки; один притворяется убитым, другой - тяжело раненым, у третьего шашку отбили. Каждый отряд старается взять своих раненых и прихватить в плен противников. Одного, переваливши на лошадь, везут домой: голова, руки и ноги болтаются - эго убитый; другого несут на бурке - это раненый начальник.

Там, смотришь, из переулка выходят пешие, оборванные люди, в худых чевяках, намазанные сажей и в шапках, пригодных вороне на гнездо - это абреки. Быстро напускались на них казаки и завязывали перестрелку. А тут, глядишь, едет на санях куча людей, наряженных разными чучелами. Шум, смех и веселье продолжались каждый день, начиная со вторника и до вечера воскресенья.

На улице, около двора хорошего урядника или зажиточного казака, выставляли стол с вином и закуской. Когда покончат дело с чеченцами или с “городом”, казаки отправлялись всей сотней к столу и распивали вино.

И начальство было не такое: выставит, бывало, бочку вина около командирского дома - пей, ребята, сколько хочешь! Полковой казначей ходил между казаками и малолетками и каждому, кто был с оружием, давал порошу. Ну уж, нечего сказать, было веселье! А теперь что? Даже девок нет порядочных: не успеют груди отрасли - им уж ищут мужа, а тогда девки были лет по 20-ти и 25-ти. Зато и не проходила масленица даром, случалось, что казак “по неосторожности” зарядит ружьё боевым патроном и уложит наповал кого-нибудь из любопытных...”

В воскресенье на масленицу, как только смеркнется, жители “прощаются” один с другим. Родственники, младшие по летам непременно должны придти проститься в дом старших, иначе последние обидятся: дочь идёт к “матушке и батюшке”, зять - к тестю и теще, а внучки - к “дедушке”. Придя в дом и посидев немного, младшие молятся Богу и кланяются один раз в ноги старшим, чтобы те простили их, если по слабости человеческой были когда-нибудь недовольны, и затем целуются. “Господь простит, нас простите Христа ради!” - отвечают старшие, но сами не кланяются в ноги младшим. Маленьким детям, пришедшим проститься, по окончании “прощенья” дают орехи, которые нарочно покупаются для этого случая, а потому дети больше всего бегают из дома в дом к близким и дальним родственникам, чтобы иметь побольше орехов.

Действительно, кое-что изменилось в обычаях казаков, и без сомнения потому, что настало теперь другое время, и получилась другой взгляд на вещи. Прежде старались наиболее развить в казаке наездничество и ловкость, производили его за это в урядники и даже в офицеры; теперь же говорят: эти достоинства второстепенные, а позволите узнать, грамотны ли вы, обладаете ли известными сведениями, а также какова ваша нравственность?..

О. Пономарёв

Атаманы Семиреченского войска

Территория Семиречья уже не является российской. Но история остаётся, и это всё равно российская история. В биографиях тех, кто возглавлял Семиреченское войско, отразились важнейшие этапы этой истории, а сами они оказались навсегда связаны с этим краем (хотя почти все упокоились далеко от его гор и степей).

Семиреченское казачье войско было создано повелением Императора Александра II 13 июля 1867 г. (все даты до 1918 года - по старому стилю) из полков Сибирского войска на территории нынешнего юго-восточного Казахстана и северной Киргизии. Войсковым центром стал город Верный (ныне Алма-Ата), основанный сибирскими казаками и солдатами весной 1854 года.

В Семиреченском, как и в других войсках России, с 1867 по 1917 год существовал пост Наказного Атамана (назначаемого Императором). С 1917 года проводились выборы всем войском, и он стал именоваться Войсковым Атаманом.

Вот полный список Семиреченских Атаманов и даты их нахождения в этой должности:

1. Наказной Атаман генерал-лейтенант (при назначении - генерал-майор; ген.-лейтенант с 1871 г.; после ухода с поста Атамана - генерал от инфантерии) **Колпаковский Герасим Алексеевич** (1867-82).

2. Наказной Атаман Генерального штаба генерал-майор **Фриде Алексей Яковлевич** (1882-87).

3. Наказной Атаман Генерального штаба генерал-лейтенант (генерал-лейтенант с 1896 г.) **Иванов Григорий Иванович** (1887-99).

4. Наказной Атаман генерал-лейтенант (генерал-лейтенант с 1901 г.) **Ионов Михаил Ефремович** (24.10.1899 - 28.07.1907).

5. Наказной Атаман Ген. штаба генерал-лейтенант (с 1908 г., затем генерал от кавалерии) **Покотило Василий Иванович** (28.07.1907 - 22.11.1908).

6. Наказной Атаман Ген. штаба генерал-лейтенант (с 1913 г.) **Фольбаум (Соколов-Соколинский, переименовал фамилию в сентябре 1916 г.) Михаил Александрович** (22.11.1908 - 22.10.1916).

7. И.д. Наказного Атамана генерал-майор (с апреля 1917 г.) **Алексеев Алексей Иванович** (23.10.1916 - 22.04.1917).

8. Вр.и.д. Войскового Атамана войсковой старшина **Щербаков Николай Сергеевич** (22.04.1917 - 31.07.1917).

9. Наказной Атаман Генерального штаба генерал-лейтенант **Кияшко Андрей Иванович** (31.07.1917 - конец ноября 1917).

10. Вр.и.д. Наказного Атамана полковник **Щербаков Николай Сергеевич** (ноябрь 1917 - 13(26).02.1918).

11. Войсковой Атаман Ген. штаба генерал-майор (при избрании полковник; ген.-майор с 1918 г.) **Ионов Александр Михайлович** (13(26).02.1918 - 18.07.1950-?).

12. Зам. Войскового Атамана Ген. штаба генерал-майор **Щербаков Николай Петрович** (19.11.1919 - 15.09.1922).

Но этот список нужно дополнить и разъяснить. В Семиреченском войске Наказной Атаман занимал одновременно должности Военного Губернатора Семиреченской области и командующего войсками. Как и в некоторых других казачьих войсках России, помимо Наказного Атамана (находившегося в городе Верном и непосредственно управлявшего войском), здесь существовала и чисто номинальная должность Войскового Наказного Атамана, которая присваивалась Туркестанскому Генерал-губернатору. Его резиденция была в Ташкенте, и он управлял всем Туркестанским краем - куда в числе других областей, с конца XIX века стала входить и Семиреченская область (до этого находившаяся в составе Степного края).

Таким образом, Наказными Атаманами СмКВ успели побывать такие известные лица, как генералы П.И. Мищенко (1908-09), А.В. Самсонов

1

2

3

4

5

6

8

(1909-14) и А.Н. Куропаткин (1916-17).

1917 год принёс череду потрясений, выразившуюся, в том числе, и в беспрерывной смене атаманов. Начало года СмКВ встретило без официально назначенного Наказного Атамана. Прежний, генерал М.А. Соколов-Соколинский, скончался в октябре 1916 года, успев перед смертью почти полностью усмирить киргизский мятеж. Должность Наказного Атамана временно исправлял вице-губернатор полковник А.И. Алексеев. Казачество ждало указа Николая II о назначении нового Атамана.

В феврале 1917 г. Наказным Атаманом войска и военным губернатором области был назначен генерал-лейтенант А.С. Мадритов (занимавший до этого пост военного губернатора Сырдарьинской области). Но по каким-то причинам он не прибыл в Верный, и должность Атамана продолжил исправлять полковник А.И. Алексеев, вплоть до отъезда в Ташкент в апреле 1917 г.

6 апреля в Верном открылся 1-й Семиреченский казачий съезд, на котором 17 апреля Войсковым Атаманом был избран подполковник Н.Н. Вяткин; до прибытия его обязанности Атамана должен был исполнять председатель Войскового Правления - войсковой старшина Н.С. Щербаков.

25 июля 1917 г. в Большой Алматинской станции, в здании училища открывается 2-ой Семиреченский казачий съезд. На нём встаёт вопрос о незаконности избрания подполковника Н. Вяткина - ввиду отсутствия на первом съезде делегатов строевых частей войска, находившихся на фронте.

Во время работы съезда в Верный прибывает назначенный Временным Правительством ещё 14 июля новый Наказной Атаман и командующий войсками области генерал-лейтенант А.И. Кияшко (кубанский казак по происхождению, бывший Наказной Атаман Забайкальского казачьего войска). Он выступает с программой наведения твёрдого порядка в уже начинавшей скатываться к анархии области, и 5 августа съезд признаёт его Наказным Атаманом - впредь до созыва Войскового Круга.

Генерал Кияшко пребывает на посту Атамана до ноября 1917 г., когда под давлением обстоятельств вынужден выехать из Верного (в декабре он зверски убит революционной солдатней в Ташкенте). Временно исправлять должность Наказного Атамана в Верном опять заступает полковник (с июля месяца) Н.С. Щербаков.

Наконец, в феврале 1918 г. в Верном собирается Войсковой Круг, на котором 13(26) февраля впервые был легитимно избран Войсковым Атаманом СмКВ полковник Генерального штаба Александр Михайлович Ионов - сын бывшего Наказного Атамана М.Е. Ионова. Но уже через несколько дней, в ночь на 3 марта, в Верном произошёл большевицкий переворот...

Говоря о семиреченских атаманах, нельзя не упомянуть и ещё об одном человеке - оставшемся навсегда в народной памяти именно как **"Атаман Семиречья"**. Это знаменитый партизан 1-й мировой и Гражданской войны генерал-майор **Борис Владимирович Анненков** (фото 13).

Конечно, Анненков никогда не был легитимно избранным Атаманом - ни Семиреченского, ни Сибирского войск. Но район действия его партизан и громкая слава составили о нём мнение как о Семиреченском Атамане. Сам генерал Анненков был лишь Атаманом Партизанской дивизии, ставшей ядром Отдельной Семиреченской армии.

Партизанская дивизия Анненкова подтянулась в Семиречье из Сибири в конце 1918 года, в помощь борющимся с красными бандами семиреченским казакам. К сожалению, с самого

начала не сложились отношения двух атаманов - выборного Ионова и "самочинного" Анненкова (о чём рассказывалось в "Станице" в прошлом номере). В конце концов, в октябре 1919 года А.М.Ионов, по приказанию А.В.Колчака, уезжает во Владивосток, а замещать его должность назначен был Генерального штаба генерал-майор Н.П.Щербаков.

Вместе с Анненковым весной 1920 года Щербаков отступает в Китай. В Синьцзяне он продолжает замещать должность Атамана ушедших на чужбину семиречков ещё более двух лет - до своей смерти от тифа 15 сентября 1922 г. Генерал-майор Анненков весной 1926 года был заманен в чекистскую ловушку, вывезен в СССР и расстрелян в Семипалатинске 24 августа 1927 г.

Генерал Ионов, после эвакуации из Владивостока, жил в Новой Зеландии, затем в Канаде и США. Он продолжает находиться на посту Семиреченского Войскового Атамана ещё долгие годы - если не до смерти своей (Нью-Йорк, 18 июля 1950 г.), то, по крайней мере, до конца 30-х годов.

Насколько известно далее, ещё в 1976 году в США существовал штаб Семиреченского войска, начальником коего был есаул **В.М.Питалев**. Казаки-семиреки и на чужбине пытались сохранить преемственность от старой России, надеясь, что придёт ещё время выборов новых Атаманов на родине. Пришло ли оно?.. Как бы то ни было - это уже совсем другая история...

М. Ивлев

ДОНСКАЯ ВОЛНА

По страницам "Донской Волны"

В "Новочеркасских ведомостях" 13.04.2009 г. вышла статья "Донская Волна". Издатель и время" о творчестве **Вениамина Алексеевича Краснушкина (Виктора Севского)** - "чувствительного барометра здорового общественного мнения", который "служил не какой-то политической партии, а всему русскому народу и любимому им донскому казачеству". В историю родного

Дона он вошёл, прежде всего, как издатель "Донской Волны" - "Еженедельника истории, литературы и сатиры", выходявшего в годы Гражданской войны.

Будущий журналист и писатель родился 22 августа 1890 года в семье войскового старшины в отставке Алексея Васильевича Краснушкина, казака станицы Константиновской. В Новочеркасской платовской классической гимназии, куда определил его отец, выделялся своей начитанностью среди сверстников: "Веня всё знает!" Уже в ученических журналах подписывался псевдонимом "Севский".

Против желания отца, желавшего видеть сына военным, работало не только стремление Виктора стать писателем, но и полное отсутствие у сына математических способностей. В результате отец перевёл его в реальное училище в Ростове - в надежде, что сын справится там с математикой. Учитель русского языка им гордился, что, однако, не помешало исключить Севского из училища за хроническое отставание по математике. К тому же у него появляется невеста - Вера Александровна Севрюгова.

Раннюю женитьбу, да ещё не на дворянке, отец не одобрил, благословения не дал, лишил сына наследственных прав и отрёкся от него. На это мать невесты, казачка станицы Каменской Мария Иосифовна Севрюгова, сказала: "Веня, ничего не бойтесь. У вас большой талант и прекрасное будущее. В трудную минуту я вам помогу!"

Тёща Севского была из старинного рода Косоноговых, принадлежавшего к либеральной и государственно мыслящей казачьей интеллигенции. Косонозовы работали в разных краях России как специалисты высокой квалификации и как общественные деятели.

Выпускница Новочеркасской гимназии М.Севрюгова сразу распознала в Севском талант и стала пожизненным поверенным в его литературных делах.

Читатели же оценили Севского после серии очерков в газете "Копейка" - "История одной гимназии", где описывались не лучшие стороны общеобразовательных заведений. Тираж "Копейки" значительно вырос - резонанс в обществе был огромным, а в директоре и педагогах "академии" в бывшем училище автора узнавали себя. Пришли директору училища обращаться к своему исключённому ученику с просьбой перестать о них писать. Севский обещание дал и его сдержал, несмотря на многочисленные просьбы читателей публикации продолжить.

Затем он работал в газетах "Южный телеграф" и "Приазовский край". Слава его как журналиста и литератора росла, тут уже и родителям стало ясно - "Веня вышел в люди", и вскоре состоялось их примирение.

По возвращении из Константиновской в Ростове, Виктор пишет художественно-юмористическое произведение "Панама" - об устройстве шлюзов на Дону в районе Константиновской и Кочетковской. Работами руководили петербургские специалисты, являя пример ничем не прикрытого хищения общественной собственности. "Панама" печаталась в ростовских и столичных газетах, сделав известным смелого журналиста всей России. Его буквально засыпали предложениями о сотрудничестве от различных журналов и газет.

В любой деятельности Севского интересовала только идейная сторона, но никогда - материальная. Деньги ему требовались лишь на содержание семьи, покупку книг и письменных принадлежностей. К 1912 году Севский начал активно заниматься гуманитарно-общественной деятельностью, создав "Общество помощи нуждающимся", действовавшее в Ростове и станицах Войска до первых дней большевицкой власти. Его, как человека доверчивого, часто обманывали и не возвращали долгов, обещая помочь, когда потребуется (наверное, и это сыграло свою роль, когда при занятии красными Новочеркаска Севский остался в подполье для борьбы с большевиками и скрывался в бедных кварталах, но его никто не выдал).

К началу 1-й мировой войны по просьбе издателей братьев Сувориных Севский приезжает в Санкт-Петербург, где сотрудничает в "Новом времени", газете "Воля России" и "Вольность казачья". Он берёт интервью у первых лиц. Известно, например, как Великий Князь Кирилл Владимирович на вопрос, что он думает об отречении Императора и революции, ответил, что думает так же, как его дворник. Севский не остановился перед обнародованием своего критического анализа ответов Великого Князя.

С каждым днем пребывания в Петербурге Севский всё больше убеждался в непригодности пришедшего к власти Временного правительства и решает, наконец, вернуться в Новочеркасск. По предложению Митрофана Богаевского он становится во главе донской правительственной газеты "Вольный Дон", искренне поддерживая идеи Каледина.

Когда 12 февраля 1918 года Красная гвардия вошла в столицу Войска Донского, началась охота за калединцами, в том числе за редактором "Вольного Дона". Пришлось скитаться по Новочеркаску в рубищах нищего - его узнавали только те, кто хорошо знал. Но даже в такой ситуации Севский пыгается продолжать бороться: в большевицкой газете, выходящей в Новочеркасске, появляется вроде бы лояльное к большевикам стихотворение, из начальных букв каждой строки которого получается фраза "Голубов - подлец" (войсковой старшина Голубов был виновен в расстреле атамана Назарова). Редактор газеты принял стихотворение от неизвестного автора, не

Виктор Севский

заметив подвоха. Газета была мигом раскуплена.

При атамане П.Н.Краснове Севский в Новочеркасске пришёлся "не ко двору". Уехал в Ростов, он организовал журнал "Донская Волна" - "это замечательное литературно-художественное историческое зеркало, в котором отразилась борьба казачества, памятник, созданный Севским, не только казакам и русским добровольцам, но и самому себе". С журналом сотрудничали многие известные журналисты и писатели, оказавшиеся "по эту сторону" фронта. Но самым активным автором "Донской Волны" был сам Севский - его статьи появлялись в каждом номере.

Как пишет исследователь О. Цымбаленко - "На страницах "Донской Волны" талант Виктора Севского раскрылся во всей полноте. Все тексты наполнены яркими художественными образами. Мощная сила чувствовалась в каждой строке его произведений, из которых нельзя было выбросить ни одного слова без нарушения смысла и художественной красоты. С точки зрения жанров эти публикации чаще всего представляли собой некий симбиоз очерка и фельетона. Портретные очерки, написанные Севским, не ограничиваются простым описанием характера... в трагизме поступков и жизни одного человека звучит трагизм всего поколения".

На посвящённом редактору "Донской Волны" "круглом столе" в Ростове говорили, что новый Лев Толстой, если таковой появится на Дону, будет писать свою "Войну и мир" на казачьих землях по журналу Севского.

Первый номер журнала, что очень символично, вышел 10 июня 1918 года - к годовщине избрания Каледина атаманом. Краснов и его окружение смотрели на Севского с подозрением, считая "Донскую Волну" органом "левой печати". В преддверии августовского Войскового круга Краснов даже распорядился об аресте редактора журнала. В штабе Донской армии ему предложили отказаться от борьбы с политикой атамана (провозглашавшего необходимость в сложившихся условиях отделения Дона от России) и прославления "государственника" Каледина, грозили закрытием журнала, высылкой, тюрьмой. Севский спокойно заявил, что считает политику Краснова пагубной для казачества и будет всегда с ней бороться.

Все, кто узнал об аресте, подняли голос в его защиту, и Краснов вынужден был объявить о помиловании. После освобождения редактора содержание "Донской Волны" не изменилось, продолжая вызывать гнев донских генералов. Не соблазнился Севский и посулами помощи в издании журнала - а такие предложения от пытавшихся наложить свой политический штамп на журнал поступало немало (включая немцев, занявших вскоре Ростов). Севский шёл однажды избранным им путём - надпартийным и демократическим.

В 1919 году им написана книга "Генерал Корнилов". По

словам филолога Зеева Бар-Селла, ещё в 1913 году Севский начал писать роман о роковом любовном треугольнике (Степан, Григорий, Аксинья). С началом войны замысел романа расширился. Когда автор был схвачен красными, незаконченная рукопись могла стать одним из оснований шолоховского "Тихого Дона".

Большинство биографов считает, что Севский был арестован в 20-м году. В апреле этого года он вернулся в захваченный красными Ростов и поступил на службу литсотрудником Воениздата Кавказского фронта, через несколько дней был арестован по доносу как "известный белогвардейский фельетонист", прибывший для подпольной работы против советской власти. Последнее известие о его судьбе - документ о передаче дела Севского из Донска в Особый отдел Кавказского фронта от 28 июня 1920 г.

Сегодня полные комплекты "Донской Волны" (а всего вышли 61 номер, обычно размером в 16 страниц, форматом 34 x 26 см) достаточно редки. Точно они есть в Исторической библиотеке (Мос-ква), Гос. архиве РФ и Гос. архиве Ростовской области. Качество номеров не ахти какое: бумага, время и место издания, условия хранения сделали своё дело...

Конечно, этот памятник борьбы Донского казачества надо переиздать. Для описания Гражданской войны на Дону "Донскую Волну" с её богатом, разнообразным содержанием можно использовать в качестве некоего каркаса.

Надежды, что найдутся средства на полноценное переиздание журнала - что называется, один в один, - мало, и в результате пришло решение: начать переиздание журнала в рамках сборников серии "Генеалогия и семейная история Донского казачества". Первые три номера его уже включены в вышедший в этом году очередной, 87-й выпуск серии.

Тексты "Донской Волны" воспроизводятся в дореволюционной орфографии. Фотографии выпусков представляются отдельно на прилагаемом компакт-диске. К каждому выпуску предлагается дополнение в виде послужных списков офицеров, упоминаемых в статьях, других документов и иллюстраций, посвящённых описываемым событиям. Кроме того, мы считаем необходимым создать общий указатель по "Донской Волне" - из перечней всех статей, их авторов, а также именного указателя на упоминаемые персоналии.

В сборнике с материалами "Донской Волны" представлены документальные дополнения к включённым в него статьям и "Общий указатель" по выпускам 1-3.

Ниже мы предлагаем вниманию читателей вступительную статью В. Севского в 1-м номере журнала, и затем его статью о трагических событиях февраля 1918 года - большевицкой расправе над избранными Войсковым кругом руководителями Войска.

С. Корягин

В. Севский с сыном

Донская Волна

ны в истории огнями воспоминаний.

Нет великого Патрокла - жив презрительный Терсит. Патроклы погибли, ибо было много Терситов. Остановим внимание России и на Терситах, убивших Патроклов. В тогах друзей народа, за броней ярких идеалов и лозунгов они были велики для масс. Покажем их в другой обстановке.

"Донская волна", нам кажется, нужна не одному Дону, она будет полезна и России. И раньше Россия знала о Доне то, что казаки едят салные свечи, а еще несколько месяцев назад думала, что Каледин ест живых людей. Поздно узнали атамана Каледина и поздно его оценили.

По степям донским бродили мечтатели, юноши-партизаны, берегли донскую волю. Они нам помогут написать картинку донского пожара. В каждой семье донской есть дорогие покойники-мученики. И эти семьи принесут нам памятники о жизни мучеников, их последние строки, их последние дела и слова.

На Дону и Кубани скитались пришельцы с близким и чужим Россией, по злой иронии судьбы, Корниловым. Их подвиги ждут лампад воспоминаний. Не иссякнут чернила воспеть

Тихо катил седые волны старый Дон. По степям гулял нежный ветерок, шелестел листвою в перелесках, шумел в камышах. Лунными ночами бродили старые тени над рекой и шёпотом говорили о былом и великом.

Зашумела, запенилась донская волна в прошлом году. Холодный ветер подул с севера, спугнул ожившие тени, влил в поток ручьи крови с каменных улиц городов, и кровью потек старый Дон.

Пали рыцари вольного Дона, немногие остались в живых, устояли под напором сурового шквала. Разметал ветер по полям, по станицам и хуторам то, что дорого Дону, то, что свято. Унесла донская волна в море далеко всё, чем следует Дону гордиться, все, чему нужно молиться.

Когда-нибудь придет Гомер казачества и напишет казачью Илиаду, воспёт Каледина, Богаевского и прочих славных. Но Гомер впереди... Пока же веет ветер и уносит валь лепестки ароматной истории.

Маленькая семья журнала "Донская Волна" ставит себе задачей подобрать лепестки истории, вырвать у беспощадного ветра то, что дорого и свято, и спасти от забвения.

Быть может, задача не по плечам. Но мы верим, что к нам придут на помощь далёкие нам, быть может, неведомые друзья, и общими усилиями мы украсим бег донской вол-

походы и страдания. Миром, дружными усилиями мы поможем грядущему Гомеру написать "Войну и Мир" на Дону. Наши плечи слабы, но мы обопремся на всех, кто любит бег донской волны, любит погибших мучеников за волю и правду и готов согреть их память лампадами воспоминаний. Мы обращаемся ко всем друзьям донской истории и её героев с просьбой помочь нам. Быть может, мы - мечтатели и фантазёры, но для нас в минувших днях Дона горят яркие огни любви и очарований. Мы приурочивали выход журнала к первым дням знойного июня, чтобы идти параллельно с шагом Каледина и его спутников в историю. Год назад - 18 июня - он взял атаманскую булаву. Еженедельно мы постараемся воскресать прошлый год на

страницах журнала. Перед читателем хотим воскресить всю эпоху тишайшего атамана Каледина.

Жизнь не ждёт. Волна бежит в море, крепят паруса другие. Нас спросят: А когда кончится эпоха Каледина, что понесет на свои страницы "Донская Волна"?

Ответим: - Дон не пересох. Донская волна ещё плещет. Мы постараемся сочетать в нашей неделе ныне текущее с умчавшимся в Лету. Мы будем работать и работать. Если свернем наше знамя, значить, нас мало, значить, мы слабы. Но мы уйдем с верой, что нас не осудят за мечту напомнить живым о тенях славных и святых, погибших за нас - и, быть может, от нас...

Редакция "Д.В."

Семь расстрелянных

12 февраля в Новочеркасск вошёл войсковой старшина Голубов с мятежными казаками. В зале судебной палаты его ожидал войсковой круг с атаманом Назаровым. С шумом открыл Голубов дверь, вошел в зал, лохматый, в полубубке без погон.

- В России творится великая социальная революция, а вы разговоры разговариваете! - закричал он на носителей высшей власти на Дону.

Круг встал и остался сидеть один атаман Назаров. Не встал бы ещё и председатель круга Е.А. Волошинов, но ему хотелось из-за сотен голов разглядеть виновника шума.

- Не кричите, - спокойно сказал Назаров. - Кто вы?

- Я - товарищ Голубов. А вы кто? - закричал Голубов, приближаясь к атаману.

- А я - войсковой атаман войска Донского.

- Самозванец, кто вас выбрал?

- Пять раз выбирало меня Войско Донское, пять раз я отказывался, но принял власть, как тяжёлое бремя.

- Арестовать, арестовать! - кричал в иступлении Голубов.

К атаману бросились молодые безусые казаки, сторонники Голубова. Они сорвали с атамана генеральное погоны и схватили его за локти.

- Волошинова, Волошинова держите! - закричали они, увидя председателя круга.

Арестованных повели через зал, дали им их пальто и повели на гауптвахту. На улице грянул оркестр и проводил избранников вольного

Дона браваурным маршем на гауптвахту. Здесь сам Голубов нашёл темную сырую камеру для председателя круга и запер её громадным замком. Назарова толкнули в пустую, но светлую камеру. Они были первыми пленниками советской революции в Новочеркасске. Атаман Назаров заснул на столе, положив под голову подножку табурета, а Волошинов долго ходил по тёмной сырой камере, сжимая голову от невыносимой боли в висках.

Прошла первая ночь... Утром и поздним вечером на следующий день уже не казаки Голубова, а красная гвардия и матросы ввели на гауптвахту десятки арестованных. Привели архиерея Митрофания и бросили его в одну камеру с атаманом Назаровыми. Привели боевых генералов Усачёва, Груднева, Исаева, полковника Грузинова, десятки войсковых старшин, есаулов, хорунжих. Вели китайцев-партизан из отряда китайца-сотника Хопёрского.

В камеру Назарова толпой врвалась красная гвардия и издевалась над пленным атаманом. Тянулись к нему жадными к крови руками, плевали, ругались.

- Сегодня мы попьём твоей крови, сегодня мы из тебя вытянем жилы.

Терпел, молчал пленный атаман. Ночью снова спал на столе с головой на табурете. Спал вместе с архиереем, дряхлым и немощным. Никто не заботился о пище для пленников. Её приносили родные пленников, но из пищи лучшие куски доставались страже, которую также не кормили. На третий день пришел Голубов и распорядился перевести атамана Назарова в комнату Волошинова.

- В камере Назарова слишком много света.

Сидели вместе избранники Вольного Дона. Назаров шутил, смеялся и у стражи спрашивал:

- Ермака и Платова ещё не снесли с пьедесталов? Напрасно, напрасно. Вам бы Емельяна Пугачева на площади поставить.

Казаки конфузливо улыбались. Волошинов, рождённый быть композитором, музыкант, был невесел и читал Мусоргского. В темную камеру заглядывала красная гвардия, нащупывала во мраке свечей атамана и глумилась над ним. Волошинову говорили: - А ты - хороший человек.

Назаров твёрдо носил пытки и только потом, когда оставался вдвоём с Волошиновым, говорил: - Лучше смерть, чем хамство.

Его водили на допрос к Подтёлкову, к совету пяти:

- Зачем вы проливали кровь?

- Я крови не проливал.

- Зачем затевали гражданскую войну?

- Я не затевал гражданскую войну.

Допрашивали вяло, нехотя, соблюдая формальность. 17-го февраля Назаров гулял по двору гауптвахты. Был хороший зимний вечер. Назаров вернулся в камеру бодрый, весёлый. Поздоровался с родными Волошинова и бросил им:

- Заслужил доверие, гуляю без конвоя.

Смеялся и Волошинов:

- Завтра меня будут допрашивать. Очередь доходит до войсковых старшин. Генералов и полковников уже допросили.

Поздно вечером попрощались родные с Волошиновым. А около полночи на гауптвахту принесли приказ о переводе семи арестованных в тюрьму. Приказ был написан поперёк листа. Волошинов показывал приказ товарищам по гауптвахте:

- Ведь нас поведут на расстрел. Здесь обычай установился: если поперёк листа - смерть, вдоль листа - тюрьма. Арестованные успокаивали Волошинова, как казаки-стража его родных: - Атаману Назарову - вечная каторга, а Волошинову - три года тюрьмы...

В полночь двадцать два красновардейца и три казака вывели из гауптвахты семерых: атамана Назарова, Волошинова, генералов Усачёва, Груднева, Исаева, полковника Ротта и войскового старшину Тарарина. Повели длинной дорогой к тюрьме. Был туман, ноги скользили по грязи, чуть покрытой снегом. Прошли последний домик на окраине и повернули с тропинки, что ведёт к тюрьме. Повели на ростовский тракт.

- Куда вы ведёте? - крикнули арестованные.

- Вестимо куда...

И щёлкнули затворами ружей. Готовились к страшному делу и суетились без толку. Атаман Назаров крикнул им:

- Я сам буду командовать, вы и убить-то не умеете.

Спокойствие обречённых на смерть испугало начальника конвоя. Он в испуге прилег под кустом, а потом, когда свершилось, почти без памяти убежал в город.

- Раз - два - три, - скомандовал атаман, выстроив в ряд своих спутников по тернистому пути.

- Сволочь, пли! - крикнул он в темноту.

Грянул залп, и все упали. Убийцы бросились к трупам и сняли с них всё, кроме белья. А один из убитых - генерал Усачёв - был раздет даже донага. Свернувши узелками одежду убитых, убийцы ушли.

Прошло полтора часа. На месте казни заневелился Волошинов. Он был жив, у него было прострелено бедро,

А.М. Назаров

Е.А. Волошинов

исколота штыком левая рука. Томила жажда. Окликнул трубы. Молчат его спутники, заснули мёртвым сном. Раненый пополз наугад в город. Полз, стеная от боли, томимый жаждой. Прополз сорок шагов и нащупал калитку. Открыл её, дополз, ощупывая землю до ступенек, и по ним взобрался на крыльцо. Постучался в дверь. Дверь не скоро открыла женщина. Пусть будет презренно её имя - Парапонова.

генералы А.Н.Исаев, С.М.Груднев и К.Я.Усачёв

- Кто там?
- Я Волошинов. У меня рана в боку, дайте мне воды.
- Нет у меня воды.
- Прикройте меня, мне холодно, я в одном белье!
- Нечем мне тебя прикрывать.
- Позовите моих родных. Я прощусь с ними.
- Не буду я звать никого.

И захлопнула дверь. Долго стонал Волошинов, просил и молил о жалости, но за деревянной дверью жили люди с каменными сердцами. Волошинов лишился чувств. Пришел в себя под утро и снова постучал в дверь.

- Хоть карандаш и бумагу дайте. Я напишу последнее прости семье. Детей моих пожалейте.

Молчала Парапонова, кричала её невестка. Волошинов изнемогал от жажды. Женщины ушли... Собрался народ, глазели бабы на мученика, ругались мужики.

- Идут, - сказала, наконец, воротившаяся Парапонова.

Волошинов закрыл руками глаза. Быть может, почувствовал близость убийц, быть может, не хотел испугать родных, которых ждал, бледной краской своего лица, мукой в глазах. А по околице около дома скакали на лошадях три казака - палача. Их звали на каждый расстрел. Были они мастера своего дела. Пусть казаки сохраняют их имена: Никулин Пётр, Абрамов Василий, Пшеничных. Никулин размахивал шашкой, давил народ лошадью.

- Где он?
- На крыльце.

Е.А.Волошинов в гробу

Голова билась о ступеньки, на лицо налипала грязь. Мученика тащили на место казни семи. За ними шла толпа любопытных. Бросили около трупов и ушли палачи. Праздные остались. Глазели на трупы. Волошинов снова шевельнулся. Он был ещё жив. Кто-то побежал сообщить в милицию. Через час пришли трое рабочих завода Фаслера. Рабочий Карсавин в упор выстрелил Волошинову в глаз. Расползся затылок, упал в глазную впадину глаз. Мученик умер.

Нескоро сказали жене мученика об участи её мужа, а когда сказали, она бросилась к месту казни, стала хлопотать о погребении.

- Разве эта сволочь ещё не погребена? - удивились комиссары, когда увидели вдову.

Драгиль отвёз трупы казнённых в больницу. Голова Волошинова билась о задок дрог. Судьба добывала мученика.

Скорбная вдова приходила к женщине, русской женщине Парапоновой. Ту, верно, сперва терзала совесть. У неё отнимался язык, она была у исповеди. Но потом оправилась и Бог покинул её душу. Волошиновой она

сказала: - Ваш муж мне кровью провонял крыльцо!..

История бережёт только факты. Слезы вдов, матерей и детей текут мимо неё. Волошинова, автора нежных романсов, музыканта минорных тонов, судьба заставила быть донским атаманом на заре революции, заставила умереть председателем донского парламента на закате революции, огненном и кровавом.

Виктор Севский

- Последние письма казнённых -

Письмо А.М. Назарова

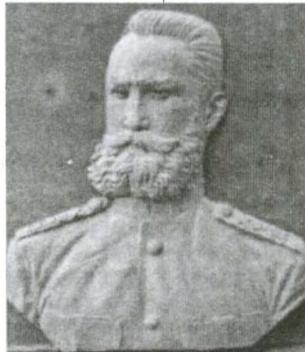
"Донской край" опубликовал последнее письмо с гауптвахты трагически погибшего атамана А.М. Назарова. Приводим полностью это письмо, характеризующее заместителя А.М. Каледина, одного из лучших донских генералов.

"14/02. камера N 10. Гауптвахта.

Дорогая и глубоколюбимая жена. Я не называю тебя обычным моим ласкательным словом, так как обстановка далеко необыкновенная.

Подробности аресты ты уже, вероятно знаешь из телеграмм. Понятно - сведения эти далеки от истины. Но истину и я не мог бы сообщить, так много было чепепого. Но и в трагическом много комизма, и я имел возможность смеяться. Смешнее всего было зрелище - 100-200 человек круга (верховой власти), вытянувшихся в струнку перед Бонапартом XX века.

Целую тебя, любимый Китулик. Целуй детей. Скажи сыновьям, что им не придётся стыдиться памяти отца, а бедной Таничке придётся довольствоваться воспоминанием о том, что вы закрепили в её сознании."

Письмо Е.А. Волошинова

Вдова покойного Е.А. Волошинова передала нам последнее письмо мужа к матери с гауптвахты. В нём весь Волошинов, музыкант донской трагедии, ушедший из жизни, оставив на грязной скамье гауптвахты недочитанный томик Мусоргского.

"Дорогая мама! Пишу из своей невольной темницы, в которую попал за то, что всю свою жизнь был честным сыном родины и Дона и желал ему блага. Совесть моя чиста, а поэтому смерти я не боюсь. Говорили, что я Голубовым приговорён к смерти. Если это так, если мне суждено действительно умереть, то простите за всё содеянное. Пусть все меня простят. Уйду в могилу с вашим материнским благословением. Не оставьте одинокой Иннуся и моих славных деток. Трудно, тяжело писать. Целую всех.

Ваш сын Е. Волошинов. 13.11.18 года.

Народ поймёт свою ошибку, казаки опомнятся, да будет уже поздно."

Писал записки в памятной книжке и атаман Назаров. Это были зло - остроумные наброски атамана в неволе. Они бесследно пропали. Вероятно, их унёс с одеждой Назарова кто-то из его убийц...

Очередные - 87, 88 и 89-й выпуски - сборника "Генеалогия и семейная история Донского казачества", в которых отдельными разделами включены материалы уже из девяти номеров журнала "Донская Волна", читатели могут заказать у их составителя - Сергея Викторовича Корягина, по телефонам: 8 926 539 84 17, 8 499 249 61 98; e-mail: dongenealog2003@mail.ru.

Хроменькие “хроники”

Вышло второе, “исправленное и дополненное” издание книги В.Н. Ратушняка “Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном” (Краснодар, 2008 г.).

Первое издание её было в 2005 году. Книга рассчитана на познание истории родного края, кубановедение, коим сегодня занимаются школьники и казацкие общества.

Не моё дело давать всестороннюю оценку столь ответственному изданию по истории. Но уточнить некоторые страницы самого сложного, запутанного и пока, к сожалению, остающегося непрояснённым периода гражданской войны на Кубани, и в частности в Приазовье, просто необходимо.

Необходимо потому, что события, описанные историком, не только существенно отличаются от действительно происходивших, но предстают в прямо противоположном свете, то есть по сути искажёнными. Тем более что автор настаивает не то что на своей трактовке событий, но на допущенных ошибках и неточностях, переноса их из первого издания во второе.

Нельзя не обратить внимания на то, что представление об истории гражданской войны в исторических, вроде бы, писаниях остаётся почему-то прежним, являясь, по сути, буквальным повторением того, что писалось в советский период по соображениям идеологическим и политическим. Никакое крушение советской системы и “освобождение” от коммунистической идеологии не поколебало этих, всё ещё господствующих догм - которые являются не такими уж и безобидными. А потому ничего “малоизвестного” в книге мы не находим. Скорее, подзаголовков дан в целях “рыночных”. В книге же - всё как раз хорошо известное.

И, конечно, всякий исследователь, изучающий события гражданской войны на Кубани, не может обойти личность Василия Фёдоровича Рябокonia. При этом поразительно, что он не был крупным военачальником, всего лишь хорунжим (по-нынешнему - лейтенантом), не участвовал в масштабных военных столкновениях смутной поры, значительную часть своей камышово-жизни не имел отряда или, как всё ещё пишут историки, уголовной “банды”. Он с девятью своими товарищами скрывался в плавнях - и, тем не менее, оказался в центре происходивших тогда событий.

Назвать В.Ф. Рябокonia “белым” или “зелёным” невозможно. С белыми он не ушёл, хотя такая возможность была дважды, о чём поминает историк. При установлении советской власти он так же, как и его товарищ Тит Ефимович Загубывбатко, пошёл служить в Лебединский совет. До августа 1920 года, то есть до Улагаевского десанта из Крыма. Но пришли “белые” и мобилизовали в первую очередь офицеров. Это - закон гражданской войны. Мобилизацию производит тот, кто занимает территорию. Его потом попытались арестовать как офицера и как казака, и он вынужден был скрываться в плавнях, поняв, что новая власть его преследует.

Уже только это, не говоря о многих давно доступных материалах, указывают, что Рябокonia был не одним из повстанцев, коим не было числа, и не “бандитом”, каким его выставляют историки. Это была поистине народная личность, пользующаяся невероятной популярностью и уважением во всём Приазовье. Он не был собственно руководителем повстанческого движения - скорее, символом и знаменем справедливости, духовного и человеческого стоицизма в развязанном революционном беззаконии и хаосе.

Когда вышло первое издание книги В.Н. Ратушняка, я с удивлением обнаружил, что он пишет о столь сложном периоде истории, основываясь исключительно на слухах и пропагандистских “историях”, запущенных для дискредитации Рябокonia ещё при его жизни. Архивными материалами, что видно из текста, историк не владел. И тогда в 1-м выпуске своего авторского литературно-публицистического альманаха “Солёная Подкова” в 2006 году я опубликовал статью “Этот таинственный Рябокonia” с анали-

зом ошибок и несуразностей, которые допустил историк. Во втором издании он пишет, что “есть другие версии, которые принадлежат землякам Рябокonia”. Т.е. надо полагать, что для историка-кубанца В.Ф. Рябокonia земляком и не является. А есть какие-то “земляки по камышам”, неосведомлённые, но выдвигающие свои версии.

На самом же деле после первого издания книги Ратушняка ситуация изменилась кардинальным образом. Вышла повесть “Встретимся на том свете, или Возвращение Рябокonia”, во втором выпуске моего авторского альманаха “Солёная Подкова” (2007 г.). Причём, повесть я, по сути, не пишу, а составляю из документов той поры, вплоть до состава группы В.Ф. Рябокonia, с которой он скрывался в камышах, до перечисления всех его “преступлений” из его личного дела, а там они указаны аккуратно... Наконец, в издательстве “Вече” в Москве вышла книга “Кубанские зори” с этой же повестью.

Таким образом, документы опубликованы не в каких-то научных и малодоступных изданиях, но в массовых. Теперь, готовя второе издание книги, историк не надо было обращаться в архивы. Можно просто сходить в библиотеку, чтобы согласиться с приведёнными документами или опровергнуть их. Или же у нас теперь такие нравы в науке, что историк по занимающей его теме не надо ни отслеживать материал, ни анализировать его, а дудеть в однажды подвернувшуюся идеологическую дуду?..

Нет, события, происходившие на хуторе Лебеди 10 апреля 1924 года, историк относит к марту 1920 года. Это очень существенный срок для той быстро изменяющейся обстановки. В 1924 году ситуация была уже иной, нежели в 1920 году. Откуда взял эту дату историк? Из надписи на могиле В.К. Погорелова и его сотоварищей при въезде на хутор Лебеди. А не из архивных документов. Но эту могилу содержит внук Погорелова, живущий в Лондоне. Во время Великой Отечественной войны в силу обстоятельств он оказался юношей за рубежом. Знать происходившее на его родном хуторе он не мог. Для него,

по слухам, гражданская война закончилась в 1920 году. А потому он так и написал на надгробии. С ошибками в именах сотоварищей деда, так как он их тоже не мог знать.

Из таких несуразностей состоит весь очерк Ратушняка. Ну, скажем, историк пишет о том, что Рябокonia “расстреливал на месте” тех, кто хотел от него уйти: “В 1924 году его покинули самые близкие сподвижники - Тит Загубывбатко и Емельян Дудка”.

На самом деле всё было вовсе не так, в чём историк мог убедиться, обратившись к архивным документам. После Улагаевского десанта в августе 1920 года генерал С.Г. Улагай и начальник штаба десанта генерал Д.П. Драценко поставили задачу некоему хорунжому Кирию сформировать отряд в тридцать человек и остаться в плавнях. Как начальник отряда он получал удостоверение на сей счёт. В.Ф. Рябокonia был его заместителем. Примечательно, что имени-отчества Кирия архивные материалы не доносят. В то время как Рябокonia и в донесениях красных уважительно называется Василием Фёдоровичем...

Вот Кирий и отличался террором против органов советской власти, нападением на станицы и грабежами. До тех пор, пока не погиб 26 февраля 1921 г. И тогда только командование отрядом взял на себя Рябокonia. Но повёл уже совсем иную тактику. Однако в начале 1922 года отряд был разгромлен чоновцами. Рябокonia ушёл с десятью своими сподвижниками, и то в целях конспирации распустив их, оставшись с Ковалёвым (Астраханцем) и Омельяном Дудкой. Вот тогда и вышел из плавней Т.Е. Загубывбатко. То есть не в 1924 году, а в феврале 1922 года. И никто ему никаких препятствий не чинил. Все последующие три года Рябокonia с ним не общался.

Сохранились пространные воспоминания самого Загубывбатко, как он в стужу, в феврале 1922-го выходил из плавней. Вместе с Александрой, женой погибшего брата Михаила, которая в таких условиях, в плавнях, родила дитя... Есть и воспоминания других участников этой драмы, которые почему-то остались историком также неизвестными.

С этого времени и до конца камышово-жизни, до 31 ок-

В.Рябокonia. Тифлис, Полтавский полк.

тября 1924 года, у Рябоконя не было собственно отряда. Он управлял краем с помощью "предупредительных записок". Пользуясь абсолютной поддержкой людей, посылал такую записку на каждую чинимую властью несправедливость, а потом внезапно являлся и проверял исполнение своих указаний о том, как надо поступать по-божески и по-человечески. По сути, Рябоконь создал в регионе параллельную власть, объявив: "*Ваша - суша, наша вода*". А потому для власти был более опасен, чем уголовники. Это власть различала чётко. Во всех донесениях В.Ф. Рябоконь назван политическим противником.

Уже только поэтому Рябоконя нельзя называть "*бело-зелёным бандитом*", как его называет Ратушняк, пользуясь ярлыками советской поры, изготовляемыми преднамеренно в пропагандистских целях. Какой же он "бандит", если дерзнул делить власть с властью существовавшей? И это чётко и недвусмысленно отмечено в донесениях и отчётах той поры, составляемых людьми, боровшимися с бандитизмом. Почему историк, основываясь лишь на слухах, называет его "бандитом", неведомо...

Да, уголовные банды выдавали себя за "рябоконовцев", так как те пользовались уважением и авторитетом среди жителей хуторов и станиц. Ими-то и совершены многие преступления, которые в целях пропагандистских приписывались В.Ф. Рябоконю. А таких банд было множество. Ими, что называется, кишели камыши. Но в таком случае претензии надо предъявлять тем, кто устроил в обществе этот хаос и беззаконие, а не тем, кто посмел им сопротивляться...

С бандитизмом действительно надо было бороться, ибо он дезорганизовывал всю жизнь региона. Но Рябоконь под этот шаблон не подходит. 85 лет спустя после тех событий пора бы уж историкам разобраться в их смысле - тем более, после новой "демократической" революции, когда никакой идеологический диктат вроде бы не мешал...

Ни о каких убийствах священников в личном деле В.Ф. Рябоконя не говорится. Да это и немисливо для человека верующего, что признаётся и историком. А вот властью для дискредитации Рябоконя были предприняты меры поистине зверские. В связи с этим Ратушняк пишет: "*Его отряд захватил станицу Черниговскую и устроил кровавую расправу над коммунистами и коммуной "Набат"*".

Но Черниговская находится в Белореченском районе, а коммуна "Набат" была на Лебяжьем острове под Брюховецкой, на месте Екатерино-Лебяжеской Николаевской Общежительной пустыни. Её взорвали, как удалось установить, чоновцы - вместе с монахами, коммунарами и богослужебными книгами Межигорского монастыря, окормлявшего ещё Запорожскую Сечь и переданными сюда по повелению Екатерины Великой... И это преступление выдаётся как преступление Рябоконя (кстати, отрядом в то время командовал Кирий)!..

Беспредельный цинизм этой акции очевиден. Так же, как и другой драмы, о которой пишет В.Н. Ратушняк: "*А однажды Рябоконь получил сведения о том, что недалеко от станицы Староджерелиевской красноармейцы проводят занятия с допризывниками. Его отряд напал на фактически безоружных детей, порубив почти всех шашками. Убита была и беременная женщина, подвозившая допризывникам воду*". Как мне рассказывают старожилы Староджерелиевской, драма эта имела прямо противоположный смысл. Казачата, по прежней памяти, решили поджигивать за станицей. И их изрубили чоновцы... Ну, а почему бы и нет, если казачество - вне закона и всё "можно"?.. В этом и состоял ужас революционного беззакония и гражданской войны... К тому же - этого преступления нет в личном деле Рябоконя, где они все перечислены добросовестно!..

Почему бы историка не вспомнить о зверствах, устраиваемых отнюдь не Рябоконом - когда после Улагаевского десанта на Лебедях были расстреляны девушки, священник и учитель; или ранее - в Гривенской были казнены 169 заложников, в их числе и мать самого Рябоконя...

Вообще измерять степень праведности и зверства противоборствующих сторон в условиях гражданской войны - дело не научное. В драме революции и гражданской войны праведников не бывает, ибо это - духовный срыв общества в целом... Да и ушло уже для этого время! Обращаться к нему столь тенденциозно, да ещё и неподготовленным, можно разве что с целью дальнейшего подержания в обществе состояния гражданской войны. Других целей, тем более научных, здесь не просматривается.

Наконец, нельзя не помнить о том, что В.Ф. Рябоконь вошёл в народное сознание в легендах и песнях. Взять хотя бы песню, удивительную по глубине и трагизму - "Плач, Кубаню, край наш ридный..." А это показатель безусловный. Это не достигается средствами пропагандистскими. Много ли участников той драмы вошли в народное сознание - в белом ли стане, в красном ли? Не считается с этим - значит, вольно или невольно искажать факты, общую картину происходившего тогда.

Когда зверство новой власти против народа ослабло и жизнь после революционного разорения хоть как-то начала устраиваться, Рябоконь, конечно, понял обречённость своей камышовой жизни, от которой за пять лет устал. Это и стало основным условием его задержания.

Представлять всё так, что Рябоконь сопротивлялся устройству "светлой и прекрасной жизни" лишь потому, что он "бандит" - значит, оправдывать террор, который в 20-х годах новая власть устроила для покорения народа... Так всё это, вроде бы, уже осуждено. Почему же историк снова, как ни в чём не бы-вало, описывает столь сложные события с точки зрения политической ортодоксии советских времён? Смеем ныне спросить: где же она теперь, та "светлая и прекрасная" жизнь?..

Допустим, ещё можно понять историка, по профессиональной привычке коллекционирующего, как крохобор, факты, не умея им дать ладу. Но в нашем-то случае фактов, подтверждённых документами, вовсе нет!..

Несоответствие же облика В.Ф. Рябоконя в общественном сознании и в исторических писаниях о нём само по себе странно. Если мы имеем дело с исторической наукой, такого несоответствия быть не должно. Иначе это не наука, а идеологическая публицистика.

Есть в таком подходе к истории ещё один очень важный этический и социальный аспект, касающийся всех нас без исключения. Вроде бы, в обществе осозналось, что пора уже простить всех в равной мере - и белых, и зелёных, и красных. Пора прекратить поддерживать в сознании людей состояние гражданской войны. По всей России памятники "Примирению" поставили, в том числе и в Краснодаре. Ан нет, учёные всё ещё продолжают в целях эмпирических или идеологических расковыривать кое-как затянувшиеся раны на теле народном... Всё ещё делают вид, что выясняют степень праведности и грешности людей, находящихся в состоянии гражданской войны, что по сути немисливо по самой природе гражданского противостояния. Осознанно это делается или бессознательно - не столь важно.

И потом, если В.Ф. Рябоконь боролся с советской властью и потому - "бандит", теперь, когда этой власти уже столько лет нет, казалось бы, историки должны были хоть как-то пересмотреть однажды принятую догматику. К сожалению, ничего подобного пока не произошло!

Как известно, ловивший Рябоконя И.П. Малкин, антигерой "Тихого Дона" М. Шолохова, принимавший участие в подавлении Вёшенского восстания, репрессирован в 1939 году "без права реабилитации". И нет никаких оснований говорить, что он погиб безвинно... Значит, вот он и есть - "бандит"! Но почему тогда "бандит" и В.Ф. Рябоконь, которого он ловил? Ведь кто-то из них должен быть "бандитом", а кто-то героем, иначе у нас получается странная "история": всё её персонажи - "бандиты"?!

Или историк полагает, что на неправде можно воспитать в людях благородные качества? Нет, конечно. Так не бывает.

П. Ткаченко

В.Ф. Рябоконь

Книга П.И. Ткаченко

Странный памятник

При въезде с восточной стороны в город Усолье-Сибирское справа от дороги стоит памятник - фигура, по официальной версии, "комсомолец в будёновке". Надпись гласит, что "здесь в феврале 1920 г. погибли 16 красногвардейцев сибирского батальона". Никаких подробностей или фамилий.

Старожилы, между тем, утверждают, что здесь захоронены останки 16-ти юнкеров, которые попали в засаду красных партизан. С убитых сняли одежду, а тела их оставались непогребёнными до конца весны 1920 года. Потом местные жители свезли останки в братскую могилу на краю поля. Говорят, что убитые будто бы в бою тоже имели на папах красные ленты...

Действительно, в этих местах 3-4 февраля 1920 года произошли стычки отходящих каппелевцев с местными партизанами и отрядами революционной армии. А в составе белых были юнкера Оренбургского казачьего училища. Как же попали они под Иркутск?

* * *

Оренбургские юнкера оказались в Иркутске летом 1919 года - после эвакуации сюда своего училища, начальником которого был генерал-майор Константин Максимович Слесарев. Оренбургское училище было размещено в казармах на Первушиной горе (ныне район телецентра). Сгня училища под началом есаула Баженова с 27 декабря охраняла гостиницу "Модерн" (ныне Дворец труда), где жили министры правительства.

Вечером 24 декабря 1919 года в Иркутске началось восстание эсеров "Политцентра". 30 декабря 80 юнкеров были направлены против повстанцев - в поддержку наступления семёновцев у железнодорожного вокзала. Атака была отбита огнём двух чешских пулемётов с тыла, при этом около 20 юнкеров были убиты. Скорее всего, они были погребены без церковного отпевания на Староглазковском кладбище после окончания боёв.

Пушка оренбургских юнкеров с Первушиной горы стреляла по красным, будучи единственной у правительственных войск.

В ночь на 4 января повстанцы заняли здания двух военных училищ, штабов и учреждений. Организатор сопротивления со стороны белых генерал Е.Г. Сычев с группой офицеров покинул город, бросив в Госбанк 14 тонн золота.

Вечером 4 января отошли из Иркутска в Лиственничное две роты семёновцев. Но следовавшие за ними оренбургские юнкера были задержаны иркутскими казаками генерала П.П. Оглоблина, ставшими на сторону Политцентра. Часть юнкеров были помещены в тюрьму, лишь некоторым из них одиночным порядком удалось уйти на восток.

Эсеры мобилизовали в создаваемую ими Народно-Революционную армию весь гарнизон города, в том числе и 50 задержанных оренбургских юнкеров.

26 января с согласия командующего чехословаками Яна Сырового из Иркутска по железной дороге была выдвинута Западная группа красных под началом А.Г. Нестерова общим числом в 1500 человек, куда и входил и отряд Воротова. В районе Зимы Нестеров должен был соединиться с действующими здесь партизанскими отрядами и, доведя численность до 6-7 тысяч, разбить каппелевцев. Однако 30 января у села Ухтуй (западнее Зимы) красные, собрав лишь 2500 человек, были разгромлены.

Воспользовавшись моментом, юнкера перешли на сторону белых. Скорее всего, из них были созданы конные команды связи и разведки.

После зиминского боя белые несколькими колоннами двинулись на Иркутск. Каждая колонна имела разведку, а

между собой связь осуществлялась командами связи в строго фиксированное время. "Панического бегства", о котором трубила потом пропаганда красных, не было. Был организованный, строго по воинским уставам отход.

Команда связи, состоящая из юнкеров-оренбуржцев, была уничтожена в бою близ Усоля. 12 февраля в селе Мото Бодары партизанам удалось уничтожить и пленить остатки 25-го Екатеринбургского полка полковника Бориса Аполлинарьевича Герасимова (старшего брата известного кинорежиссера Сергея Герасимова). Двумя днями раньше между Ангарой и Тельмой был разбит отряд сибирских казаков генерал-майора В.И. Волкова. При этом чехословаки, стоящие на путях станции Ангара (ныне Усолье-Сибирское), не только отказали белым в помощи, но даже помогли красным пленить их.

Обычно попавшие в плен каппелевцы раздевались и замораживались партизанами на морозе, а тела бросались на месте или топились в реках. Вот и в этот раз новая форма юнкеров была привлекательным трофеем для партизан. Никаких комсомольцев в феврале 1920 года быть не могло - они появились лишь год спустя. Не было и "сибирского батальона" - батальоны частей особого назначения тоже появились двумя годами позже. Красные же ленты на папах оренбуржцев из рассказов местных жителей могут объясняться выполнением ими разведывательных функций. Да и отсутствие на памятнике фамилий ясно указывает на то, что похороненные здесь не были местными - иначе бы коммунисты непременно обозначили их, обыграв этот факт...

А. Новиков

PS: Важный источник, проливающий свет на судьбы оренбургских казаков в боях за Сибирь - воспоминания поручика Игнатия Каллиниковича Волегова (1888-1966 гг.) - полкового адъютанта одного из полков Сводной Оренбургской казачьей бригады. Его записки были переданы из

Австралии дочерью - Галиной Игнатьевной Кучиной, и напечатаны в журнале "Сибирь" в 2003 году.

Казачья в своих записках он обозначал инициалами или первой буквой фамилии, чтобы предотвратить месть красных их родственникам. Однако из приказа по 3-му корпусу белых от 16.03.1919 г. нам известны имена двух офицеров казачьей бригады - войсковых старшин Алиманова и Овчинникова. 16 февраля 1920 года в Верхнеудинске был издан приказ о производстве офицеров - участников Ледяного похода в следующие чины. Из есаулов в

Юнкера Оренбургского казачьего

войсковые старшины по Оренбургской Сводной казачьей бригады произведены: Баткин, Потапов, Пичугин, Алфимов, Семёнов (Александр), Древсков, Кочкин. Чурилов и Павлов. Из войсковых старшин в полковники: Донсков, Семёнов (Николай), Кузнецов, Политаев, Молчанов, Читвинцев и Ильиных. В этой же бригаде находились полковники Корольков и Душенкевич.

В метрической книге Читинского кафедрального собора удалось найти запись о погребении на военном кладбище 26.06.1920 г. полковника Сводной Оренбургской казачьей дивизии Петра Леонтьевича Овчинникова, умершего в возрасте 35 лет 23 июня (ст. стиля).

И ещё один любопытный факт. В середине февраля в Чите для встречи генерала Я. Сырового атаманом Семёновым на вокзале был выставлен "почётный караул" из забайкальских казаков-бородачей в парадной форме. В руках у них было блюдо с 30-ю мелкими серебряными монетами. Сыровой, как ошпаренный, метнулся в вагон и не появился больше оттуда. И долго ещё он ежегодно в свой день рождения получал аналогичный презент от русских офицеров!..

Барон Унгерн на станции Даурия готовил Жанену, его "советнику" Зиновию Пешкову (брат Свердлова) и Сыровому и более крутую встречу, но в последний момент Семёнов уговорил его пощадить "союзников"...

Войсковой старшина Г.К. Бологов

В последних номерах "Станицы" несколько раз упоминался **войсковой старшина Григорий Кириллович Бологов** - и в связи с деятельностью руководителя русской колонии на филиппинском острове Тубабао с 1949 по 53 год, и в рассказе о событиях Гражданской войны в Урянхайском крае (Тыве). Хочу уточнить факты его биографии.

Родился Григорий Бологов в 1895 году в станице Александра Невского (нынешнего Куйтунского района Иркутской области). Таким образом, по происхождению он не енисейский казак, а иркутский - хотя и служил во время германской войны в Енисейском казачьем дивизионе. Казаки Бологовы упоминаются среди делегатов казачьих кругов в 1918-20 гг. в Иркутске.

После окончания Иркутского военного училища в 1917 году в чине хорунжего Г. Бологов находился в Красноярске, начав службу хорунжим Енисейского казачьего дивизиона. Известно, что Енисейская сотня этого дивизиона под командованием подьесаула Фереферова 15 августа 1918 г. высадилась у села Посольское на восточном берегу Байкала, окружив и разгромив красный отряд.

В августе 1919 года в чине есаула Бологов командовал отрядом в 600 человек пехоты и 380 казаков, атаковавшим Белоцарск (ныне Кызыл), занятый партизанской армией Кравченко-Щетинкина. Вместе с енисейцами действовали 6-я сотня (неполная) 3-го полка казаков Сибирского казачьего войска под командой подьесаула Распопина, Усинская полурота и Белоцарская дружина.

Превосходящим силам партизан удалось сбросить белых в Енисей, при этом Бологов получил две раны. Красными источниками силы объединённого отряда Бологова-Распопина исчисляются в 1500 чел. - т.е. сильно завышены. По этим же данным, 300 мобилизованных колчаковцев сдались в плен вместе с орудиями и пулемётами. Потери партизан составили при этом всего 37 чел. убитыми и 44 ранеными - тогда как у белых, якобы, около 1000 чел. Цифра явно завышена в 3-4 раза, хотя успех ночного боя с 16 на 17 августа для красных не оспаривается.

Участник боя советский писатель П.П. Петров (репрессированный позже своими же) пишет о захоронении 90 убитых, упоминая о двух трёхдюймовых орудиях и куче винтовок, наганов и биноклей, которые "партизаны с лодок багрили со дна реки".

У села Усинское (200 км к северу от Белоцарска) сотня Распопина догнала остатки отряда Бологова, насчитывавший около 60 енисейских казаков и до 90 пехотинцев. Сотня Распопина потеряла двух человек в бою и ещё двух утонувшими, при 8 раненых. Всего из 600 пехотинцев объединённый отряд потерял не более 200 чел., ещё столько же недосчитались казаки. Около 100 чел. разбежалось.

По справке штаба Иркутского военного округа 10.09.1919 г., в бою участвовало три сотни 1-го Енисейского казачьего полка (из имевшихся четырёх). Разбитые под Белоцарском 1 и 2 сотни вместе с 3-й были направлены в Минусинск на формирование 2-го полка Енисейского войска.

Войсковым атаманом енисейцев в сентябре 1919 года был генерал-майор Виктор Лукич Попов. 4.9.1919 г. телеграммой в Иркутск он "просит командировать в его распоряжение енисейского казака полковника Феофилова, состоящего в резерве 1-й армии" (Енисейская казачья бригада ген.-майора Альвиана Ивановича Феофилова участвовала в Сибирском походе в боях в Забайкалье и Приморье). Впоследствии В.Л. Попов служил красным. А.И. Феофилов умер в Чите от тифа в конце февраля 1920 г.

Енисейская казачья бригада, одним из полков которой, похоже, командовал Г.К. Бологов в конце января 1920 г., в ходе "Ледяного похода" прошла по его родным местам. На кладбище села Кундуй капеллевы оставили около 1000 тел своих погибших и умерших товарищей...

После боёв в Забайкалье весны 1921 г. Г. Бологов - командир Енисейского казачьего полка (свёрнутого из бригады) в Гродеково; в сентябре 22-го - командир Сводного Сибирско-Енисейского полка и Иркутской казачьей дружины в 70 чел.

Войсковой старшина Бологов и его казаки ушли последними с русской земли - в районе города Посьет, где он пытался организовать партизанскую борьбу в ноябре 1922 года. Эвакуация казачьей группы генерала Ф.Ф. Глебова, в составе которой был Г.К. Бологов, осуществлялась пароходами в Шанхай из корейского порта Гензан с 7 августа по 14 сентября 1923 г. Около года казакам не давали сойти на сушу, пока 12 июля 1924 г. они просто не захватили район карантинной станции порта Шанхай.

После бегства в совдепию в апреле 1925 года группы оренбургских казаков во главе с генералом Анисимовым, оставшиеся решили создать в Китае "Казачий Союз". В эту влиятельную эмигрантскую организацию, насчитывавшую до 1000 членов, вошёл и Г.К. Бологов, на 2-м съезде в 1929 году избранный председателем Союза. На фото 1931 года сняты члены правления Союза - 22 человека.

Жалование Григорий Кириллович получал, поступив на службу в Шанхайский русский полк. На момент создания полка (январь 1927 года) войсковой старшина Г.К. Бологов - старший офицер 2-й роты (командиром которой был сибирский казак полковник М.И. Мархинин).

Пост председателя Казачьего Союза Бологов оставил по болезни в 1936 году, но в 1944 году был вновь избран его главой. На первом послевоенном съезде в феврале 1946 года он снова избран председателем организации, насчитывавшей тогда 200 казаков.

Ожидаемый захват в 1949 году китайскими коммунистами Шанхая ничего хорошего русским эмигрантам не сулил. Григорий Кириллович организовал их эвакуацию на Филиппины на остров Тубабао (об этой странице жизни русской эмиграции "Станица" рассказала в N 51). Пробыв в джунглях Филиппин несколько лет, эмигранты рассеялись по миру, осев в основном в Австралии и Калифорнии.

Умер Григорий Кириллович 3 марта 1976 г. в Сан-Франциско, куда в 1953 году из джунглей острова Тубабао переехала большая часть обитателей русского лагеря. И в США Бологов продолжал помогать соотечественникам, руководя Обще-казачьим союзом.

Сегодня иркутские казаки предлагают рассмотреть возможность перезахоронения праха Григория Бологова на его родине - в станице

Александра Невского, назвать его именем одну из сельских улиц. Тем более, что исполняется 90 лет официальному утверждению Иркутского казачьего войска Верховным правителем России А.В. Колчаком.

Почти девять десятилетий иркутянам всё "некогда" почтить память выдающихся земляков. Коммунисты, правда, по своему "воздали" им "должное". 5 июня 1930 г. они расстреляли старшего брата Григория Кирилловича - Алексея Бологова, крестьянина-единоличника станицы Александра Невского, 1877 года рождения; в 1937-38 гг. были репрессированы ещё трое членов семьи Бологовых...

А.Н.

PS: В июне мы побывали на родине Григория Кирилловича - 3-й станице Александра Невского. От вокзала железнодорожной станции Куйтун, через село Лер-монтовское на юг по асфальту почти до места назначения, расстояние не более 15 км (от Иркутска - 340 км). Кругом раз-руха и безысходность; потомков казаков в "станице" не осталось.

Администрация расположена в соседнем селе Кундуй. Тамошний краевед, Тимофеева Тамара Леонтьевна, вместе с главой администрации обещали помочь в опросе старожилов и поддержать инициативу по перезахоронению Бологова на родину.

Смотритель музея Русской культуры в Сан-Франциско 82-х летний Тарала Юрий Андреевич обещал переслать фото могилы и памятника Г.К. Бологова.

На фото - крест, установленный иркутскими казаками в 3-й станице Александра Невского.

Хорунжий
Г.К. Бологов

На острове Тубабао

Разведчики земель за океаном

(продолжение очерка “Генерал из конвойцев Наместника”)

В октябре 1920 года английский миноносец доставил тяжело раненого генерала И.Д. Павличенко в Константинополь (куда через полмесяца прибыли и все покинувшие Крым части Русской Армии). Долечивался он в Сербии. В Королевстве С.Х.С. уже было немало беженцев, были и небольшие кубанские колонии. Составив из офицеров и казаков хор под регентством сотника Соколова, Павличенко выступал с ним, зарабатывая на жизнь.

Атаман В.Г. Науменко, готовясь в 1921 году к переброске с острова Лемнос частей Кубанского корпуса в Сербию, записал в дневнике: “20 мая. Вчера приехал с Филимоновым в Новый Сад познаться с жизнью там. Приехал я неофициально. Остановились в отеле “Слобода”, где рестораны содержат наши русские, главным образом Кубанцы: Свибидн, Проскурин, Даркин. Вечером устроили нам ужин Кубанцы, содержатели ресторана. За ужином пел хор Павличенко. Хор составлен из офицеров и казаков. Поют недурно!..”

В 1921 году в Нови Саде генерал Павличенко организовал команду джигитов, показывая с ними казачье искусство сначала в стране, а затем и в Европе. Кубанский атаман сообщал об этом в Финляндию известному джигиту за рубежом полковнику Ф.И. Елисееву: “Джигиты и хор в Италии. Дела их идут неважно - мешают сильная жара. Новых снимков нет, посылаю из старых джигитовку команды Павличенко”. Оставался Иван Диомидович и бессменным атаманом новосадской казачьей станицы имени Кошевого Атамана Чепеги.

Красивой рекламой для выступлений группы не хватало, и Павличенко позаимствовал некоторые фото у Елисеева - у того к 1925 году уже был альбом, отснятый на выступлениях в Европе. Ф.И. Елисеев отмечал: “Соламахин (начальник Войскового Штаба) писал, что передал этот альбом генералу Павличенко, который имел в Югославии свою группу джигитов. Для своей рекламы, он воспользовался некоторыми снимками и отпечатал их большими афишами. Соламахин прислал их мне с извинением от Павличенко, что отпечатал их без моего разрешения, где был и один мой личный номер, под названием “ласточка”, снятый в Аркашоне [Франция]...”

С 1920 года атаман Науменко пытался получить землю для казаков в Сербии. В 1925 году он вновь поднимает этот вопрос - сербские власти не отказывали, но не давали и согласия.

Искалась такая возможность и на других континентах. Сохранить в неприкосновенности казачий быт казалось возможным там, где было много земли и мало населения. В 1928 году “Казачий Союз” пытался устроить массовое переселение в Австралию за счёт правительства страны, но из-за сопротивления этому Англии акция окончилось ничем. Тогда по поручению русских организаций предприниматель В.Т. Королевич выехал в Южную Америку - узнать там о возможности поселения. И вот в 1929 году правительство Перу согласилось принять 2000 русских земледельцев и дать землю.

Обговорив все вопросы и просчитав выгоды, Королевич изложил условия в брошюре “Колонизация в Перу”:

- 1) правительство Перу согласно на въезд 2000 человек поэтапно - в 1929 году страна готова принять только 200 физически здоровых лиц и не старше 47 лет;
- 2) прибывшим бесплатно выделяется 10 га земли для одиночки, для семейного - 30 га; земля находится в горах, 1440 м. над уровнем моря, 160 вёрст до ближайшего города;
- 3) расходы от Белграда до Ла-Рошели (Франция) оплачивает правительство Перу за счёт переезжающих людей с удержанием до погашения долга по 10 % с урожая;
- 4) все обязаны стать на работу (постройка шоссе от города до местечка поселения на аккордных условиях; заработок 2-4 солей (50-100 динаров) ежедневно; часть людей готовит место под постройку поселения;

5) колонизационное общество обязано строить школу, больницу с вычетом потом с колонистов их стоимости.

Генерал Науменко, всячески поддерживая желание казаков жить на своей земле, позже отмечал в Войсковом печатном органе: “Не установить подробности взаимоотношений колонистов с правительством Перу и роль колонизационного общества. Общество явно коммерческое”. Кубанский Атаман возражал против поездки в Перу целого отряда и предложил генералу Павличенко выехать туда на разведку с группой.

Между тем 29 апреля 1929 г. власти Сербии отклонили просьбу Кубанского правительства о наделении казаков землей. Делегатом Лиги Наций принимались меры для покупки земли казакам в Сербии от выселяющихся в Азию турок (на средства Лиги Наций), но и это ощутимых результатов не дало.

В журнале “Кавказский казак” 1 мая 1929 г. печатаются сведения о Перу: география, климат, флора, фауна и прочие особенности, до налогов включительно. Земля в Перу выделялась в верховьях реки Апуримак, текущей с юга на север, в здоровой гористой местности, без лихорадок. Расстояние - 350 км от столицы (Лимы) по прямой, по дороге 800 км. В 160 км находился г. Айячо - туда и предстояло строить шоссе. Перуанское правительство обещало помочь инвентарём, поддерживать до урожая. Первые 5 лет переселенцы отдают 10% заработков стране. Главные предметы занятий - кофе, каучук, шерсть, лес, шоссе. Плюсами считались малонаселённость и плодородие почвы - три урожая в год.

25 мая 1929 г. первая группа с генералом Павличенко готовилась отправиться по маршруту Париж-Марсель-Перу, переезд занимал 3 недели. Вторая группа собиралась отправиться через 8 месяцев. Всего предполагалось перевезти около 300 человек: 100 из Югославии и Болгарии, 200 из Франции. Если бы всё прошло удачно, то в 1930 году Перу приняла бы ещё 600, и в последующие годы 3-5 тысяч человек.

Кубанцы просили митрополита Евлогия о священнике - с ними был послан иеромонах Михайл. Казаки собирались построить в Южной Америке церковь во имя Покрова Божьей Матери, приобрели икону Покрова, взяли станичное знамя.

С генералом Павличенко выезжали 96 человек: 4 донца, 1 астраханец, 10 иногородних, остальные кубанцы, из них 80 мужчин, 10 женщин и 6 детей. Ядром группы стали казаки из Нови Сада и окрестностей, к которым присоединились казаки из других мест Королевства.

22 мая в Нови Саде в церкви отслужили молебен, присутствовал командующий армией генерал Докич с генералитетом и офицерами гарнизона. Казаки во главе с генералом Павличенко встретили его строем и музыкой. После молебна казаки

прошли через город и выстроились перед домом епископа Иринья, который сказал, что новосадцы полюбили кубанцев за казачью дисциплину и благословил в далёкий путь.

24 мая казаков торжественно провожали в Белграде. Во дворе здания Кубанской канцелярии построились отъезжающие, с хором тубачей на правом фланге. Часть казаков была одета в черкески, часть в штатское, но большинство - в синие брюки, чёрные гимнастерки с погонами и белые папахи. Перед фронтом казаков на столе стоял Войсковой образ и образ Спасителя, предназначенный для отъезжающих. Здесь же Войсковой значок-флаг сине-малиново-зелёный с нашитым в верхнем углу на синем поле Войсковым гербом; древко увенчано металлическим копьём с крестом внутри и надписью: “Кубанское Казачье Войско” и на другой стороне: “24 мая 1929 года, г. Белград”.

К началу молебна собрались Кубанский и Терский атаманы, председатели правительства Кубани и Терека, представители Русских организаций в Королевстве С.Х.С., много казаков и местных жителей.

И.Д. Павличенко

“Ласточка” (Ф. Елисеев)

Настоятель Белградской Русской церкви протоиерей о. Беловидов призвал казаков, уезжающих в чужую страну, оставаться русскими людьми, беречь веру и родные обычаи. Были освящены образ Спасителя и Войсковой значок.

Генерал Науменко сказал, что задача, взятая на себя отъезжающими, дело общеказачье. Призывая к единству, он выразил уверенность, что казаки будут держать себя так, что правительство Перу широко откроет двери для поселения казачества, рассеянного по всему свету: *“Несите высоко наш Войсковой Знак! С ним Вы вернётесь на Родину или под ним к Вам вновь соберётся Кубанское Войско”*.

Генерал Павличенко благодарил за гостеприимство к казакам короля и весь братский народ Сербии.

Первая партия казаков покинула Белград со знаменем и под звуки войскового марша, направляясь в далёкие земли, в полную неизвестность.

* * *

30 мая в Генуе погрузились на пароход Марсель-Барселона-Панамский канал-Кальяо (Перу). В Марселе соединились с казаками из Франции. Капитан корабля удивился дисциплине казаков и не забрал оружие, сдающееся обычно на время плаванья. У берегов Америки поженились казак и казачка, свадьбу праздновали на корабле.

На 12-й день стали у о. Тринидад, а на следующий день прибыли к Венесуэле. На борту играл хор трубачей, публика высыпала на берег. На о. Кюрасо к казакам присоединились двое русских, уехавших сюда в 1918 году. Сутки пароход стоял в Панамском канале. В Кюрасо и Кристобале группу уговаривали остаться, предлагая зарабатывать на месте по 5-6 долларов.

27 июня прибыли в порт Кальяо. Казаков пригласили во дворец президента, подав специальный поезд из вагонов 1-го класса. В Лиме со станции шли строем и с трубачами во дворец. Президенту подарили шапку, кинжал, черкеску, шапку и пояс от Кубанского Войска. Президент сказал речь (её переводил инициатор переселения Василий Тихонович Королевич, один из двух братьев). Министр земледелия просил зачислить его с семьёй казаками новой станицы...

* * *

Прошло полгода. За это время казаки выезжали из Лимы на р. Апуримак для осмотра земли. Калмыки тоже хотели переехать в Перу, генерал согласился помочь. В Европу передавались советы желающим ехать: жениться, брать с собой инструменты, ружья (много зверя) и табак.

Генерал Павличенко готовил группу джигитов для представлений в Лиме и других городах, чтобы добыть денег. Трёхмесячное турне началось в октябре. Ко дню праздника армии 27 ноября 1929 г. по приглашению военного министерства команда джигитов в Лиме показала на ипподроме в присутствии президента джигитовку. Её открыл президент рубкой лозы, что запечатлели на фотографии. Подхорунжий Синченко упал вместе с лошастью, перевернувшись через голову. Публика было испугалась, но лошадь вскочила, а подхорунжий продолжил на ней номер “вертун”. Президент снялся с казаками и лучшему джигиту Синченко подарил серебряную чашу.

В Тамбо казаки работали на постройке шоссе, жили сначала в конюшнях по 5-6 человек. Южноамериканская культура их разочаровала. Земля была под лесом, но корчёвка оказалась лёгкой. За 2-3 месяца они должны были показать примерную работу, и лишь тогда правительство обещало средства на переброску новых переселенцев. Но из-за разногласий с братьями Королевичами уже в октябре на шоссе никто не работал. Основные причины - напряжённая работа за очень малые деньги из-за постоянных вычетов - в три раза меньше, чем обещали братья-работодатели.

Часть казаков решила вернуться в Европу, и в сентябре из Перу выехали 7 мужчин, 2 женщины и 2 детей.

Тем временем, 18 сентября из Тамбо первая партия (22 казака, 4 женщины и 2 детей) выехала на землю, в ноябре - вторая группа, всего 70 человек. Спускаясь с перевала на плато, экспедиции пришлось 25 км пробивать себе дорогу, тащить за собой мулов; за 4 дня одолели всего 120 км.

Все переболели малярией от непривычного климата. Прибыли в начале сезона дождей, земли заливались рекой. Не были построены бараки, и людей приняли монахи-францисканцы. Отсутствовали доктор с медикаментами и представитель концессионера. Казаки жили на одной стороне реки, а работали на другой. Река 200 метров шириной. Монахи дали два челна, казаки сделали плоты. Своих сил не

хватало для постройки домов. Обещали платить 30 солей на человека, выдавали 10-15; остаток удерживался на расходы по транспорту.

Через две недели после прибытия на землю кончились продукты, начались болезни. Приехавший доктор осмотрелся и отбыл из-за отсутствия жилища. Положение стало критическим: более половины группы больны...

1 января 1930 г. казаки разорвали договор с Королевичем. Павличенко прекратил джигитовку и выехал к ним, получив деньги на колонию. Он срочно перевёл казаков из нездорового района в Тамбо для отдыха до апреля и организовал экспедицию для поиска нового места поселения на случай вынужденного ухода с р. Апуримак.

Парижской группой в Перу командовал А.М. Лысенко. “Французские” казаки, не желавшие подчиниться приказу Кубанского атамана, откололись и устроились на золотоносные прииски, стали осаждать президента республике жалобами, вмешались в политическую борьбу. Часть их за это выслали из страны, остальные в дальнейшем колонизировали участок земли за тысячу километров от группы Павличенко; сам Лысенко уехал в Уругвай.

Добирались эмигранты в Перу и небольшими группами. Сибирец капитан Анисимов, глава группы Плисецкий, терец Аркалов и кубанец Подрезов прибыли в Кальяо и хотели работать на земле. Им было поставлено условие - постройка шоссе, от чего они отказались. Оклеветанных за это Королевичем в большевизме и сосланных на о. Лоренцо, людей выпустили через пять месяцев благодаря делегату верховного комиссара Лиги Наций в Белграде. Правительство Перу оплатило им обратный проезд в Европу.

16 человек ушли искать работу на фабрики и заводы, некоторые оставили колонию. Директор эмиграционного департамента Перу предложил переселить казаков в интернациональную колонию “Сатино”, но Павличенко отказался - это могло повлечь ликвидацию казачьей общины. Министерство согласилось дать другую землю.

16-25 марта составили экспедицию для нового поселения, Павличенко являлся представителем правительства. Земля была в 80 верстах от шоссе, два дня езды верхом. Место называлось “Пампа Катуги”, в 40 верстах вверх по Апуримаку от первого поселения. По долине протекали две реки: Санта-Роза и Катуги. Здесь проживало 5 тысяч населения, индейцы нанимались на работы за 50 центов. Для колонизации отводилось 140 тыс. га земли: 20 тыс. в долине и 120 тыс. на плоскогорье. Павличенко предполагал закрепить за казаками 200-250 тыс. га, чтобы новые казаки не селились в других районах.

Всего здесь находилось 45 мужчин и 25 женщин и детей. 28 марта 1930 г. состоялись перевыборы атамана и помощника. Помощником Павличенко был вахмистр Пыль. Переселенцы непременно хотели пригласить сюда православного священника (о. Михай вернулся во Францию).

Правительство перевело деньги за два месяца, кормовые, инструменты. К середине июня казаки осели на земле. Но 15 человек из группы, по настоянию правительственного комиссара, вновь поселили на р. Апуримак.

Всё это время не прекращалась клеветническая работа братьев Королевичей против казаков, “не оправдавших их ожиданий”. Утверждая, что “вооружёнными до зубов” казаками составлен заговор на их жизнь, братья требовали разоружения казаков.

В результате начальником провинции Сан-Михель была получена телеграмма от министра внутренних дел - немедленно отобрать у казаков всё имеющееся оружие, в том числе и холодное; в случае противодействия Павличенко арестовать и препроводить в Лиму. Не рассматривать впредь казаков как военную организацию, не признавать их чинов и запретить им ношение своей формы. В распоряжение начальника провинции предоставили необходимую вооружённую силу для исполнения.

Будучи другом генерала, начальник провинции обещал всё устроить мирным путём. Генерал собрал у себя на квартире всё оружие казаков и, когда начальник инспекции прибыл в Тамбо для исполнения полученного распоряжения, оно было передано ему без инцидентов.

Не успокоились лишь братья Королевичи, используя влияние на власти. В виде усиления мер было отдано распоряжение о разрешении отлучек казакам из Тамбо не далее 5 вёрст с утра до вечера. Начальник провинции, которому приказано было со своими жандармами жить в Тамбо, дол-

жен был дважды в день проверять наличие казаков; отлучавшиеся по уважительным причинам получали разрешение шефа колонии с подписью полицейского контролера Тамбо. Более того - Королевичи убедили начальника департамента Айакучо, что Павличенко сдал лишь малую часть оружия. Префект вызвал к себе генерала, что было истолковано казаками, как арест.

9 июня генерал Павличенко в сопровождении колонистов (казаки одного его не отпускали) отправился по вызову. Дорогу преградили 40 жандармов, заставив казаков лежать на земле всю ночь под дождём. Потом безоружные они встали и пошли на винтовки. В 50-ти шагах от цепи раздалась команда: "стой!". Майор Карлин, командир жандармов, отдал команду: "Павличенко, вперёд!", и с револьвером в руке вышел в сопровождении двух жандармов навстречу подхождению к нему улыбающемуся генералу.

- Где ваш револьвер?

- У меня его нет.

- Обыскать!

Револьвера не нашли. Майор кричал, почему генерал не исполнил распоряжения префекта об оставлении в Тамбо. Павличенко ответил, что это решение всех казаков, надо прекратить безобразие с колонизацией. В этот момент появилась ещё группа жандармов во главе с майором, шефом полиции в Хуанте. Не дав генералу высказаться, майор Карлин, указывая на Павличенко, крикнул: "Арестовать!" Жандармы, исполняя команду, хотели приблизиться к генералу, но казаки, женщины, казачата с криками устремились к нему... "Стрелять!" - закричал Карлин.

Окружив генерала, плачущие женщины с детьми кричали: "На, стреляй в безоружных!.." Минута замешательства... Лишь уверенная команда другого майора, сохранившего голову - "Не стрелять!" - внесла успокоение.

Казаки не выпускали Павличенко из своего круга, и Карлину пришлось... арестовать всю колонию. В жандармской казарме в Айакучо в большой комнате на каменном полу казаки провели шесть дней и ночей, подстилая под себя листки оказавшегося там жандармского архива.

В итоге всё вылилось в крупный скандал, сенаторы и депутаты запрашивали по этому делу правительство. Казаков перевезли в Лиму, министр предлагал им землю и всё необходимое в колонии "Эсперанса", на искусственно орошаемом участке в 4-х часах езды по железной дороге от Лимы. Он также заверил, что ретивый майор будет смещён с занимаемой должности и понесет наказание.

Но вышло иначе - в Перу произошёл военный переворот. В день, когда казаки выступили из Тамбо, в гарнизоне г. Арекипы подполковник Серро поднял восстание. 27 августа он с верными войсками вступил в Лиму, объявив себя диктатором.

Посланный в Айакучо правительственный чиновник, не зная, что делать теперь с казаками, вместе с майором Карлиным объявил что расторгаются все договоренности с колонистами. С трудом казаки добрались до Хуанкао, где разместились на станции; лишь немногие, имевшие кое-какие сбережения, наняли частные квартиры. Не имея средств к существованию, казаки жили на нищенском положении, питаясь впроголодь из общего котла.

Генералу Павличенко, уехавшему добиваться помощи в Лиме, потребовалось на это более двух недель. 18 сентября казаки прибыли в эмигрантский дом в Кальяо, т.е. туда, откуда полтора года назад уходили на колонизацию, полные сил и с радужными мечтами. Теперь это были оборванные, измождённые, морально подавленные люди. Их единственным желанием стало вырваться обратно в Европу, где жилось пусть и не сладко, но всё же можно было честным трудом заработать кусок хлеба.

14 сентября Павличенко принял новый президент республики полковник Серро. Он заверил генерала в желании помочь казакам, предложив для колонизации имения

членов бывшего правительства, недалеко от Лимы. Но такая "колонизация" не просто была рискованной - она усугублялась тяжёлым экономическим положением страны. Стало окончательно ясно, что казачье предприятие в Перу потерпело неудачу. Разведочная группа, выполнив свою задачу, должна была вернуться в Европу.

18 октября 1930 г. Павличенко отдал приказ о расформировании разведывательной группы. Две группы казаков общим числом в 39 человек (включая женщин и детей) вернулись в Югославию в середине ноября 1930 г. Часть "французской" группы, обратившуюся за помощью к генералу, он также отправил в Европу.

Несколько человек осталось в стране, остальные члены группы перебрались в другие государства Южной Америки. Десять кубанцев вместе с генералом в канун нового 1931 года выехали в Чили.

Джигиты ген. Павличенко в пехотном полку. Лос-Анджелес (Чили), 1931 г.

Отношение чилийских властей, военных и населения к казакам было превосходным. Чилийские офицеры видели в них представителей той Русской армии, за борьбой которой с большевиками они внимательно следили десятилетия назад. Их поражало то, несмотря на долгие годы беженства, казаки сохранили форму и дисциплину. Приветливо встретила казаков и маленькая русская беженская колония.

Во дворце в Сантьяго президент Чили генерал дон Карлос Ибаниес дель Кампо во время приема в честь кубанцев дал согласие на предоставление им земли. Для знакомства с местными условиями жизни генерал Павличенко решил проехаться всю страну.

При содействии военного министра и губернатора Сантьяго, на занятые деньги Павличенко купил лошадей казакам, и они двинулись походным порядком на юг страны. Останавливались в городах и джигитовали, добывая средства к существованию. Чилийские конные части в гарнизонах показывали свою школу езды. Таких лихих наездников казаки увидели впервые за долгое время, отметив сходство чилийской конской породы с казачьими лошадьми. Чилийская армия прекрасно вооружалась и обмундировывалась, солдаты служили на основе разумной дисциплины и патриотизма.

За 2,5 месяца казаки проехали более 2,5 тысяч километров. Во время джигитовки разбился один из лучших наездников И. Булгаков, на похоронах присутствовало много чилийцев.

В январе 1932 года Павличенко с казаками прибыл в Аргентину. Как и ранее, их появление - в черкесках, папахах, мягких чевяках, в погонах и при оружии - произвело впечатление. На вокзале в Мендосе группу встретил

Казаки в кавалерийском полку. Концепсион (Чили), 1931 г.

ли начальник полиции и командир местного гарнизона. 22 января в Буэнос-Айресе на джигитовке присутствовали чины столичного гарнизона и дипломатического корпуса, казаков принял инспектор кавалерии. Военный министр посетил их в казарме и беседовал с генералом Павличенко.

Казаки выступали в Сан-Хуане, Кордобе, Санта-Фе и Паране. Далее на их пути лежали Уругвай и, в 1933-м - Бразилия. В Рио-де-Жанейро их приветствовал военный министр генерал Гомез, вся площадь была усыпана цветами...

Между тем шёл пятый год пребывания в Южной Америке и непрерывного скитания. В 1934 году Павличенко оформил права на приобретение хутора в Татуи - он хотел создать центр для всех казаков в Бразилии. Население отнеслось к казакам прекрасно, и в течение последующих полутора лет они осели на землю около Сан-Пауло.

По окончании Второй мировой войны в печати Русского зарубежья имя Павличенко почти не упоминалось - в политических дискуссиях он не участвовал. Об отношении же беженцев к генералу говорило то, что 30-тысячная русская колония в Бразилии считала его своим единст-

венным надёжным защитником и ходатаем перед бразильскими властями по всем вопросам. В 1950-57 гг. только из Китая он выписал и устроил 2 тысячи русских семей - правительство разрешало въезд русским в страну лишь при наличии подписи Павличенко. Генерал имел много влиятельных друзей среди министров, военных и государственных деятелей Бразилии.

Людей с подобным авторитетом было мало. Его деятельность можно сравнить лишь с работой в США Толстовского фонда. Но там действовала целая организация, известная во всём мире благодаря дочери великого писателя. В Южной Америке И.Д.Павличенко был один, действовал безвозмездно, без помощников и средств, и главным аргументом при всех договорённостях являлось его слово.

В 1958 году русская колония в Рио-де-Жанейро попросила генерала оказать содействие в получении от правительства участка земли для строительства дома престарелых и кладбища. Обратившись к городским

И.Д. Павличенко с семьёй.
Бразилия, 50-е годы

властям от имени всей русской колонии, Павличенко получил ответ председателя городского совета генерала Трота, что земля предоставлена на самом лучшем месте, а весь участок, оцениваемый в 1 миллион крузейро, выделен для русских совершенно бесплатно.

Умер генерал-майор Павличенко 9 августа 1961 г. в Бразилии. За два года до смерти он писал: *“Только 68 лет стукнуло, но старые раны дают чувствовать. Сейчас джигитовать уже не могу, даже и на коне, пожалуй, не усiju... А всё же... помогаю многим. Устраиваю наших соотечественников, “старых” и “новых”, хлопочу за них, выручаю, если кто из наших по глупости попадает в неприятности. Около восьмисот казаков в Бразилии, самых различных убеждений, а все обращаются ко мне, то за тем, то за другим...”*

Его сын обучался в Бразильском кадетском корпусе и тоже стал офицером.

П. Стрелянов (Калабухов)

Дядя Ваня - Иван Степанович Стрельников - был мужем двоюродной сестры моего отца Надежды Дмитриевны.

В воспоминаниях “В Белой армии генерала Деникина” генерал П.С.Махров, начальник штаба Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России, пишет: *“Бесстрашным и энергичным человеком был постоянный ступник Сидорина по полётам лётчик Стрельников”*. Но только недавно я узнал, что дядя Ваня - георгиевский кавалер, генерал-майор и один из создателей Донской авиации - не был по происхождению казаком, как мы все думали. Даже мои родители не знали, что он происходил из крестьян. И не удивительно - так всегда гордился он казачьим званием и много рассказывал о родном Доне.

В Биографическом справочнике “Авиаторы - кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914-18 годов”, изданном в 2006 году, говорится, что Георгиевское оружие дядя Ваня получил *“за то, что 8-го ноября 1914 г., когда все виды связи Верховного Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта со 2-й и 5-й армиями были утрачены, получив распоряжение доставить во что бы то ни стало командующему 5-й армии приказание чрезвычайной важности Верховного Главнокомандующего, вылетел на аэроплане при исключительно неблагоприятных атмосферных условиях и неоднократно обстреливаемый противником, установил прерванную связь и доставил приказание, а возвратившись обратно, пройдя около 300 вёрст, ориентировал в положении дел на фронте 2-й и 5-й армий”*, а орден Св.Георгия - *“за то, что будучи начальником 6-го корпусного авиационного отряда, в чине штабс-капитана, 3-го, 6-го и 22 января 1916 г., неоднократно подвергая свою жизнь несомненной опасности, под огнём артиллерии противника, при крайне трудных атмосферических условиях, произвел в высшей степени ценную воздушную фотографическую съёмку позиций неприятеля на фронте всей армии”*.

Дядя Ваня был из крестьян Тамбовской губернии, 30 марта 1886 года рождения. Он окончил 5-классное Новочеркасское реальное училище и, как я уже упомянул, всегда считал себя донским казаком. Старался и меня, родившегося в Новочеркаске, сделать им, звал старичником. Показывал книги с картинками из быта и истории казачества, так что рассказы про Ермака и атамана Платова были моими первыми уроками русской истории. Было мне тогда четыре-пять лет, и тётя Надя считала, что рано со мной говорить на такие темы, но дядя Ваня отвечал ей: чем раньше - тем лучше, и что я что-нибудь запомню.

Дядя Ваня любил рассказывать о своих боевых полётах - как в Мировую, так и в гражданскую войны. А из детских его воспоминаний запомнилось мне одно. В Новочеркаске тогда только что появились в домах звонки, связанные с входными дверями шнурком или проволокой с висюлькой, за которую надо было дергать. Так вот, мальчишки привязывали к таким висюлькам кусочки мяса на верёвках и забавлялись, глядя как собаки, желая полакомиться мясом, дергали звонки...

Мой дядя Ваня

В генерал-майоры он был произведён приказом Войскового штаба Всевеликого Войска Донского 29 марта 1920 г. Из Константинополя мы вместе прибыли в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Иван Степанович сразу получил назначение инструктором в военную эскадрилью в Райловац около Сараева, а наша семья была послана в город Ада ждать трудоустройства. Оказавшись потом в Сараеве, мы часто ездили в гости к Стрельниковым.

Помню, аэродром был недалеко от железнодорожной станции. Дядя Ваня предупреждал часового о нашем приезде и, когда мы говорили, что идём к Стрельниковым, тот отдавал нам честь. Сразу у входа находилась небольшая метеорологическая станция, и дядя Ваня мне объяснял, как работают всякие термометры, барометры, мешок-колбаса и вертящиеся лопасти, измерявшие силу ветра.

Вместе мы осматривали двухместные самолеты-бипланы, которые Югославия получала от Франции. Это про них была кем-то придумана была частушка:

Легче плавать в табакерке, чем летать на этажерке!..

Каждый год осенью в Райловце устраивался День авиации. За неделю до этого дня с низко летавших над городом самолётов сбрасывались листовки, пригласившие горожан приходить полюбоваться искусством пилотирования. У бипланов не было кабинок, и с земли можно было различить двух пилотов - один управлял самолётом второй сбрасывал листовки. Ребята на улицах бегали и кричали: *“Эроплане баци папире”* (самолёт брось бумажки)!...

Горожане устраивались на полях вокруг аэродрома Мы же, как гости главного инструктора, наблюдали за полётами со скамеек вместе с начальством. Дядя Ваня всегда очень волновался и живо обсуждал каждый номер. Как и у всех служащих, у Стрельниковых был одноэтажный домик. Там у дяди Вани был кабинет со шкафчиком для книг и журналов, в том числе специальных французских и немецких по вопросам воздухоплавания.

Дядя Ваня был также страстный охотник. У него было охотничье ружьё-двустволка, а в доме жила охотничья собака. Патроны дядя Ваня делал сам - помню картонные гильзы, как он в них насыпал дробь. Осенью мы вместе ходили на охоту. Собака искала в камышах добычу, а дядя Ваня отдавал потом всё нам.

Дядя Ваня скончался примерно в 1926 году, и тётя Надя должна была освободить казённую квартиру. На первое время она переехала к нам. Военное ведомство помогло ей получить службу в сараевской фабрике ковров. Позже, когда освободилось место заведующей русской начальной школой (Русский детский дом - официальное название), то её назначили на эту должность. Работала в школе, пока в 1944 году из-за приближения Красной армии не пришлось уйти с немцами в Германию. Умерла тётя Надя уже в США, где жила со своим сыном от первого брака, приехавшим к ней из Польши ещё в Югославию.

Р. Полчанинов (США)

Чины Русского Корпуса

Русский Корпус на Балканах (где осела после Гражданской войны наиболее значительная часть русской военной эмиграции) стал первым из добровольческих антикоммунистических соединений, сформированных в годы Второй мировой войны. Он создавался в очень сложных условиях, когда после поражения Югославии в войне с Германией в апреле 1941 года на её территории шла борьба между основными силами - германскими оккупационными войсками, сербскими партизанами-четниками генерала Д. Михайловича и коммунистическими партизанами Тито.

Последние, видевшие в русских эмигрантах своих врагов, приступили к их уничтожению, вырезая в провинции целые семьи. В поисках спасения многие русские устремились в Белград, где поддерживался относительный порядок. В этих условиях в эмигрантских кругах возникла идея организации самообороны, которая вскоре получила гораздо более широкое политическое значение.

Корпус официально начал формироваться 12 сентября 1941 г. в день памяти Св. Александра Невского. Основатель его генерал-майор М.Ф. Скородумов указал в приказе № 1 назначение русского национального воинского соединения порабощённой им России. Приказ не отвечал замыслам германского партийного руководства в отношении русского народа и будущего Российского государства, и после выхода этого приказа генерал Скородумов был арестован немцами. Командиром стал начальник штаба Корпуса Генерального штаба генерал-майор Б.А. Штейфон.

Создатели Корпуса исходили из того, что одержать победу над русским народом и полностью оккупировать страну немцы не смогут, зато могут способствовать падению сталинского режима, после чего сопротивление развернётся уже на национальной основе и будет возглавлено готовой силой в лице Корпуса и подобных ему формирований. Однако германское руководство также не могло не учитывать эту возможность, и на Восточный фронт Корпус допущен не был.

Отметим, впрочем, что при формировании Корпуса германское командование обязалось использовать его только против коммунистов, а не против союзников России по 1-й мировой войне, и это обязательство выполняло.

Приказ о создании Корпуса вызвал небывалый подъём и привлёк в ряды Корпуса большинство русских людей в Сербии. В него, в частности, вступили 95 % живших на Балканах первопоходников - в одном 1-м Казачьем полку состояло свыше 130 участников Первого Кубанского ("Ледяного") похода. Корниловец полковник И.М. Кондратьев (19 ранений на 1919 год) привёз в Белград знамя 2-го Корниловского ударного полка, ставшее знаменем 3-го полка Русского Корпуса.

Формирование полков РК напоминало зарождение Добровольческой армии 20 с лишним лет назад. В части прибывали как ветераны гражданской войны, так и юноши, выросшие в эмиграции; генералы, офицеры и рядовые, старики и их внуки, люди богатые и неимущие добровольно шли в Корпус, готовые занять рядовые должности. Тысячи людей из семей белых эмигрантов, рассеянных как на Балканах, так и в иных частях света, посчитали своим долгом вступить в формируемые части.

Еще 7 сентября 1941 г. начал службу в РК взвод юнкеров роты допризывной подготовки молодёжи РОВС полковника М.Т. Гордеева-Зарецкого из выпускников Первого русского кадетского корпуса в Белой Церкви и русско-сербской гимназии, выставив караулы в гвардейских казармах на окраине Белграда (Топчидер), где днями позже стали размещаться первые добровольцы.

Сразу по окончании формирования, а в иных случаях не успев его закончить, части Корпуса отправлялись нести службу на боевые участки. Подразделения, от полков до рот и сотен, были разбросаны по территории Сербии, Македонии и Боснии отдельными караулами и гарнизонами, охраняя разные пункты и объекты, необходимые для их нормального функционирования. Как результат - в тех районах совершенно прекратилась деятельность красных партизан.

Командование РК (даже после его формального включения в состав вермахта), преследуя цели, не совпадающие с политикой национал-социалистической Германии, оказывало содействие всем сербским национальным частям (прежде всего, монархистам-четникам), защищая жизнь и имущество населения от произвола кого бы то ни было, часто с риском для себя и вопреки запрещению немецких властей.

РК состоял из 5 полков и во время своей наибольшей численности летом 1944 года в его списках значилось около 12 тыс. человек. Наличный состав из-за большого количества потерь был гораздо меньше и к октябрю того же года составлял две трети от этого числа.

1-й полк, сформированный 26 сентября 1941 г., сначала состоял из необстрелянной и наскоро обученной молодёжи (1-й "юнкерский" батальон), бывших чинов Русской армии разных родов оружия (2-й батальон) и кубанских казаков (3-й батальон). 29 октября 1941 г. Гвардейский дивизион (Дивизион л.-гв. Штанских и Терской сотен) с тремя штабс-ротмистрами прибыл из Хорватии в столицу Сербии; 14 офицеров и 142 казака вошли в состав 1-го полка. В конце 1942 года при реформировании частей РК в 1-й полк влились казаки из других полков, и с 1 января 1943 г. он именовался 1-м Казачим; первые два батальона его состояли в основном из кубанских казаков, 3-й - из донских (он и назывался "Донским"). Командование 1-м полком принял кубанец генерал В.Э. Зборовский, а после его гибели (в октябре 1944 г.) - донец В.И. Морозов.

2-й полк, также трёхбатальонного состава, закончил формирование к концу октября 1941 г., но в ходе войны испытал ещё несколько реформирований. В 3-м полку (сформировался с ноября 1941 по май 1942 г.) 2-ю сотню 1-го батальона составили бывшие чины Сводно-гвардейского кавалерийского полка и кавалерийской дивизии генерала И.Г. Барбовича, конный взвод и 4-я казачья сотня - кубанцы и терцы. Во 2-й и 3-й батальоны вошли добровольцы из Болгарии: корниловцы, дроздовцы, марковцы и донские казаки. Из первых двух прибывших в 1942 году из Болгарии групп, одна почти полностью состояла из бывших чинов Марковского полка, из неё сформировали 5-ю сотню (роту) 2-го батальона.

4-й полк формировался в апреле 1942 г. Второе формирование его из молодого пополнения из Бессарабии и Буковины началось в декабре 1943 г. 5-й полк приступил к формированию из того же пополнения в феврале 1944 года и уже к концу марта его батальоны заняли боевые участки.

"Неэмигрантское" пополнение РК состояло из молодых людей русской национальности, не желавших служить в румынской армии, воевавшей на стороне Германии, но охотно вступавших в русские части для борьбы с коммунистами, которых они успели узнать за время занятия Красной армией их территории. Эти пополнения понизили средний возраст корпусников до 45-46 лет.

В зависимости от боевой обстановки, части РК реформировывались, сводились из батальонов и рот других полков - были нужны не "число", а сильные части без излишних штабов и учреждений. Менялась их нумерация: так, 5-й полк, с 26 октября 1944 г. именованный Сводным, просуществовал под этим названием в жестоких боях менее двух месяцев и 15 декабря вновь стал 5-м.

Гвардейская сотня 1-го полка, 1942 г.

Глава РПЦЗ Митрополит Анастасий и генерал-майор Б.А. Штейфон, 1941 г.

В.Э. Зборовский

Штаб РК приступил к работе 8 октября 1941 г. в Белграде. Не имея оперативного и разведывательного отделений, он фактически исполнял лишь организационные и инспекторские функции. При штабе создали батальон "Белград" из 4-х рот для несения караульной, транспортной, снабжения, этапной и др. служб. В начале октября 1944 года батальон был отправлен на фронт, попал в окружение и участвовал в боях.

Командир РК являлся не столько военачальником, сколько представителем и защитником перед немецкими и сербскими властями интересов своих чинов и всей русской эмиграции на Балканах. Именно поэтому тактическое управление подразделениями Корпуса не было объединено и к концу войны послужило причиной гибели многих групп, не сумевших пробиться на соединение со своими частями при занятии Югославии Красной армией и титовцами в 1944-45 гг.

Подготовка офицеров в Корпусе имела свои особенности и осуществлялась на Военно-училищных курсах, по русской и по немецкой линии. Первоначально, из-за большой разбросанности подразделений, обучение происходило в полевых условиях с выездом преподавателей в места дислокации частей. Срок обучения, например, на курсах 1943 года в 3-м полку составлял 16 месяцев.

С 1942 года начались производства юнкеров Корпуса в офицеры. В 1-м полку они состоялись в 1-й (12 сентября в Лознице), 2-й и 3-й юнкерских сотнях. Окончившие Военно-училищные курсы производились в чин подпоручика, но в большинстве случаев продолжали службу на унтер-офицерских должностях и на положения рядовых и ефрейторов. С переходом РК с 1943 года в вермахт (приказ от 30.11.1942 г.), для занятия офицерской должности нужно было пройти соответствующие курсы по немецкой линии - выпускникам присваивался чин лейтенанта. Так, 1-й Военно-училищный курс в Белграде сделал выпуск 9 марта 1944 г., 2-й курс - 12 мая, а 3-й курс - 7 сентября того же года (в биографических справках, курсы по немецкой линии условно названы офицерскими, поскольку произведенный в лейтенанты всегда занимал офицерскую должность). Кадровым офицерам Русской армии - генералам и штаб-офицерам, занимавшим командные должности в частях РК с начала их формирования, немецкие офицерские чины были присвоены с 1941 года. Для лиц, не состоявших на офицерских должностях и не прошедших обучения, эти чины были отменены (лейтенант начала войны мог стать ефрейтором).

В мае 1944 года в Белграде открылись курсы батальонных командиров со сроком обучения 6 недель; окончившие их офицеры предназначались для занятия старших командных должностей.

Шло обучение и на различных унтер-офицерских курсах: артиллерий, тяжёлого оружия, сапёр, верховой и упряжной езды, радиосвязи и т.д., готовивших младший командный состав и специалистов. Несколько особняком стояли ветеринарные курсы, призванные подготовить врачей для расширяющегося ветеринарного отдела РК. Исходя из опыта Великой войны и появления в армии зауряд-врачей и зауряд-ветеринаров, на курсы привлекались студенты старших курсов медицинских и ветеринарных факультетов и инженеры-агрономы, учившиеся до войны в вузах Югославии и Болгарии и прошедшие практику в своих частях. По окончании курса те, кто не имел, получили звание вахмистра и серебряный жгут на фуражку, а в конце войны, при отступлении и вынужденном уходе из частей по возрасту и здоровью, вахмистры ставились на должности, получая чин "ветеринара" (подпоручик или лейтенант).

В апреле 1944 года открылись курсы подготовки молодых чинов Корпуса к экзаменам за 6-8 классы гимназии.

В 1943 году с пополнением добровольцами из русского населения Одессы, Бессарабии и Буковины, в т.ч. и бывши-

ми пленными красноармейцами, наряду с формированием 4-го полка, стали создаваться взводы ПАК (противотанковой артиллерии) и ПТО (противотанкового оружия), другие отдельные части. В то же время ни артиллерии, ни другого современного вооружения (кроме полковых батарей) Корпус не имел.

Первоначально форма одежды РК напоминала форму Русской Императорской армии времён 1-й мировой войны. В однобортном походном югославском мундире защитного цвета стоячий воротник переделали на отложной, нашив на нём шинельные петлицы. На плечах из того же защитного сукна были нашиты старые русские погоны, обозначавшие последний чин в русской армии, служебного значения не имевший. Чины и звания занимаемых в Корпусе должностей отмечались на петлицах. Лейтенант имел на петлице узкую серебряную полоску, обер-лейтенант - с одной, гауптман - с двумя квадратными звёздочками; майор - две серебряные полоски, оберст-лейтенант - с одной, оберст - с двумя звёздочками; генерал - золотую полоску, красный генеральский лампас и шинель на красной подкладке. Звания остальных чинов обозначались соответствующим количеством углов из той же серебряной тесьмы, нашитых на рукаве, выше локтя. Головные уборы: пилотка, фуражка русского образца и шлем с белым ополченским крестом.

С начала 1942 года для чинов, занимающих офицерские должности, для ношения вне строя установлена фуражка с околышем тёмно-синего сукна, одноцветного с воротником, с серебряными шнурами. Тулья фуражки из сукна по цвету мундира - защитно-зелёного или коричневого. На фуражке три канта из приборного сукна: для пехоты - малинового, для кавалерии - жёлтого, для казаков - голубого, для артиллерии, технических войск, Генерального штаба, военно-судебных, военно-санитарных и военно-ветеринарных - алого цвета.

С подчинением германскому командованию корпусников переделали в новое общеармейское обмундирование серо-зелёного цвета, и все русские отличия были упразднены. Замена обмундирования была вызвана, главным образом, чрезвычайной изношенностью старой русской формы и полной невозможностью в условиях того времени шить для Корпуса специальное обмундирование.

К осени 1944 года стало очевидным, что западные союзники уступили Балканы Сталину и продолжение борьбы бесполезно. Командир Корпуса принял решение о выводе всех частей на северо-запад, поставив в известность германское командование.

Тяжёлые бои поздней осенью и зимой 1944-45 гг. корпусники выдержали без смены другими частями. Чины РК имели опыт Великой и гражданской войн - но тогда они были молоды. Сейчас это были люди достаточно солидного возраста; средний возраст солдат, например, Запасного батальона генерала А.Н. Черепова составлял 58 лет. Каждый пройденный километр отнимал последние силы, годы помогали морозу "повалить и уничтожить" старых воинов.

Соединившиеся в Хорватии части РК продолжали движение на север через Загреб, Люблян и Любельский перевал в Австрию - с ночёвками под открытым небом, непрерывными боями с более многочисленным и несравненно лучше вооружённым противником. С огромными потерями, перевооружаясь за счёт партизан и уже деморализованных немцев, с недостатком боеприпасов и продовольствия, тёрпя время из-за задержек, чинимых немецкими властями, форсированными маршами шли части Корпуса на запад.

После смерти генерала Штейфона в командование РК 30 апреля 1945 г. вступил полковник А.И. Рогожин.

К концу войны ряд корпусников оказался по разным причинам (командирования, после госпиталей и т.п.) в 15-м ККК, РОА, Казачьем Стане в Австрии, казачьей бригаде генерала Туркула, в полку "Варяг" и других частях. При переходе границы Австрии в Корпусе состояло 4,5 тыс.

кубанцы - войск старшина А.Г. Богословский и генерал Е.С. Тихоцкий

терцы - полковник К.Ф. Зерков и войсковой старшина В.М. Токарев

кубанец полковник В.И. Третьяков и терец прапорщик Ф.Л. Бирюлькин

человек вместе с присоединившимися в пути женщинами, детьми и гражданскими беженцами.

12 мая 1945 г. в районе г. Клагенфурта корпусники сложили оружие в расположении англичан. С 18 мая штаб РК располагался в с. Кляйн-Сант-Вайт, 1-й Казачий полк и "Варяг" (около 500 офицеров и солдат этого полка до 15 мая присоединились к Корпусу) рядом в с. Тигринг, 4-й полк - в с. Нассвег и 5-й полк вместе с единственно сохранившимся батальоном 2-го полка - в с. Михельсдорф.

Интернированные русские части в течение нескольких месяцев пребывания в разных местах Австрии до 1 ноября в лагере Келлерберг сохраняли корпусную организацию. Во второй половине мая офицерам было разрешено получить 400 винтовок и револьверы для несения караульной службы и защиты от нападений на безоружных людей отрядов коммунистических партизан.

Своей выдержкой и организацией за время интернирования корпусники обратили внимание английского командования - это предотвратило их выдачу на расправу

сибирец
сотник Б.Е.
Акаловский

Соведам. РК избежал страшной участи, что постигла практически все антикоммунистические военные соединения на территории, объятой войной. И Русский Корпус стал первой воинской частью из всех, находившихся в плену в Австрии, чины которой были демобилизованы.

Всего около 18 тыс. чел. прошли через ряды РК; свыше 1 тыс. убито, 3,5 тыс. ранены, около 2 тыс. пропало без вести.

1 ноября 1945 г. в лагере Келлерберг был основан Союз бывших чинов Русского Корпуса (СЧРК). После рассеяния корпусников по разным странам они создали в местах проживания отделы Союза (в США из самых многочисленных были отделы в Лейквуде и Патерсоне), а в Бразилии и Аргентине - Общество Св. Александра Невского на правах отдела. Они существуют и поныне.

П.С. (К.)

"Чины Русского Корпуса"

(Москва, изд-ва "Рейтар" и "ФормаТ", 2009 г.)

К а з а к и

негодование многих. И дело не в содержании - в плане рассуждений о происхождении казачества здесь ничего нового. Дело - в авторе. Это, если верить подписи, ни кто иной, как... *Адольф Гитлер!*

Вряд ли кто из читателей статьи (увидевшей свет в № 1 журнала "SS-Leitheft" в 1944 году) мог даже подозревать о существовании чего-либо подобного! Но - факт налицо. И, кто бы ни был на самом деле автором - статья свидетельствует о внимании, которое вожди нацистской Германии ближе к концу войны стали обращать на российские антибольшевицкие силы. Обращать вынужденно, вопреки своим исходным идеологическим воззрениям и планам на будущее Востока Европы. Близящееся поражение заставляло искать союзников среди бывших подсоветских граждан, обосновывая необходимые для их привлечения достаточно серьезные изменения в своей идеологии.

Как "историческое исследование" статья, безусловно, очень спорная. Но не её исторические выводы интересны нам, а политический взгляд на казачество и славянство вождя третьего Рейха. Искренне ли он сам верил, восхищаясь казаками, в принадлежность их (и даже части славян!) к арийским народам - или это всего лишь тактический ход, оправдывающий появление в составе вермахта казачьих и русских подразделений? Может быть... Как бы то ни было - в 44-м году для Германии всё уже было решено.

"Совершенно очевидно, что остатки затерявшихся в степи германских народностей смешались со славянами и другими арийскими, а также кавказскими народностями", - считает автор статьи. Потому-де Германия ведёт войну за освобождение казаков и создание на Северном Кавказе их свободного государства. "Казаки стремятся вместе с немцами победить в этой войне. Они мечтают о том, что после войны с немецкой помощью создадут свое собственное государство". При этом, вопреки собственным же словам о смешении народов, отмечается: *"О славянском праве и о славянских обычаях у казаков мне ничего не известно и никогда не сообщалось... Во всех рассказах и повествованиях о казаках отсутствуют описания черт, характерных для чуждых рас..."*

Перевод статьи, существенно восполняющей источниковедческую базу "восточной политики" Гитлера, предоставлен российским представителем Товарищества ветеранов 15 Казачьего кавалерийского корпуса **Вольфгангом Акуновым**. Судя по последнему абзацу, у него могло быть и продолжение.

История Руси часто имеет множество пробелов. В основном вызвано это тем, что российские историки постоянно следовали указкам поначалу царских, а затем советских властей. Так, утверждается, что после смерти Эрманариха (разбитого гуннами короля германского племени готов, центр державы которого располагался в регионе от Дона до Крыма - пер.) восточные готы (остготы, или остроготы - пер.) ушли на Запад. В трёх крупных походах кочевников против гуннов восточные готы уже не принимали участия. В действительности же довольно большая часть готов продолжала находиться на территории Северного Кавказа. Ослабленные, они были уже не в состоянии основать свое собственное государство. В оставшихся исторических памятниках существуют прямые ссылки на то, что турки после захвата Крыма обнаружили вблизи города Колехаса готское поселение, в котором жители разговаривали на германском языке. Это доказывает, что после смерти Эрманариха на Запад ушло лишь ограниченное число готов.

Варяги, или викинги (северные германцы-скандинавы, известные также как норманны - пер.), основали Киевскую державу. Вероятно, в 1000 году они же основали у берегов Чёрного моря княжество Тмутаракань. О князе Тмутаракани Мстиславе мы узнаем, что в 1022 году он покоряет касогов (казаров), а те, в свою очередь, смешиваются с жителями Тмутаракани. В это же время на данной территории восточнее Чёрного моря возникает империя хазар. На протяжённых территориях, на которых монголоидные народы Востока бились с арийцами Запада, встречаются представители нордической и динарской расы. Таким образом, российские историки полагают, что все следы германских народов (бастарнов, скиров, ругов, готов, норманнов) полностью теряются. Однако это далеко не так.

В XI столетии на территории Запорожья и на Дону появляются казаки. Кто их предшественники, до сих пор неизвестно. Хотя российские историки утверждают разное: то

Предлагая вниманию читателя небольшой исторический очерк, мы знаем, что публикация его вызовет

они считают, что казаками были чистые славяне, то причисляют казаков к потомкам гуннов или печенегов. Внешние расовые признаки однозначно указывают, что казаки - продукт смешивания нордических и динарских народностей. Совершенно очевидно, что остатки затерявшихся в степи германских народностей смешались со славянами и другими арийскими и кавказскими народностями. Из них возникает племя воинственных касогов (казаки - более позднее обозначение). Этот народ воинственных наездников слерживает вторжения чужих народностей, а также сам активно участвует в небольших боевых походах на другие земли.

После вторжения монголов казаки подверглись серьёзным притеснениям. Часть их спаслась бегством в горы, другая часть отправилась в Московское княжество. Там они стали оседлыми, и жили как волные казаки. Историк из Генуи сообщает о том, что в 15 веке казаки (бродники - так их называли турки) изъясняются на смешанном языке. Нельзя утверждать, что казаки разговаривали только на украинском или только на русском языке. В конфликтах между Польшей, Москвой и Турцией их можно было встретить как на стороне Москвы, так и на стороне Польши. Иногда случалось и так, что казаки самостоятельно выступали против Турции.

После подписания мирного договора в 1654 году, московскому царю всё же удалось переманить казаков на свою сторону. Они получили особые права и привилегии, ведя образ жизни, имевший много общего с образом жизни германского крестьянина-воина. Эти крестьяне-воины степей имеют немало общего с западным рыцарством тех времён, одновременно напоминая арийских князей на Кавказе. Они постоянно выступают на борьбу против надвигающихся азиатских орд, защищая от их вторжений Западную Европу. Происходит это в эпоху, когда Европа ослабляет себя внутренней религиозной борьбой и бессмысленными конфликтами (Крестовые походы, Реформация и т.д.).

Кроме запорожских и донских казаков, позже появляются кубанские, терские, горные, оренбургские, уральские, сибирские, забайкальские, енисейские, уссурийские и амурские.

Казаки живут компактными поселениями, называемыми станицами. Более мелкое поселение называется хутором. Несколько хуторов объединяются в станицу. Во главе станицы стоит атаман, избираемый на собрании, в котором участвуют только мужчины. Как символ чести, атаману вручается булава с выгравированным на ней изображением Мёртвой головы. Во времена служения царю на булаве также вырезались следующие слова: "За Бога, Царя и Отечество!" Если во время общего собрания атаман поднимал булаву, это был знак всем присутствующим замолчать. Выборному атаману добровольно подчинялись все казаки. Во время народных собраний (состоящих только из мужчин) принимались наиболее важные для всего народа решения. Так решались судьба войны или мира, раздел территорий, выносились судебные решения. У атамана было три казака-советника, два писаря, один казначей, десять казаков-охранников (нечто вроде полицейских). Суд и вынесение приговоров за небольшие и маловажные проступки входили в полномочия атамана. Верность и честь - вот те основные понятия, которые передавались не только членам семей, но, прежде всего, молодым воинам. Воры исключались из сообщества. Женщины не имели доступа к общим собраниям.

Женщина была ответственной за ведение домашнего хозяйства и пользовалась большим почётом. При выборе супруга был установлен строгий отбор. Если казак хотел жениться, ему полагалось выбрать супругу, происходящую только из казачьего рода. Исключением было лишь разрешение казаку выкрасить красивую девушку, происходящую из одного из кавказских народов. Если казак желал взять в жёны казачку, отец девушки был вправе дать (или не дать) своё согласие на этот брак. Институт расторжения брака отсутствовал. Если жена изменяла мужу, он сам мог её наказать. В этом случае он был вправе её избить. Запрещалось вступать в брак с монгольскими и еврейскими женщинами. Празднование свадьбы длилось несколько дней. По пути в церковь молодую пару сопровождали конные казаки (боевые товарищи жениха).

После Крещения казаки стали принадлежать Православной Церкви. Они живут строго по канонам своей веры, постятся (не употребляют в пищу ни молока, ни мяса) перед Пасхой и Рождеством. Они являются защитниками Церкви. В возрасте 19 лет каждый казак (у запорожских, терских и донских казаков) призывался в специальный военный лагерь, расположенный, как правило, на острове. Запорожские казаки соорудили свой военный стан на острове Хортица, донские - на одном из островов Дона (недалеко от города Новочеркаска), терские - на острове Чечен (в месте впадения реки Терек в Волгу). Подобные мужские боевые сообщества были характерны для норманских варягов. Военственное семейство казаков является по сути германским.

В царские времена 19-тилетний казак в обязательном порядке призывался на воинскую службу. В зависимости от степени пригодности, он зачислялся в кавалерию, пехоту или же артиллерию. Призывник проходил 9-ти месячный курс обучения, а уже в декабре того же года казак вместе с конём, седлом и шашкой, зачислялся в определённый полк. Причём коня, седло и шашку казак брал с собой из дома при призыве на службу (это его личная собственность). Бедные казаки, имевшие одну лишь шашку, направлялись в пехоту или конные полки, где получали коня и седло. Полная экипировка казака включала в себя: коня, седло с седельными сумками и вьюком, шинель, два комплекта униформы, три комплекта белья, головной убор, винтовку, пистолет и шашку. Комплектность экипировки проверялась военными комиссарами. Срок действительной службы составлял 3-4 года. Полк делился на сотни. Сотни составлялись по признакам одинаковой конской масти. Большое значение придавалось дисциплине и боевому товариществу. За высокие показатели в стрельбе и искусство владения конём полагались поощрительные призы. Наиболее талантливые казаки направлялись в офицерские училища. После прохождения действительной службы казак отправлялся домой и зачислялся в резерв, после чего был

обязан периодически являться (в полной экипировке) для регистрации. По истечении 5-ти лет с момента зачисления в резерв, казак имел право продать своего коня.

После прохождения воинской службы, казак имел право на ношение оружия (право появляться при оружии на мужских собраниях). Кроме того, после прохождения воинской службы казак получал право голоса на мужских собраниях. Казаку также передавался в собственность земельный надел. Получив землю, он становился самостоятельным крестьянином, вольным заниматься любым видом хозяйственной деятельности. Во время народных собраний атаман обязан был представить полный отчёт об общем имуществе сельской общины (громады). Это, по сути дела, напоминает германские племена, у которых также имелось общее имущество: пастбища, жеребцы, сельские воли, рыбные и охотничьи угодья. Они также имели общие школы. Дети чужих народов не имели права посещать казачьи школы. Управление имуществом сельской общины (громады) осуществлялось атаманом. В свободное время казаки занимались охотой и рыбной ловлей.

По политическим причинам Екатерина II ликвидировала Запорожский казачий стан на острове Хортица, расселив казаков по берегам Чёрного моря. Так вскоре возникают кубанские казаки, основавшие впоследствии Екатеринодар (Краснодар); актом признательности великой императрице служит сооружённый кубанскими казаками памятник (в Екатеринодаре) в её честь. Кубанские казаки неодноразно получали от царей экономические и военные привилегии. Именно из их числа набиралась царская лейб-гвардия. В лейб-гвардию отбирали высоких, крепких и красивых мужчин - выходцев из кубанских казаков. Один из лейб-гвардейцев охранял царских детей. До сих пор кубанские казаки гордо демонстрируют фото, на котором один из казаков запечатлён с единственным сыном Царя.

Донские казаки, как уже упоминалось, имели свой военный стан на одном из донских островов. Лишь в 1654 году царь заключает с ними мирный договор; с этого момента

мирные договоры заключаются и с другими казаками, то есть они действительно являются свободными крестьянами-воинами. Они становятся верными защитниками царской державы.

Терские казаки, как уже было сказано, имели военный стан и укрепления на острове Чечен (в месте впадения реки Терек в Волгу - *так у автора, ред.*). Они не желали подчиниться царю Ивану IV. Это привело к тяжёлой войне и к поражению казаков. Уцелевшие бежали в горы и стали так называемыми горными (*гребенскими - пер.*) казаками. Спустя некоторое время, они признали власть московского царя. Царь активно использовал горных казаков в борьбе с татарами. После победы над татарами царь дозволил казакам вновь вернуться на свои земли. В целях укрепления казачьего рода, на эти же территории были направлены переселенцы (1000 семей) из числа донских казаков и 500 семей из Поволжья, поселённых на Тереке.

В быту, нравах и жизненных устоях казаков разных групп нет больших различий. Некоторые обычаи были адаптированы ими к отношениям, возникшим в том или ином районе расселения. Отличительными чертами казачьего характера являются: мужество, отвага, ревностное отношение к чести и высокое чувство личной ответственности. Такие отличительные черты казачьего характера, как притупленное чувство меры и отсутствие сдержанности, объясняются негативным генетическим наследием. Особенно характерным отличительным свойством казаков является их гостеприимность. Казак никого не оставит стоять на пороге. Если гостю особенно понравится какая-либо вещь в доме у казака, эта вещь будет непременно подарена гостю. Горные и уральские казаки приспособили свои обычаи к обычаям, распространённым в горских областях.

Русские цари расселяли казаков в областях, наиболее подверженных внешним угрозам и нападениям. В завоевании Западной и Восточной Азии казаки принимали непосредственное участие в качестве ударной силы царской армии. Казачьи части вторгались на чужие территории, завоевывали их, воздвигали свои остроги (небольшие укрепления), обеспечивали контроль и мир на этих землях. Ударные казачьи группы формировались из 50 или 100 человек и

именовались сотнями. Бывшие хозяева завоеванных земель вытеснялись, а остатки населения подчинялись и политически преобразовывались. Вскоре казаки становятся в первую очередь воинами, предоставляя занятие сельским хозяйством работникам, происходящим от военнопленных, подаренных казакам самим царём. В пору расцвета казачества потоки переселенцев со всей империи устремились на казачьи земли. Переселенцы приносили особую клятву, после чего включались в общину, получали свой участок земли и право участия в мужских собраниях станицы. Кроме того, в целях укрепления казачества, царь начал направлять в казачьи поселения солдат, отбывших армейскую службу. В 1835 году донские казаки были вынуждены просить царя издать специальный Указ о запрете (*"иногородним"* - *пер.*) переселяться на казачьи земли.

После распада царской империи казаки поднялись на борьбу за свободную республику. В 1917 году они провозгласили её на Северном Кавказе. Большевики всеми силами пытались уничтожить эту вновь объявленную республику. После 4-х летней борьбы казаки были вынуждены уступить превосходящим силам противника. Казаки рассказывают, что, начиная с этого времени, еврейские комиссары жестоко угнетали их народ. Казаков (мужчин), которые не были убиты, отправляли на каторжные работы. В 1929 году казаки вновь встали, уже в качестве контрреволюционеров. Они отвергли требование большевиков раскулачиваться. Восстание было подавлено. В стране большевиков

они были вынуждены расстаться со своими особенностями и культурной автономией. Война, начавшаяся в 1941 году, заставила большевиков вернуть казакам их характерные черты и самобытность. С этих пор казакам вновь дозволяется носить свою традиционную одежду и оружие. За ними вновь признаётся право на прежний национальный костюм. Так большевики надеются переманить этих отважных воинов на свою сторону. Большая часть казачьих полков использовала первую же представившуюся им возможность для того, чтобы перейти на сторону немцев. Казаки стремятся вместе с немцами победить в этой войне. Они мечтают о том, что после войны с немецкой помощью создадут своё собственное государство.

Война на стороне Германии - это зов германской крови, побудивший к этому шагу свободолюбивых воинов-крестьян. О славянском праве и о славянских обычаях у казаков мне ничего не известно и никогда не сообщалось. Кроме того, во всех рассказах и повествованиях о казаках отсутствуют описания черт, характерных для чуждых рас.

В своих трудах Тацит говорит о схожести казаков с германскими племенами: "Крепкое тело, сильные мышцы, смелые поступки. Они умны и сообразительны. Они признают своими вождями избранных ими мужей, подчиняются этим вождям, соблюдают порядок и военный строй, изучают слабые места врага и используют их при нападении. Они полагаются не на удачу, а на смелость. Они возлагают больше надежд на своих вождей, нежели на войско".

Начало борьбы казаков с красными

Отряд войскового старшины **Николая Григорьевича Назаренко** одним из первых начал борьбу с большевиками во Второй мировой войне на казачьих землях.

Казак станицы Старочеркасской Области Войска Донского, он родился в 1911 году. Его отец в чине есаула погиб в 1919-м в гражданской войне на юге России, как и почти все мужчины их рода. Спасаясь от красного террора, мать с маленьким Николаем бежали с Дона - сначала к Черноморскому побережью, где остатки казачьих частей подверглись *"ужасам невероятной по своей кровавости расправы красных орд"* (здесь и далее - цитаты из воспоминаний и писем Н.Г. Назаренко), а затем в Крым. Эвакуироваться оттуда не удалось, и тогда они двинулись в Одессу, надеясь попасть на какой-либо из пароходов.

В Одессе вместе с такими же беженцами от большевиков им пришлось скрываться в каменоломнях *"среди трупов бесчисленного числа тысяч людей, куда они грузовиками сваливались после массовых расстрелов органами Чека"*.

В конце 1920 года они, наконец, смогли выскользнуть из Одессы: добрались до Днестра и, перейдя его по льду, попали в Бессарабию. По румынским законам, выходяцы из этой страны и присоединённых провинций (Бессарабия, Буковина и др.) или имевшие в них родственников (Назаренко - казаки бывшего Дунайского Войска, прадед Николая жил в станице Акмангитской в Бессарабии до 1929 года) автоматически становились подданными Румынии. Благодаря этому мать с сыном были допущены на жительство в Акмангитской станице.

Николая приняли в Кишенёвский военный лицей, затем он поступил в военное кавалерийское училище в Тырговище и, окончив его, вышел лейтенантом в 1-й гусарский полк Румынской армии. Отбыв в полку положенный полугодовой ценз, в 1931 году он был переведён в отдел военной контрразведки 3-го армейского корпуса, *"занятого жестокой борьбой с кишевской в Румынии советской диверсионно-шпионской агентурой"* и болгарскими *"комитаджиями"* в Добрудже от Дуная до болгарской границы. До начала 1933 года Назаренко дважды награждали за храбрость и произвели в чин старшего лейтенанта.

В мае 1933-го, получив боевое задание румынской военной разведки, он двинулся вплавь через Днестр в СССР. Уже у самого советского берега пришлось вступить в перестрелку с пограничниками. Раненого в область сердца, его захватили в плен - однако документы были унесены течением, что лишило чекистов прямых улик против него.

В Тирасполе его посадили в подземную клетку, и до конца 1934 года Назаренко прошёл в НКВД весь "кон-

вейер смерти". Он не "раскололся" и, видимо, это обстоятельство спасло его. Постановлением Особого Совещания от 6 декабря 1934 г. Назаренко приговорили к расстрелу - но, *"принимая во внимание отсутствие других вещественных улик"*, заменили расстрел максимальным сроком в 10 лет в Ухто-Печорских ИТЛ НКВД.

Далее последовали этапы и лагеря, побеги из них - пока к

1941-му Назаренко не оказался на Кавказе, в горско-казачьем отряде, действовавшем против местных советских органов. С началом войны положение партизанских отрядов здесь сильно осложнилось: на Кавказ прибыли *"значительные части войск Дальневосточной армии... и теперь они приняли участие в преследовании и блокировании партизанской деятельности"*.

Для Назаренко оставалось два выхода из этого положения: первый - *"перебраться в Турцию, а оттуда, при содействии дипломатического представительства Румынии, благо я являлся офицером армии последней - на Восточный фронт"*, и второй - *"перебраться в причерноморские районы Донского Войска и действовать там до подхода германских войск, с тем, чтобы присоединиться к ним"*. Выбрав последний путь, он разделил свой отряд из 82-х бойцов на группы по несколько человек, снабжённые соответствующими документами (*"бланки и печати которых мы в свое время захватывали при налетах на местные органы милиции, аул-советы, военкоматы и т.п."*).

В конце сентября 1941 года отряд собрался в условном месте за Ростовом и начал действовать на коммуникациях отходивших на восток частей Красной армии. Численность его скоро составила более 400 бойцов, благодаря вступившим в него "штрафникам" из отбитых у конвоиров партий заключённых.

Перед рассветом 16 октября отряд, переодевшись в красноармейскую форму, пошёл под видом подкрепления к обороне восточного предместного укрепления Лакадемовской переправы на Миусе, захватил его и, используя все боевые средства этого участка - *"станковые пулеметы, минометы и лёгкие пушки, укрытые в бетонных сооружениях с изрядным запасом амуниции, стал сдерживать бешенный натиск стремившихся драпнуть через эту переправу на восток частей 9-й красной армии. Круто пришлось там, когда со стороны Таганрога нам ударил в тыл красный батальон с несколькими танкетками и броневиками"*.

Но - *"Бог не без милости, а казак не без доли"*. Подоспевшие немецкая танковая рота и механизированные стрелки армейской группы генерала Виттерсгейма,

Командир сотни
1-го Донского
полка ротмистр
Н. Назаренко

прорвавшейся севернее через Новониколаевскую переправу, спасли отряд от гибели.

После переговоров с немецким командованием, едва не закончившихся для русских большими неприятностями, отряд Назаренко вошёл в состав этой армейской группы как казачий "ауфклерунгсбайтгунг" (разведывательный отряд) - став первым из начавших после этого создаваться на восточном фронте многочисленных казачьих отрядов.

Приняв участие во взятии Таганрога и Ростова, отряд отошёл вместе с немцами 29 октября 1941 г. на позиции у Санбека, где и провёл всю зиму и весну 1942-го, совершая десантные операции за линией фронта, в районах 9-й, 56-й и 58-й Отдельной красных армий.

23 июля 1942 г. отряд участвовал во втором взятии Ростова, после чего его включили в состав 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста, двинувшейся к Грозному. Ввиду ранения Назаренко (в бою под селом Дивное на Маныче), отряд задержали там на 11 дней, а затем двинули на восток к Каспийскому морю в состав 16-й немецкой моторизованной дивизии - против укрепленного района красных. Дивизия непрерывным передвижением своих войск занимала фронт в 150 километров, опираясь на содействие местных казачьих - ставропольских, донских и кубанских, калмыцких и горских отрядов.

Действовавший на правом, южном фланге немецкой дивизии конный отряд Назаренко не раз сталкивался с частями 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса красных (затем 2-й гвардейский кавкорпус). Первая дивизия этого "казачьего корпуса" была сформирована в Ростове 15 июля обкомом партии и состояла в своём большинстве из иногородних.

"Лупили мы этих "казаков", как чертей, и в Ростове и за Доном, в наступлении к Грозному, в Сальских степях и Ставропольщине. На последней доставали мы своей казачьей дланью также и тех таких же "казаков", которым удалось туда выскочить после "бани" под станцией Кушевской, заданной там их такому же 17-му "Кубанскому Казачьему" кавкорпусу генерала Кириченко, переименованному в награду за своё поражение в 4-й гвардейский "Кубанский Казачий" корпус.

В боях с частями этих "казачьих" корпусов, так же как и в рейдах в районы их расположения, мы набирали уймы пленных, а потому могли воочию убедиться в том, что они только по форме одежды были "казачьими" и в массе состояли из пришлых на казачьи земли, получивших от Москвы в собственность пепелища истреблённых, раскулаченных или сосланных на погибель наших родных братьев.

Коренных казаков в этих корпусах - "Донском" генерала Селиванова и "Кубанском" генерала Кириченко - было лишь "кот наплакал", и они при каждой возможности перебежали в наши казачьи отряды. При этом, конечно, бывали и неудачи, за которые они платились жизнями, будучи расстреливаемыми в показательном порядке перед строем для соответствующего устрашения всего его состава. Об одном из таких случаев и свидетельствует сквозь зубы в своей книге "Кавказские записки" майор НКВД В. Запуткин, всемерно старающийся выдать в ней за казаков вышеупомянутый пришлый элемент".

14 октября 1942 г. казаки, по шестидесяти более чем 20-ти лет, отмечали свой Войсковой праздник. Сотник Назаренко получил краткий отпуск и по приглашению Походного Атамана полковника Павлова приехал на праздник в родную Старочеркасскую, побывав и в станции Новочеркасской, где познакомился со всеми чинами штаба Походного Атамана.

На рассвете 15 октября Назаренко с несколькими казаками вылетел с полевого аэродрома Новочеркаска в

Сталинград, куда уже перебросили его отряд, принявший участие в завершающих боях немцев по овладению последними опорными узлами Сталинградского тракторного завода и выходу к Волге.

Тяжело пришлось отряду против частей 62-й и 66-й красных армий в районе Рынок и Орловки. А 18 ноября казаков бросили в стык левого фланга 6-й немецкой и правого фланга 3-й румынской армий (384-я германская пехотная дивизия и 1-я румынская кавалерийская дивизия) у хутора Мелоклетский с разведывательным заданием за Доном - воздушную разведку парализовали густые туманы. Выполнить задачу не удалось. На рассвете 19 ноября огневой вал "катюш" и всей сконцентрированной на плацдарме артиллерии красных смёл правый фланг 3-й румынской армии, после чего на него хлынули войска 21-й полевой и 5-й танковых армий с приданными им многочисленными кавалерийскими и иными частями.

Дивизион "Дон" 1-го Донского полка. В центре - командир дивизиона ротмистр Хаусдорф, слева командир эскадронов ротмистры Котиков и Назаренко (сзади в фуражке), далее лейтенанты Миллер, Назаров и взводные офицеры

В то же время за линией участка фронта, по всей полосе от Сталинграда до Воронежа, все станицы и хутора были набиты десятками тысяч казачьих беженцев с верхней части Донского Войска. Многие жили прямо в поле, в палатках и наскоро сколоченных хибарах, в надежде, что с весенним наступлением немцев они смогут вернуться в свои дома. Никто не мог и предположить, что последует дальше...

"Покрытые адским огнём артиллерии красных глубиной до 18 километров, уцелевшие от него, тысячами толпами кинулись на юг и юго-запад, в тщетной надежде спастись от своих "освободителей". Вот тут-то, 19 ноября 1942 года танковые, кавалерийские и иные соединения этих "освободителей", наступая, впервые стали вопить: "дави немецких колхозников!", кромсая их тела в кровавое месиво гусеницами танков, мехтранспортёров, самоходных пушек, шинами "катюшных" грузовиков и копытными копытами, не жалея при этом ни пуль, ни огнемётного огня, ни сабельных ударов и прикладов по тщетно пытавшимся увернуться от этого казакам, казачкам, их детям и старикам.

Этот клич - "дави немецких колхозников" - с такой "освободительной" расправой был подхвачен на другой день и теми их армиями, которые тогда прорвались и на левом фланге 4-й румынской армии на юге Сталинграда, затем соединились с первыми 22 ноября у Калача, а после двинулись на запад. Его слышали и испытывали на себе казаки, калмыки, ставропольцы и северо-кавказцы, уходя кто как - тысячными группами, толпами и караванами - с родных земель по южной Украине, в Румынии, Болгарии и Венгрии до конца войны..."

12 декабря с большими потерями отряд Назаренко вырвался из Сталинграда и с 19 декабря 1942 г. уже входил в состав боевой группы полковника фон Паннвица.

В конце февраля 1943 года отряд сняли с Донского фронта. Как и другие казачьи отряды, на основании приказа генерал-полковника Клейста о формировании казачьих полков, он двинулся на Украину, в пути был развёрнут в 1-й Донской полк и в первых числах марта прибыл к месту назначения - в село Музыковку под Херсоном. Там он стал ядром создания полков 1-й Казачьей кавалерийской дивизии генерала фон Паннвица.

Войсковой старшина Н. Назаренко

Н.Г. Назаренко в эмиграции (США)

П. С. (К.)

"Великое предательство" (Москва, издат-во "Посев", 2009 г.)

Пеш-пехотинец

*Казаки вы казаки, военные люди,
Военные люди, никто вас не любит...*
(из казачьей песни)

Отметили Антону Ивановичу 90-летний юбилей пышно и весело, а он через неделю взял да и слёг. Пришла я его проведать, а он и говорит:

- Помру я скоро. Хочу, чтобы по-нашему, по-казачьи схоронили. Тебе поручаю. Чтоб коня вели буркой накрытого. Коня чтоб вели обязательно!..

Скоро деда Антона не стало. Узнала об этом в день похорон. Хорошо, что с утра. Коня, коня надо! А в ответ:

- Сами знаем! Уже договорились.

Кинулась в военкомат, в воинскую часть за почётным караулом. Пока выделяли отделение - новопреставленного выносить надо.

- А конь?

- Нет коня. Один трепач пообещал, да слова не сдержал.

Ладно, что поделаешь? В такой стране живём, что ни жизни нам нормальной, ни смерти человеческой, ни похорон достойных. Во всём мире последняя воля умершего - закон для живых, а у нас и этого не вышло.

Несли Антона Ивановича Матухнова казаки на руках. Со всех отделов прибыли при полном параде, да ещё половина Кисловодска за гробом шла. Поминали деда добрым словом, говорили речи, плакали. Над могилой стреляли военные, отдавая последнюю дань защитнику Отечества - а коня под чёрной буркой не было. Родился дед **Казак**ом, а умер - пеш-пехотинцем...

При жизни часто заходил Антон Иванович к моему отцу. Сидели за столом, пели про родную Кубань, про бурки чёрные, про снежочки. Рвали душу воспоминаниями. Много лет прошло, когда я случайно встретила деда Антона.

- Я тебя помню. Ты Мышкина дочка.

С бекешевским акцентом (вернее - "хохляцким") сказал дед и засмеялся.

- Казак был твой отец! Казак! Помер. Некуда мне теперь пойти, да по душам поговорить.

После смерти папы и мне не с кем душу отвести. Понял это Антон Иванович и стал заходить к нам по старой памяти.

В нашем городе считали деда чудаковатым. Наденет черкеску, кубанку, сапоги, кинжал на поясе. Борода лопатой, густая, веером по груди, а на груди иконостас из государственных, казачьих наград, и марширует в церковь. В церкви стоял как на смотру - вытянувшись в струнку. Кинжал из ножен на три пальца вынут. Таков у казаков порядок. Крестился, кланялся по-старинному, не торопясь. Пел все молитвы, а рядом с ним была сердобольная старушка-соседка. Она готовила Антону Ивановичу обеды и приносила к нему домой. В доме у деда была идеальная чистота и порядок. Парадная казачья форма тщательно вычищена, сапоги блестели, ордена и медали сверкали. Одна форма - парадная, другая повседневная, а третья - на всякий случай. В каждой черкеске лежали карамельки. Это чтобы "детешек угостить". Любил старик детей. Хвастал, рассказывал, какой внук у него умница!

Часто приглашали Антона Ивановича на встречи со школьниками. Приходил он в черкеске, шёл по школе, чеканя шаг, позванивая наградами, и никому бы в голову не пришло, что это идёт инвалид Отечественной войны, инвалид первой группы с тяжёлым ранением в позвоночник. Никто не знал, как болит простреленная спина и ноги, какие кошмары ему сегодня снились, как стонет душа. На встречах старик рассказывал только о войне, как будто другой жизни у него не было.

Писали о нём газеты большие и маленькие, но нигде и словом не обмолвился Антон Матухнов о том, что казак, и только за это получил 10 лет лесоповала. Мне давно хотелось спросить деда Антона, какого он роду, откуда фамилия такая взялась и почему он на абрека похож.

У нас в станицах только и слышишь: "Моя бабка была персиянка!.. А моя турчанка". Да все красавицы писаные.

По семейным преданиям выходило, что когда казаки приходили "воевать" персов, турок или курдов, то те первым делом выстраивали рядами своих красавиц: "Выбирайте, мол, дорогие казаки, наших красавиц, везите в станицу".

Да, бывали случаи, что привозили казаки пленных "ясырок" и женились на них. Иногда воровали, у родников караулили. Подойдёт девица с кувшином, наклонится к воде, а он её хватит. Перекинул на коня и - "Митькой звать..."

В этот раз привёз запорожский казак в станицу двух малышей. Подобрал их в брошенном ауле. Страшненькие, носатые, чёрные. Плачут: "Матушка, матушка..." Казак оставил детей у себя. Была у него дочурка, а вот мальчиков не дал Бог. Окрестили маленькой, дали православные имена, фамилию - "Матухновы". Воспитали на свой, казачий лад. Не красавцы, но казачек - жён подобрали, что надо. Вот от этих молодцов и пошёл род: "Чи татары, чи турки, чи ишшо чё..."

Родился Антон Иванович 5 июня 1910 года в станице Бекешевской Баталпашинского отдела Кубанского войска. Жили хорошо. Было во дворе 4 быка, 2 кобылы, 3 строевых коня, полсотни овец, а уж кур, уток и гусей - без счёту. Пасека. Под навесом плуг, борона, букарь, каменный каток (зерно молотить), грабли конные и другого инвентаря в достатке. Не хуже других жили. Работали и работали.

- С семи лет себя помню, семи лет читал, хорошо считал. Уже тогда пас овец. Однажды мы с братом Василием пасли овец неподалёку от дома. Вдруг зазвонили колокола - большевики созывали народ на митинг. Собрали стариков из самых богатых и под конвоем повезли к Тупенькой - это небольшой бугорчик у горы Бекет. Приехал красный командир Юдин на тачанке. Старики выкопали яму, и Юдин приказал старикам рубить головы. Мы всё это видели. Юдин нас заметил и кричит:

- Вон отсюда, скотина комолая! - безрогая, значит.

Не знаю, сколько казаков они там положили, только утром земля в яме шевелилась. Гришу Рудиёва, троих Гусевых, деда Яшу Кравцова зарубили. Дед Кравцов слепой был. Всех уже не вспомнить. Да все станичники знают, где стариков порубили.

Многие бекеши до сих пор помнят, как бесчинствовала "героиня" Гражданской войны Татьяна Соломаха. Её имя носит одна из улиц Армавира. Это её команда грабила станичников. Отнимали наградное оружие, ордена, драгоценности, а потом "тащили к копани", рубили головы и сбрасывали трупы казаков в колодезь. Им по своим зверствам не уступали красные "казаки" Северо-Донецкого полка.

- Забрали весь скот и погнали в станицу Суворовскую, но наша корова сбежала и пришла домой. Быки были в поле, вот и остались. Забрали нашего батька. Казаки и батька поехали в Невинку к Шкуро на помощь. Их перехватили красные и всех порубили. За моего отца заступился брат Гришка, он у красных был. Так отец остался жив.

11 января 1918 года был подписан декрет о продразвёрстке и начался узаконенный беспределный грабёж. Выгребали всё до последнего зерна, и посевное, и фуражное зерно. Всё. Начался голод, тиф, холера. В 1921 году разразилась засуха. В 36 областях страны не было урожая, но в это время, когда свои граждане, взрослые и дети, умирали в страшных муках от голода, правительство продало за рубеж 108 миллионов пудов хлеба! А в 1932 году 180 миллионов центнеров пшеницы!

Однажды Антон остался дома. Пришли мальчишки и говорят: "Давай покурим!" Деды же курят. Табаку не было, так взяли сухой конский навоз, сделали, как дед "самокрутки", и начали курить этот "турецкий табак".

- Не передать какая гадость! Я задохнулся, слёзы потекли, и тошнило, и рвало!

Тут понял сорванец, что натворил.

- Пошёл я к дедушке. Старик строго за нами приглядывали. Мы никогда не ввали даже друг дружке, не говоря уж о родных. Пришёл к дедушке и говорю, что я нашкодил. А дед и говорит: "Отец и тебя за это убьёт и меня". Дед повёл меня к бабе Катре - вдове генерала (фамилию

забыл). Они посоветовались, и повела она меня на Волобуев хутор. Далеко за Поповы курганы, где потом Сухожёрская коммуна была, в стрелке рек Ташлы и Тамлыка. Хозяин хутора дед Иван Волобуев богатый был в ту пору. Его сын Николай Иванович Волобуев после Отечественной войны у нас в военкомате работал, другой его сын Яков утёк за границу. На Волобуевом хуторе я жил в рабочих у деда Киреева. Там, под Сычёвыми горами, у них земли были. Жили они в Бекешевской возле кладбища, почти у нынешней автостанции. Напротив "Склизун" - фельдшер. Вот клички помню, а фамилии забыл.

- А "Манурик"?

- Это Ковалёв.

- Ивана Семёнова помните?

- Конечно! Их, Семёновых, звали почему-то "Джиба"...

Привёз дед Антону рубашку, черевички, штаны, и пошёл казачок с отарой овец.

- Тяжёлый труд чабанский, ой тяжёлый. Спали мы на специальных стульчиках. На коленках. Обопрёшься о стульчик, руки на спинку, а на них голову. Это чтобы крепко не спать. Только вздремнул, - собаки залаяли, тут же вскочил и к овцам. Волк ли, грабители, а может просто путник. Прошло несколько месяцев и приехал отец, чтобы меня домой забрать, а я с перепугу в камыши спрятался. Долго звал меня отец, кричал, но я не вышел. Уехал отец домой ни с чем, а Антон Иванович прожил у Киреевых в рабочих почти 10 лет; что сами ели, тем и работника кормили. Сытно, вкусно: "Уже мяса я у них попоел!"

Быстро время пролетело, не успел оглянуться, уже семнадцать лет для казака - возраст ответственный. Жениться пора. До призыва в армию - чтобы потомство оставить. Такой порядок. Позвал дед своего сына Михея и говорит Антону:

- Ты парень хороший, работающий. Мы к тебе все привыкли. Оставайся с нами, женись на моей внучке. Я оставлю тебе хату, пару быков, коней тебе купим.

Но Антон ни в какую:

- Ваша Манька, эта "Дрэля" дерётся, в глаза кидается, а я же не могу её побить.

- Да ты ей дай, чтобы она перекинулась!

- Ага, а Тимоха ваш. Он постарше и будет меня лупить. Он же меня за сестру заперет!

Вздыхнул тяжело дедушка:

- Ну, раз так, желаю тебе самого лучшего.

Насыпал хозяин работнику полный "парус" - большое брезентовое полотно - отборной пшеницы и говорит:

- Вот тебе старый кожух, вот тебе новый кожух. Вот тебе старая свитка, вот тебе новая свитка, вот тебе старые сапоги, вот тебе новые сапоги.

И так и штаны, и картуз, и папаху, и рубашки. Всё новое. Да в придачу 180 рублей! Большие по тем временам деньги.

- А теперь с Богом!

Поблагодарил парень своего благодетеля и пришёл домой. Родители обрадовались. Стали подыскивать невесту. Решили сватать дочку одного офицера,

- Эту девку я видел один раз на площади. Когда родители договорились, отнесли деньги на подвенечное платье, туфли, фату. Всё необходимо для невесты к свадьбе покупалось за счёт жениха.

В субботу вечером Антон Иванович хозяйство управил, побрился, свеженькую одежду надел, на коня сел и поехал к невесте. Тихо подошёл к дому. Окно открыто, а она с другим в кровати. Жених осторожно открыл дверь и вошёл в хату. Когда они его увидели, то так испугались, что шевельнуться не могли, а потом парень сиганул в окно, даже черкеску забыл.

- Я ей говорю - мне такая жена не нужна.

Приехал казак домой пригорюнился. Как быть? С отцом говорить нельзя. Рассказал старшему брату о своём горе. Тот говорит: "Вот и хорошо!" Отец забрал у родителей невесты деньги. Буря в душе Антона Ивановича улеглась. А жениться-то надо. Сроки жмут. Тула-сюда - и в армию! Друг говорит: "Давай с Надеждой Гречкиной познакомлю". А тогда в станицах был обычай: по субботам вечером собирались молодые люди на посиделки. Девушки приходили с рукоделием, с жареными семечками. Парубки приносили пряники, конфеты. Разговаривали, пели песни, рассказывали весёлые истории, а хозяин дома строго следил, чтобы никаких безобразий не было. Потом вся кампания укладывалась спать. На пол стелили вой-

лочные полсти, бросали одеяла, подушки. Спали одетыми, и не дай Бог, чтобы парубок до девки дотронулся. Такое в голову никому придти не могло.

- Пришёл я с другом к Гречкиным вечером. Познакомились с родителями, поужинали, поговорили. Надежду я увидел. Понравилась. Легли спать. Она на кровати, а я с другом и её старшим братом на полу. До рассвета всё обдумал и спросил Надю: "Пойдешь за меня замуж?" Она смутилась и, подумав, сказала: "Пойду". Я старшему брату Василию, а он на 8 лет меня старше, говорю: "Девка хорошая. Женюсь".

Пошли сватать девушку дядя Стефан и брат Василий. Через три недели в субботу у неё был девичник, а в воскресенье Матухнова Антона и Надежду Гречкину обвенчали. Женился казак, а невестка не ко двору пришлась, не понравилась родителям, и пришлось Антону Ивановичу идти в "примаки" - в семью тестя. Позорное, конечно, для мужчины дело, но что поделаешь! Купил Антон пару быков за 70 рублей, здоровые быки - "рога не достанешь". Но этого же мало. Чтобы пахать да сеять, тягло нужно, инвентарь разный. Пошёл Матухнов к деду. Пришёл днём, а дед как закричит:

- Ах ты, сукин сын, ты почему днём пришёл? Днём работать надо! Приди ночью, чтобы тебя никто в станице не видел, что ты без дела шляешься!

Уже ночь на дворе, а я всё не иду. Боюсь, побьёт меня дед. Жена: "Иди, да иди!"

Пошёл Антон Иванович, боится деда. Побьёт. Дед был высокий, могучий старик, с характером. Пришёл вник к деду, сердце колотится. Над дверью в хату - иконка. Перекрестился, зашёл в хату - в красный угол - перекрестился. Поздоровался.

- Садись ужинать.

- Спасибо, я уже поел.

- Сколько тебе, сынок, денег дать?

И сам стал считать: уздечки надо, потники, хомуты, сбрую, "брычку". Посчитал даже "мазнычку" - небольшое ведёрко и квач с берёзовым дёгтем. Этим дёгтем смазывали все трущиеся детали брички, сбруи, им же смазывали раны и потёртости у животных. Берёзовым дёгтем смазывали трещины на руках. Насчитал дед 200 рублей и дал внуку взаймы. К осени отдал Антон Иванович долг и зажил хозяином.

Обжился, а тут начали "кулачить". Всех, кто работал, от зари до зари, всех раскулачили и потом в ссылку: Ивана Деркачева, Андрея Кривобокова, Петра Козлова, Михаила Савенко, многих других.

- Меня два раза до ссылки судили. И соседку нашу Зинку Конкину судили, и тётку мою Акулину судили. Ни за что. Мы с братом Василием, он погиб в Великую Отечественную, вывозили в 1932 году зерно. Урожай был очень хороший. Возили мы хлеб день и ночь. Везли и везли, как в пропасть какую. Коней замучили. Кони стали падать от усталости. Нас с братом посадили в тюрьму за саботаж! Скоро освободили. Работать-то некому.

В этом же году арестовали в третий раз. С ним взяли всех сильных и молодых казаков. Погнали пешком через Суворовскую, Суворов курган, хутор Глебов, в Мин-Воды. Там за стекольным заводом в степи стояли вагоны для перевозки скота. Всё в навозе. Вонь. Конвоиры загнали казаков в вагоны. Набили, как селёдку в бочку. Повезли в Сибирь.

- На одной из станций я услышал, что конвоиры выкликают Бекичева Андрея Павловича. Твоего прадеда. Его сняли с нашего поезда, и больше я о нём не слышал. Мы с тобой родные. Мой дядя - Илья Бекичев. Они пошли от пленного татарина. Тогда всех мусульман татарами звали. Бекичевы - крещёные татары.

- Мне папа о Вас рассказывал. Прадедушку отправили на лесоповал в Архангельскую область. На 10 лет, а потом на вечное поселение в Таджикистан. Был он могучего телосложения и очень сильный духом, поэтому выжил...

В Красноярске выгрузили и погнали в тайгу. На лесоповал. Бараки стояли, но все не поместились. В этом поезде, оказывается, везли и женщин с детьми. Их отправили в другой лагерь.

Кушать давали сушёную картошку, грибы, иногда оленьё мясо. Мучил холод. Морозы были страшные. Плонешь, а на землю лёд падает. Спали в тайге, прямо на снегу, на еловых лапах. Ночью под открытым небом у костра. Костёр огромный до самого неба, но одна сторона тела

греется, от одежды пар идёт, а другая обмораживается. Умирали не только от голода. Больше от воспаления лёгких, от холода. То там, то здесь - окоченевшие трупы. Отошли к Богу. Отмучились.

- Кто-то умер, а я с него одежду снимаю, сушу у костра, потом на себя надеваю. Лицо тряпками замотаешь, только глаза, но и это не помогало. Обмораживали и лицо, и ноги, и руки. Рабочий инструмент: колуны, пилы, топоры. Подростки 14-15-летние обрубывали сучья, а кто постарше - рубили и пилили стволы.

Зона. Ограда из огромных 6-метровых плах. Вышки. Солдаты с автоматами. Смотрят, чтобы никто не убежал. А куда бежать? И далеко ли уйдёшь? Собаки - звери. На людей натасканы. Разрывали живых на части.

- Ночью вывозят трупы из зоны, складывают неподалёку, а их к утру собаки и звери обглодают... А теперь родных ищут. Где их найдёшь? Пол страны "без вести пропало". А кому теперь интересно, где пропали и как? Документы сожгли. Людей звери съели, и всё!.. Никто ничего не знает, и знать не хочет! И всё шито - крыто!.. Нет человека - нет проблемы.

- Но мы же ничего не знали и не подозревали власть в таких злодеяниях. Родители молчали. Уже прочитав Солженицына, Дьякова и других писателей, стали спрашивать родных. Ведь до сих пор люди не верят такой страшной правде.

- Я сам вывозил из зоны мёртвых и своими глазами всё видел, всё перенёс. На сани нагрузим по 20 трупов - и за зону. В лагере было 30 тысяч человек. Тридцать тысяч! Это же целый город! За этим лагерем был лагерь ещё больше. Там содержались люди постарше. Режим был ещё строже.

Антон Иванович не курил, никогда не пил. Был он человеком строгих правил. В ссылку попал здоровым и упитанным, в 22 года. Молодым. Вот и выжил.

"Враг народа" Матухнов по 58-й статье получил 10 лет, но не досидел. С его родственником из Ессентуков в Краснодаре, на курсах младших командиров, учился когда-то парень по фамилии Бук. Этот Бук как раз и оказался начальником концлагеря! На переключке он услышал знакомую фамилию.

- Вдруг ночью вызывают. Я понял, что на расстрел. Попрощался со всеми (плачет). Повели меня двое с автоматами. Привели к начальнику лагеря. Он как стукнет кулаком по столу: "Ну, как, бандит?" Я говорю: "Ничего". Он: "Садись. Выйдите". Охранники вышли. Он говорит: "У тебя брат есть?" А я плачу. Думаю: убьют, расстреляют. Ведь каждую ночь расстреливают. Вывозят и расстреливают. Он меня стал спрашивать. Я сказал, что женат, что оставил дома беременную жену и не знаю, кого она родила. А он говорит: "Я тебя опущу, только ты дома не появляйся, иначе тебя опять загребут".

Не добыл в ссылке казак почти два года. Дал начальник лагеря бумагу об освобождении, проездные документы. Поехал Антон Иванович через Москву, отметился в НКВД. Там ему дали ватник, шапку, да такие, что "собака на них не будет спать", ботинки, почему-то без шнурков, и приехал казак в Ессентуки.

Вечерело. Солнце подошло к горизонту и последними лучами обнял казака. Вдохнул родной воздух, проник он в каждую клеточку, омыл душу, и пошёл Матухнов за солнцем. Туда, на юго-запад, где поднимаются ледяные пики Кавказского хребта. Тут, под горой Бекет, над речкой Кумой прошло его счастливое детство. Здесь отец повёз его на коне в церковь крестить, здесь трёхлетним гладил своего жеребёнка, здесь гарцевал по пустоши. Перед глазами встали родные. Что с ними стало за это время? Живы ли? Ведь был Антон Иванович осуждён "без права переписки". Кто родился у него? Мальчик или девочка? А может и двойня?

Сгушалась темень, а тёмно - синее небо заливало оранжевыми и алыми красками, горы и долины покрылись фиолетовой дымкой, а казак всё шёл и шёл. Через речку Бугунту, какие-то ручейки, ерики, бугры. И чем чернее становилась ночь, тем всё чаще билось сердце путника от несказанной радости и жуткой тревоги. Эти чувства гнали Антона Ивановича и он, несмотря на смертельную усталость, шёл, прибавляя и прибавляя шаг.

В станции на улицах - ни души. Прошёл к своей хате, осмотрелся, прислушался. В доме жили чужие люди. Повернул к тестю. На стук вышла жена Надя. Не больше часа пробыл дома казак, поцеловал сына Василия, взял

ко-томку с харчами, и пошёл, минуя станицу Боргустанскую, на Учкеекен.

- В Учкеекене я остался. Снял угол, а работал в Кисловодске в Коммунстрое. Мы делали бетонные трубы для очистных сооружений. На работу уходил по тёмному, 16 километров туда и столько же обратно. Рабочий день 14 часов. Не было ни выходных, ни отпусков. Только приду ночью домой - уже вставать надо. Вымотался. Работал я усердно, на совесть. Вызывает начальник и говорит: "Чем мне Вас отблагодарить?"

Попросил Антон Иванович помочь с пропиской, а он сразу: "Да Вы же сидели!" А что же теперь делать? Повеситься, что ли?

- Ты что, дурак? В городе не пропишут, а вот в станице Кисловодской может быть, -

- и написал ходатайство. Пошёл Антон Иванович в стансовет, а там Несветайлов, светлая ему память, вошёл в положение человека и прописал его в станице. Прописался бывший ссыльный и перешёл на работу в Курзеленстрой, получил паспорт, привёз из Бекешевской семью. Вроде бы осел. Нет! Забрали в армию. В Витебск, в запасной полк, на полгода на учёбу.

29 июля 1938 года японские войска вторглись в пределы Советского Союза в районе озёр Хасан и Ханка. 1 января 1938 года военные действия в этом районе закончились, Японцы притихли, но не надолго. Летом 1939 года напали на Монголию, которая имела договор о взаимной помощи с СССР. Полтора года продолжался советско-японский конфликт, и всё это время бился Матухнов Антон Иванович с японцами, участвовал в тяжёлых боях на реке Ханхил-Голе.

- Я должен был мобилизоваться, но 30 ноября объявили войну Финляндии. Эта война длилась всего 3 месяца, а погибших было очень много.

(Не то слово - за 105 дней "количество всех погибших, пропавших без вести, умерших от ран и болезней составило 126.875 человек").

- После этой войны полк ликвидировали, а нас - в Железноводск, потом в Пятигорск. Там, в станице Горячеводской, где сегодня спортивная база министерства обороны, были военные казармы. Мы всё обмундирование сдали, до нательного белья. Некоторые солдаты не знали, как быть.

В апреле 1941 года вернулся казак домой, а побыл несколько дней. Забрали в армию на переподготовку. Стояли около Витебска, в шести километрах от границы. Вооружения никакого. Пушки стреляли холостыми, учебными снарядами, армию готовили к "перевооружению". Так что, когда немцы напали, воевать было нечем.

- В четыре часа утра 22 июня мы проснулись от воя самолётов, грохота пушек и треска пулемётных и автоматных очередей. Это были немцы. Мы выскочили из постелей в нижнем белье и побежали. Отступали на Киев, а потом на Москву. "Внезапно" напали немцы, надо же! А наш великий полководец Сталин был не раз предупреджён разведкой, что немцы готовятся к войне с нами, сообщили даже дату нападения. Не поверил. Вот за это и расплатились мы, за его "выдающиеся полководческие подвиги", тридцатью миллионами жизней, а то и больше. В хрущёвские времена рассказывали анекдот. Вот послушай: стоят в аду Сталин и Гитлер в крови. Гитлер по шею, а Сталин по пояс. Гитлер и говорит: "Вот, Иосиф Виссарионыч, и здесь никакой справедливости. Я стою по шею в крови, а Вы, проливший гораздо больше крови своего народа, стоите по пояс" - "А я стою на плечах у Берии" - отвечает Сталин.

Любим мы вождей. Идеологическая пропаганда уже привыкла из обычных людей, а то из ничтожеств, параноиков, свинопасов и недоучек делать земных богов. Узнаём настоящее лицо того или иного правителя страны только после его смерти или очередного переворота. Теперь есть удобное слово "путч". А не было бы рядом с этими людьми искусителей - бесов, так и жили бы они, как все люди: спали бы без охраны, ели бы хлеб, пили бы воду без дегустаторов и не проклинали бы их люди, и не оскверняли бы их могил.

Москва. Можайское шоссе. Воюет казак Матухнов в пехоте. Танковый десант. Прямо с завода танки, пройдя 8-10 километров, вступали в противником в бой. Тут было много земляков: из Кисловодска, Ессентуков, Пятигорска, казаков из наших станиц. После войны нашёл Антон Иванович только одного сослуживца. Все полегли под Москвой. Потери в боях за столицу были страшные.

Раненых почти не было.

Отступал казак и отступал. В Сальских степях у солдат оружия почти не было. На пятак человек одна винтовка и пять патронов! Всё, как у Симонова - с камнями на танки, а до войны на всех митингах кричали, что шапками закидают любого врага. Вот и закидали!

- В войну я и пулемётчиком был, и снайпером. Нас в станице с восьми лет военному делу учили. Многие на войне умел. Под Сальском меня первый раз ранило. По закону того времени выходили на поле боя санитары и похоронная команда через пять часов после боя. "Похоронщики" цепляли на руку убитого номер, санитары подбирали раненых. С поля боя выносили редко. Не так это просто. Вынести раненого под огнём. На это были способны только женщины, девчухи 18-19 лет! Вот уж кому до земли поклон! Сколько же они военного народу спасли! Что бы мы без них в войну делали? Как бы врага победили?! Меня кто под Курском спас? Женщина.

Опять "повезло" Антону Ивановичу. На танке занесла его судьба под Прохоровку, на Курскую дугу. Здесь состоялось выдающееся танковое сражение.

- Стояла страшная жара. Август 1943 года. После многочасовой артиллерийской подготовки всё небо покрывало самолётами, и пошли танки. Самолёты бомбят, пушки бьют, танки гудят, пулемёты стрекочут. Поднялась такая пыль, что солнце заволокло. Наступили сумерки. Ничего не видно, где свои, а где чужие. И пошли танк на танк. Тараном. Прямой наводкой. Бились танкисты насмерть. Много, ох как много их сгорело в машинах! Как начали наши ребята таранить немцев, нас с танков, как ветром сдуло. А деваться некуда. Кругом смерть. Сильно страшно на войне сперва, а потом человек делается, как дурной. Бесстрашен и безразличен. Я никого не вспоминал. Ни родителей, ни жену, ни своих сыновей. Одно на уме, чтобы скорее убило, чтобы скорее отмучиться. День и ночь нет покоя, день и ночь пули свистят, разрывы ухают, самолёты воют. Не выдерживает душа такого напряжения. Не секрет, что после войны много бойцов в сумасшедшие дома попали.

На Курской дуге Антону Ивановичу всё лицо изуродовало, ранило ноги, тяжёло контузило и обожгло спину. Лежал в госпитале. Лежали раненые на полу, их латали, подлечивали и отправляли в бой. После войны маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков сказал, что Великую Отечественную войну мы выиграли ранеными. Отправили на передовую и Матухнова.

Я спросила Антона Ивановича:

- Как на передовую? А тяжёлое ранение, контузия?

- Да кто о нас думал?! У одного солдата левой руки не

было. Он правой рукой автомат на шею и в бой!

По приказу Сталина, после Курского сражения дали казаку месячный отпуск.

- Я отошёл от своей части пять километров. Останавливает патруль. Придрались к документам, посадили на машину, и на передовую.

Так, с Божьей помощью, до Берлина добежал, дополз, дошёл. Два сына родились до войны. Война закончилась, когда Матухнову всего 35 было, но детей больше не имел. Ранение за ранением, контузии одна за другой, а его снова и снова на передовую, в родную пехоту. Уже год как война закончилась, а он в госпитале в Калинин. Отсюда привезла его медицинская сестра, потому что забыл солдат, что он и откуда. Не узнал ни Кисловодска, ни вокзала, ни детей, ни жену. Амнезия. Отступила болезнь через несколько лет. К головным болям и ночным кошмарам прибавилась резкая боль в спине.

- Привезли меня в больницу со страшной болью. Никого нет. Ни одного врача. В приёмной девочка-подросток пришла матери помочь мыть полы. Она побежала по всем отделениям и привела хирурга Мхитарову. Она в войну была хирургической сестрой, потом училась на врача. Хирург из неё вышел отличный. Завела меня в перевязочную и говорит: "На стол влезете?" Еле взобрался. Мхитарова увидела на позвоночнике нарыв. Я стою на столе на коленях, голову опустил, а она как даст ножом по нарыву. Я потерял сознание. После операции протянула мне врач осколок, чуть больше ногтя величиной. Тут-то я вспомнил, что ранило меня в спину на Курской дуге.

Вот она, жизнь: восемь лет в ГУЛАГе, полтора года в Монголии в боях, три месяца на Финской, четыре года на Великой Отечественной, год после в госпитале - итого 15 лет. Пятнадцать!! С 20 до 35-ти - лучшие годы!

- Да я жизни не видел. Не видел, как мои детки выросли, родителям не мог никакой помощи оказать. Работал, как каторжный. Трёх жён схоронил. И никогда не думал, что переживу многих родных и товарищей, проживу 90 лет. Война уж как 55 лет отгремела, а кошмары и боли покоя не дают. Ну что война? Это святое, а вот ГУЛАГ за что? Этот вопрос всю жизнь душу терзает...

Награды: ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медали "За отвагу", "За взятие Берлина" и других городов.

- Был я боевой человек, смелый, а смелого пуля боится, штык не берёт!..

Висит в школьном музее черкеска Антона Ивановича. Лежат в витрине личные вещи и фотографии. Чудятся в коридоре его шаги. Вот сейчас "наш дед" откроет дверь, улыбнётся и скажет: "Здорово дневали, казаки!"

Т. Лобова

Память или пропаганда?..

Можно преклониться перед горем матери, а можно...

Чуть ли не самая характерная черта советской пропаганды касаясь победы в Великой Отечественной войне - негласная, но очень настойчиво проталкиваемая мысль: мёртвые лучше живых! По-настоящему героический подвиг советского солдата должен непременно заканчиваться смертью. Выжившим, разумеется, тоже слава и почёт, но по-настоящему знаковой судьбой, "героическим мифом" становился лишь "мёртвый герой". Нельзя сказать, что подобная "героическая некрофилия" является характерной чертой исключительно советской пропаганды, но в отечественном культе "Великой Победы" почитание мёртвых героев принимало почти гротескные формы.

Нынешние правители России в попытке отвлечь собственное население от самых что ни на есть насущных проблем современности всё чаще обращаются к героическим мифам советского периода, пытаясь доказать, что именно в них и кроется слава и гордость России. Власть взяла на вооружение самые кондовые штампы советской пропаганды.

Но вернёмся к "мёртвому герою" - наглядно иллюстрирующему всю тяжесть испытаний, выпавших на долю советского народа. Мифы нужны были для оправдания страшной стратегии советской военной верхушки. Их лепили, не особо заботясь, насколько они соотносятся с реальностью.

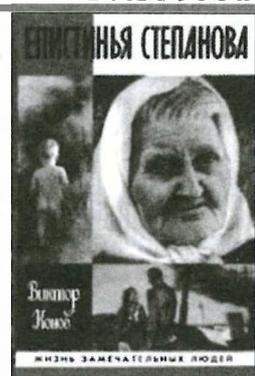
На Кубани таковым символом стала героическая история семьи Степановых. Не так давно, в преддверии Дня памяти и скорби, краевые СМИ вновь вспомнили трагическую историю "матери, потерявшей девятерых своих сыновей,

отдавших свою жизнь за мирное время над головой" (как написала одна из краевых газет).

Материнское горе - святое. Не выразить словами, не описать. Можно лишь молча склонить голову и просить Создателя, чтобы никому из сегодняшних матерей не пришлось испытать такое. Однако, говоря о горе Епистиньи Фёдоровны Степановой, тимашевские чиновники призывают воспитывать на примере семьи Степановых подрастающее поколение и будущих матерей. Говоря о материнстве и детстве, чиновники почти синхронно упоминают о военно-патриотическом воспитании молодёжи, пропаганде службы в армии и так далее.

Возможно, те, кто это говорит, не до конца осознают смысла своих слов. И от этого правда становится более страшной. Если довести их мысль до логического конца, то за высокопарными словами проглядывает циничное - женщинам больше рожать, чтобы их детей швыряли в топку "державы". Речь идёт об оправдании бесчеловечной стратегии, красной нитью проходящей через всю нашу военную историю - "бабы новых нарожают"!

О том, что красные стремились подавлять своих противников "массой, человеческой икрой", писал ещё генерал Туркул, один из видных деятелей Белого движения. "Девять сыновей, отдавших свою жизнь за Родину" - это

правда. Только вот в итоге массивной пропаганды как-то исподволь складывается впечатление, что все девять погибли именно в Великую Отечественную войну, в борьбе против "немецко-фашистских захватчиков". Но первый из них, старший сын Александр, погиб ещё в 1918 году - был расстрелян белогвардейцами за отказ выдать членов ревкома (в число которых входил в то время его отец, Михаил Степанов).

Гражданская война - страшная трагедия для страны, общая боль потомков обеих воевавших сторон. Материнское сердце не будет различать, когда и за что погиб сын, её горе будет одинаково глубоким в обоих случаях. Так же и для советской пропаганды не было особых различий между немецкими фашистами и русскими белогвардейцами - те и другие враги Советской власти, угрожавшие существованию "первого в мире социалистического государства". Но мы сегодня вроде как живём в другое время и в другой стране - и почему же, вот так, бездумно, безо всяких правок принимаем идеологические установки прошлого? Или ещё длится "холодная" гражданская война, прошедшая через всю историю советского государства?

Не на Великой Отечественной, но в боях под Халхин-Голом погиб ещё один сын Епистинии Степановой - Фёдор. Вернулся с войны и прожил ещё 15 лет Николай Степанов. Да, умер от ран - но таких было много... Что не все дети Степановой погибли в боях с фашистами,

конечно, говорилось, но как-то вскользь. В памяти это отложится далеко не у каждого - зато девять погибших сыновей сольются в единый героический символ, ещё один пафосный миф "Великой Победы", в котором трудно отличить правду от полуправды, недоговорки и оговорок.

И ещё. Историю погибших сыновей ненавязчиво стараются слить с историей кубанского казачества - хотя ни сама Епистиния, ни её муж не были уроженцами Кубани: она родилась на Украине, он - в Курской губернии. Нет, это не замалчивается, ни в коем случае - просто сразу после музея-подворья семьи Степановых посетители ведут в зал, где представлены экспонаты уже казачьего быта и рассказывают о казачьих традициях. То же и в музее семьи Степановых в Тимашевске. Вроде как и незаметно, а куда-то в подсознание уже закладывается "кирпичик", закрепляя противоестественный идеологический гибрид, уже не первое десятилетие внедряющийся в мозги кубанцев, сочетающий несочетаемое - советскую героиню и "возрождение казачества".

Формализм и фальшь агитпроповских несуразиц, разглагольствования о "материнском подвиге" и "примере для подрастающего поколения" коробят. Не подвиг, а тяжёлое безразмерное горе, свалившееся на плечи русской женщины. Пусть же никогда не повторится оно на кубанской земле!..

Д. Шульгатый ("Новая газета Кубани")

Бульба - фри...

История казачества - столь малоизвестная, если говорить откровенно, штука, и настолько яркая, что снимай один за другим фильмы (документальные ли, художественные) - сюжетов на всех хватит! И, главное, ничего придумывать ведь не надо - столько героев, событий,

подвигов. Однако все последние десятилетия - и советского периода, и постсоветского - история эта так и оставалась кинематографом совершенно "неосвоенной". И понятно - не было команды рассказывать о казаках, как и разъяснений, как толковать эту самую историю. А без одной команды и инструкций от власти у нас ничего в стране до сих пор не работает - не только в кино, но и в изучении прошлого страны. Последние фильмы по истории России - яркий пример того, как современная политика влияет на трактовку исторических событий. Взять хоть "1612", хоть "Тараса Бульбу" - типичные образчики современного агитпропа. Поляков ругать можно - вот о том и фильмы! Порой кажется, что и снимались-то они лишь с этой одной целью - показать, какие поляки нехорошие. Что вполне соответствует нынешней международной политике России и формируемым сверху запросам общественного мнения.

Конечно, куда легче сыскать в истории примеры того, как поляки плохо себя вели, чем признать собственные ошибки. А как, если по большому счёту, должны реагировать те же поляки, ежели сегодня восстанавливаются на станциях московского метро строки из сталинского гимна? "Нас вырастил Сталин..." - вот уж действительно так! Почему бы уж заодно не восстановить над станциями метро и то имя, которое носило оно не так уж и давно - Лазаря Кагановича?..

Фильм "Тарас Бульба" вызвал много разговоров. Оценки крайние - от безоговорочного восторга до полного неприятия. Как бы то ни было - хорошо, хоть что-то ещё снимаем из собственной истории!..

Предлагает один из откликов на картину, вышедший в №60 издающегося "Союзом казачьих общественных объединений Казахстана" в Астане "Казачьем курьере". Желающие найдут в Интернете много схожих материалов. И почти все без исключения критики фильма, подмечая разные детали и ошибки авторов, справедливо замечают его главную особенность - всё ту же политическую ангажированность и трогательное следование заданным Кремлём современным политическим лекалам.

Если сравнивать с российскими историко-патриотическими картинами типа "Александр Невская битва" и "1612", то "Тарас Бульба" - шедевр. Да и трудно было бы представить, что Владимир Бортко, экранизируя повесть Гоголя с Богданом Ступкой в главной роли, снимет полный отстой. Но, идя на экранизацию столь редкого для русской литературы жанра, как героический эпос, да ещё и в исполнении создателя "Собачьего сердца", ждёшь всё же чего-то большего, чем идеологически выдержанный боевичок.

Между тем, за исключением нескольких эпизодов, именно он и получился. Стараясь не обидеть никакие влиятельные силы, режиссёр и соавтор сценария Бортко прошёлся по первоисточнику такими портновскими ножницами, что сам не смог заделать образовавшиеся дыры.

Меньше всего от этой цензуры пострадали поляки, с которыми разрешено не церемониться. Тут им даже прибавили зверств, типа уничтожения бульбовского хутора и убийства тарасовой жены, но фильм это скорее помогло. Сцена казни Остапа со товарищи в Варшаве очень хороша. Подробный показ, что именно делают палач, перемежающийся картинками восторженно ревуших варшавян и кру-

пным планом лица Тараса, повторяющего после каждого действия "Добре, сынку!", действительно пробирает. Так бы и с прочими национальностями - но тут сработала проклятая политкорректность.

Поначалу казаки ведут себя как положено: пьют, пляшут, пишут письмо султану и очень занимательным способом казнят проштрафившегося земляка. Более того, обидно, что они вроде и соседей пограбить не прочь, но уже сцена еврейского погрома изрядно смягчена относительно первоисточника. У Гоголя: "Жидов хватили по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе".

В живых остается лишь спасённый Тарасом торговец Янкель, которого Бульба берёт под защиту и на экране, однако в фильме остаются целы и все остальные! Мало того, и польское население в походе запорожцев на Дубно от их сабель не страдает. Конечно, казачки и грабят, и дома жгут, но убивать - ни-ни! Расправами с мирными жителями занимаются исключительно ляхи да всплывающие в воспоминаниях Тараса крымские татары.

Между тем Николай Васильевич, хоть и любил земляков, писал: *"Дыбом стал бы ныне волос от страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содрванная кожа с ног по колена и выпущенных на свободу, - словом, крупною монетою отплачивали козаки прежние долги"*.

Может, хлопцы Тараса возьмут своё, когда озверевший после казни сына атаман отправился мстить за Остапа? У Гоголя месье Бульбы страшна:

"Не уважали козаки чернобровых панянок, белогрудых светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они - зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и поднимая копыями сулиц младенцев, кидали к ним же в пламя. "Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!" - приговаривал только Тарас".

У Бортко герой Ступки тоже говорит про поминки, но в кадре только горящая усадьба - судя по отсутствию криков или шевелений изнутри, давно опустевшая. Я согласен, что в агитпропе наши, за исключением отдельных отщепенцев, должны соблюдать Женевскую конвенцию, а супостаты всерьез изыматься над мирными гражданами. Но Гоголя зачем для этого кастрировать? Его-то у нас всё же многие читали и враньё видят! Или российские власти только под политкорректное казачество деньги давали?

До безобразия благостен и спасённый Бульбой Янкель. В фильме это подобие шолом-алеихемовского Тевье-молочника, производящее жалостные речи о горькой судьбе избранного народа в антисемитском окружении. Кроме того, он ещё и на редкость бескорыстен. Даже отказывается от золота, предложенного Тарасом за доставку к пленному сыну!

Но Николай Васильевич и тут категорически не согласен со своим экранизатором:

"Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем, прибрал понемногу всех окружающих панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трёх миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхло, все пораспывалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы выветрится весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство".

Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего напади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жидка.

- Знаю, знаю всё: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же, они, дурни, цену ей! Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас! - Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных, - а остальные, как ворочусь. Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы...

Конечно, "Тарас Бульба" - это не "Дер Штюрмер", и Янкель - персонаж далеко не однозначный. Но дать его по первоисточнику - значит, заранее распрощаться с призами на международных кинофестивалях на всю оставшуюся жизнь, да и дома возможны проблемы. Вот и приходится изворачиваться ещё пуще, чем с казаками!

Наконец, третье урезание в финале фильма. Только что слышим, как запорожцы разгромили польское войско гетмана Потоцкого - и вдруг выясняется, что, кроме небольшого отряда Бульбы, против ляхов - никого. Где остальные-то? Режиссёр молчит - и понятно, почему:

"Когда вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки

все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели и уважили своё духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому войству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клочок волос из головы своей и вскрикнул: - Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут псяху!.."

Смутны стояли гетьман и полковники, задумались все и молчали долго, как будто тесным каким-то тяжёлым предвестием. Недаром провещал Тарас, так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первейших сановников".

Как видим, у Гоголя православное духовенство помешало запорожцам добить врагов и обрело этим немало казаков на мучительную смерть! Что скажет патриархия, если такое покажется на экране? Киношники реши-

ли не рисковать, освободившееся место заполнив голой паночкой, её сексом с предателем Андрием и смертью от родов. Совсем польские аристократки стыд потеряли: невенчанные в койку лезут. Да и Андриуха хорош! Только призвался в любви и подкормил крашующий ситного изголодавшуюся барышню - и тут же платьице с неё ключьями рвёт!..

Бортко, желая заштопать собственноручно проделанные дыры, подробнейшим образом описывает гибель полудюжины самых заметных казаков. Каждый произносит перед смертью положенные слова, а за кадром задушевно характеризует даёт им вездесущий Сергей Безруков. Казалось бы, всё по гоголевскому тексту, а получается дурной и натужный пафос. Потому что эпическая речь очень тяжело переносится на экран, тут лучше красивыми словами не злоупотреблять. Когда в "Трое" Вольфганг Петерсен играет Приама Питер О'Тула просит Ахиллеса отдать ему тело убитого сына, он не декламирует строки поэмы Гомера - а выходит пронзительнее, чем в "Тарасе Бульбе".

В тоже время дерутся в фильме вполне пристойно. Конечно, опять же с "Троей", где каждый из главных героев рубился в своём тщательно отработанном стиле, не сравнить. Хотя как раз у Гоголя разница между Остапом и Андрием заметна. Первый - *"ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и все положение дела"*. Второй - *"весь погрузился в очаровательную музыку пудль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы"*.

В идеале показать разницу между боевой работой братьев и других бойцов было бы замечательно, но до таких тонкостей нашему кино расти ещё долго. Потому не будем придираться и к прочим нелепостям - вроде внезапного увеличения дальности польских крепостных пушек, которые в финале битвы под Дубно вдруг начинают доставать до казачьего лагеря и в считанные минуты разносят его. Если не докапываться и пропускать мимо ушей пафосные речи запорожцев, война вышла недурная, а бьющиеся с переменным успехом противники достойны друг друга.

Если бы сыновей Бульбы да возлюбленную Андрия не играли столь деревянно, так фильм, пожалуй, и удался бы. Но у режиссёра хватало и более серьёзных дел, чем подбор артистов. Надо и Кремль не обидеть, и евреев не задеть, и на скандал с патриархией не нарваться. Очень в стиле товарища Бортко, ухитряющегося одновременно состоять в КПРФ, ненавидеть Ленина и поддерживать Путина!

Так и хочется ему, как персонажу из еврейского анекдота, предложить - или снять крестики, или надеть трусики. Глядишь, в следующий раз от кинопродукта Владимира Владимировича и перестанет пахнуть пережаренной картошкой - фри!..

Ю. Нерсесов

Светлана Шнегас

“Голубые васильки”

В московском издательстве “Голос-Пресс” вышла книга Светланы Шнегас “Судьбина казачья...” На красном фоне обложки - скорбный чёрный силуэт всадника с оружием. Всадник склонил голову, и конь опустил голову.

Под этой обложкой - сразу две книги: это рассказ автора о своём деде - донском казаке, белом офицере, и записки самого деда - о вошедшем в

историю казачества т.н. “лемносском сидении”.

А началась книга с желания автора найти во Франции пропавших в гражданскую войну родственников. В результате она написала не только историю семьи, но и “историю несчастной нашей родины”.

* * *

Двоюродный дед Светланы Шнегас - Сергей Васильевич Рытченков - войсковой старшина Новочеркасского Атаманского военного училища, участник 1 мировой и гражданской войн. Он покинул родину вместе с училищем в 1920 году, в составе армии Врангеля, и оказался на греческом острове Лемнос. Об этом он пишет в своей книге “259 дней Лемносского сидения”, вышедшей во Франции в 1933 году.

Сегодня в России появилось довольно много различных публикаций о Белом движении. Но если о Бизерте и Галлиполи читающей публике ещё что-то известно, то о Лемносе - гораздо меньше. А уж об Атаманском училище и его воспитанниках-юнкерах - пожалуй, и вовсе ничего.

С. Шнегас с любовью и уважением говорит о своём деде: “...История его жизни - это история училища. Кем он только не был за это время, чем ни занимался! Заведующий хозяйством училища, заведующий довольствием юнкеров, член суда чести, командир сотни, ктитор училищной церкви, заведующий музеем; он кочегарил на дредноуте, строил с юнкерами из старых досок училищную церковь, издавал рукописный журнал...”

В 1919 году Атаманское училище, отступая из Новочеркасска на юг в составе Русской армии Врангеля, принимает участие в боевых действиях в Северной Таврии и на Кубани. Особенно оно отличилось в боях под Каховкой.

Сергей Васильевич ведёт рассказ по-мужски скупно, точно фиксируя события и подмечая малейшие детали. Многие эпизоды волнуют и остаются в памяти.

Например, он вспоминает, как училище покидало Новочеркасск, и как старушки им вслед крестили мальчиков-юнкеров. Или о том, как в Севастополе училище грузилось на дредноут - и тут же у причала орудовали мародёры, грабя оставленное имущество.

Среди бытовых сценок внимание останавливают поэтические образы:

“Невольно пришлось здесь, в кочегарках, сравнить теперешнюю Россию и дредноут “Генерал Алексеев”: сильно вооружённый, он был самый слабый из всех в мире военных судов. У него были испорчены электрические провода, которыми управлялись 30 орудий... Не было снарядов, не было артиллеристов... Колоссальной мощности машина, но “Генерал Алексеев” был слаб, как и Россия. Мало было угля, и отсутствовали кочегары. Тошилось всего 10 котлов из 20...”

Бывшую красоту России, её честь, чистоту, никем не запятнанную, теперь заменяла грязь, пакость, помёт, помои всюду и везде...”

На Лемносе, где были размещены казачьи части Русской Армии, Рытченков вместе с училищем провёл почти год, ежедневно записывая всё, в чём участвовал и чему был свидетелем. Здесь ему исполнилось 37 лет. Для своих юнкеров он был и любящим отцом, и старшим товарищем, и строгим командиром.

На острове, который С.В. Рытченков назвал в своих записках “дикий, скалистый, угрюмый”, офицеры не просто пытались сохранить жизни вверенных им юнкеров - мальчиков в белых рубашках и голубых бескозырках - “голубых васильков”. Они, как могли, поддерживали вдали от Родины дух будущего воинства Русской Армии, веря в возрождение России и не давая угаснуть этой вере в сердцах юнкеров, культивировали понятие воинской чести.

Несмотря на голод, холод, лишения, болезни, в училище продолжались занятия.

Было проведено производство старшего класса в офицеры, осуществлён новый приём в училище. Учреждены офицерские курсы для поднятия уровня образования. Построена училищная церковь - это была идея Сергея Васильевича. Сам же он вместе с юнкерами эту церковь и строил фактически из ничего:

“Из содранных внутренних перегородок английских палаток “Маркизет”, которые были тройной цветной материи - красной, жёлтой и серой - были пошиты церковные завесы на врата, дорожки и т.д. Руками юнкеров был сооружён бетонный пол в церковной палатке, и из досок ящиков из-под консервов был сооружён иконостас по проекту Войскового старшины Короченеца... из брошенных на английском аэродроме старых латунных ламп были сооружены св. чаши. Винные стаканчики, подвешенные на тонкой телефонной проволоке - служили лампадами... Церковные колокола заменил буфер от вагонетки, небольшая стальная тавровая рельса и огромный полукруг колеса взорванного турбинного миноносца, части которого валялись на берегу залива”.

На Лемносе проводились парады, устраивались спортивные состязания, концерты, спектакли, танцы. Танцы были, как говорили казаки, “на паркетe”: на каменистый грунт укладывали брезент и натирали его мылом - вот он и “паркет”!..

Вновь создавался музей училища - взамен разграбленного большевиками в 1918 году. Заведующим музеем был назначен С.В.

Рытченков. Юнкерами издавался журнал “Сын Изгнания” - печатался он на пишущей машинке в трёх экземплярах. Всего на острове вышло шесть номеров.

И до Лемноса у юнкеров была трудная жизнь: приходилось служить, воевать - и одновременно с этим учиться. А теперь надо было бороться с жизнью. И бороться за жизнь. В своих записках автор вспоминает, как летом голодные мальчишки в “английских трусиках” и “пижаме”, присланных Красным Крестом, ловили осьминогов, продавали их местным жителям и на вырученные деньги покупали себе еду...

* * *

Франция лишила казаков и без того скудного пайка. Всем предлагали записываться в Иностраннный легион - или возвращаться в Советскую Россию. О тех, кто согласился и уехал, с тех пор не было ни слуху ни духу. С горечью пишет Сергей Васильевич о распылении Русской Армии.

На Лемносе началась подготовка к отправке

С.В. Рытченков
(Франция, 1931 г.)

тройной цветной материи - красной, жёлтой и серой - были пошиты церковные завесы на врата, дорожки и т.д. Руками юнкеров был сооружён бетонный пол в церковной палатке, и из досок ящиков из-под консервов был сооружён иконостас по проекту Войскового старшины Короченеца...

Издававшийся на Лемносе журнал “Сын Изгнания”

оставшихся казаков в Сербию и Болгарию. Сначала вывозили полки. Два юнкерских училища - Атаманское и Кубанское - последними. С.В. Рытченков был назначен комендантом парохода.

Его записки заканчиваются прибытием в Болгарию. И образом-видением: *"И падали, как слёзы, яркие звёздочки с высоты небес. А вольный Тихий Дон катил свои серебристые волны и рассказывал, как мучились, страдали казаки на Лемносе"*.

* * *

Светлана Шнегас завершает свою книгу рассказом о нелёгкой жизни деда в эмиграции и о том, как нашла во Франции родственницу, сообщившую ей, что Сергей Васильевич, его жена и сын умерли.

"Поехать туда я не смогла, но сделала вот что: послала тётке Марусе горстку земли и семена донских васильков из Новочеркаска, чтобы она посадила их на могиле. Но тётя Маруся мне ответила, что на французских кладбищах нельзя сажать

Так казакам приходилось зарабатывать на жизнь в изгнании

живые цветы.

Вот так, чужая земля - она и есть чужая. И лежат казакам в чужой земле, и не будут колышаться над ними родные васильки".

Документальная повесть Светланы Шнегас и записки её деда читаются как захватывающий исторический роман - но роман очень горький. На его страницах много редких фотографий из архива автора и сделанные С. Шнегас рисунки. Обложка и заставка выполнены художником Андреем Егоровым - внуком автора.

В выходных данных книги указан тираж - 1000 экземпляров. На самом деле их всего 300. Жаль...

* * *

...На лемноских концертах мальчики-юнкера в голубых бескозырках пели песни А. Вертинского. В одной из них такие слова:

*И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги - это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне!..*

М. Сальтина

— Байки наших дней —

В нескольких номерах журнала мы представляли "Байки деда Игната" - семейные предания, передававшиеся из поколения в поколение одним из кубанских родов. Теперь, когда они уже изданы отдельной книжкой, мы решили оставить место на своих страницах для подобных рассказов - которые, как отметили читатели "Станицы", до сих пор бытуют в устной станичной традиции. Вот только жаль, правда, что редко кому приходит в голову записывать рассказы своих стариков - смешные и грустные, бесхитростные и поучительные - как это делали несколько поколений семьи Радченко.

Один из примеров - истории, записанные тоже на Кубани, в станице Новодеревянковской, учительницей здешней школы имени Ф.А. Щербини Светланой Кревсун. Может быть, тоже когда-нибудь книжка выйдет?..

Гусиный срам

Недалеко от станичной окраины жил довольный собой казак Пётр. Всё у него было: и куры, и гуси, и утки, и дойная корова, и тёлка с бычком, с десяток свиней, и самое главное - крикливая и говорливая жена Галина. Ребятишек двое. Ну и, как водится, тяжёлый мотоцикл и легковая машина. Любил Петром летним знойным вечером выйти во двор с замысловатым видом в одних семейных трусах, почёсывая округлившееся пузце, и окидывать счастливым взором гогочущее и мычашее хозяйство.

А вечером да с хорошей закуской (сальце и яйцо с картошечкой) опрокинуть рюмашечку своего, домашнего первача, выгнанного из чистого сахара на ядрёной пшеничке.

Этого священнодействия он не доверял никому, даже своей разбитной хозяйке Гале. Среди кумовьёв Пётр слыл "спецом" в этом деле.

Как-то, в очередной раз попробовав брагу, Пётр счёл её негодной и, чтобы не терять марку, вылил в кормушку в загон для гусей вместе с пшеницей. Не пропадать же добру. На том неудача и была предана забвению.

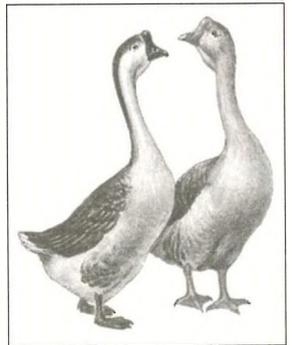
А в это время в станице свирепствовал мор на домашнюю птицу. Станичники десятками уничтожали падших кур и гусей. И Пётр с содроганием сердца каждое утро выходил на подворье, пересчитывая хозяйство - не перекинулась ли зараза на его живность.

Сердце Петра похолодело, когда он, войдя утром в загон для гусей, увидел кладбище мёртвой птицы. Он ошалело уставился на 23 бездыханные гусиные тушки. Не помогли и прививки! Вот и верь медицине!

Пётр потерянно поднял крайнего гуся за ногу - он мёртво растопырил крылья, издав какой-то непонятный гык. Пётр в сердцах отбросил птицу, та, упав, опять странно гыкнула.

Тут вышла во двор и зычно запричитала Галина:

- Ой, боже ж мий! Господы, ну за шо ж ты нас наказуйиш! Ну хотя бы трохы сдохло, як у людэй, а тут вси сразу! Таки-ы-ый убыток!.. Давай, Пётро, хоть пёры выщипайим, та сдамо, хоть трохы грощи вёрным...
Хоть и лаялась Галина с соседками - то за выскочившую

куру, то за между на огороде, а то и вовсе потому, что душа требовала - но в тяжёлую минуту

наступал мир и соседки бежали помогать друг дружке.

Кликнув "правую" соседку Наталку с "левой" Настей - бабы принялись за дело. Ощипанный пух бросали в ваганы, а мёртвые тушки в прицепленную к мотоциклу тачку. На птице оставляли только большое перо на крыльях, остальное шло в дело.

Когда последняя тушка была ощипана, чтобы сердцу было не больно, Пётр тут же завёл мотоцикл и вывез падёж за станицу, скинув его на мусорку. Благо ехать было недалеко.

Вечером Петро с Галиной, чтобы как-то развеять мрачное настроение, нажарили семечек и вышли на лавочку, где уже собрались соседки перемывать кости тем, кто ещё не подошёл. Когда пересуд был в самом разгаре и горе-несчастье в пылу споров стало забываться, наши посидельщики услышали какое-то странное гоготанье. Все разом повернули головы на звук: к дому Петра, пошатываясь и стыдливо прижимаясь друг к дружке, два шага вперёд, один назад, подошли ощипанные и осрамлённые гуси. Зрелище из незабываемых!

- Ой, лышенько! Та шо ж цэ такэ! Пэтя, глянь! Ожили!..

Проведённое Галиной расследование с пристрастием выявило казус с вывернутой бражкой и пьяными в "усмерть" гусями.

Благо дело, что лето было тёплое и птица легко могла обходиться без одежды, принимая загар и устраивая днём на подворье нудистский пляж.

Вечерами Петро выгонял гусей пощипать травку у двора. Проезжающие и проходящие мимо двора, не сведущие в гусиной трагедии, в изумлении останавливались и искали просвещённых в выведении нового вида гусей, без перьев. Узнав, хохотали до упаду.

Постепенно пух на гусиных тушках стал отрастать, превратившись к осени в тёплую зимнюю шубку.

С. Кревсун

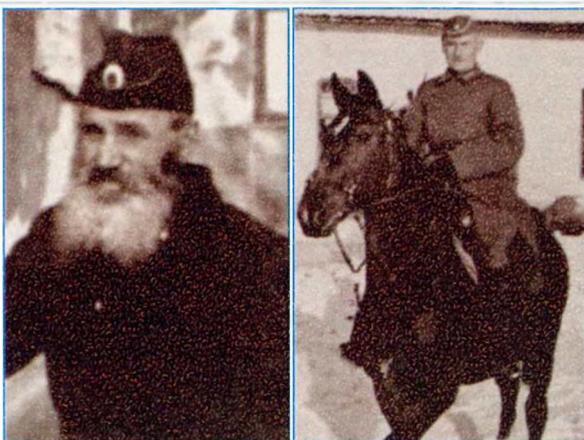
“Чины Русского корпуса”

Издательствами “Рейтар” и “Форма-Т” издан биографический справочник С.В. Волкова и П.Н. Стрелянова (Калабухова) “Чины Русского Корпуса”. В книге собраны сведения о 3582 чинах Русского Корпуса - первого добровольческого антикоммунистического соединения, сформированного в годы Второй мировой войны на Балканах из русских эмигрантов.

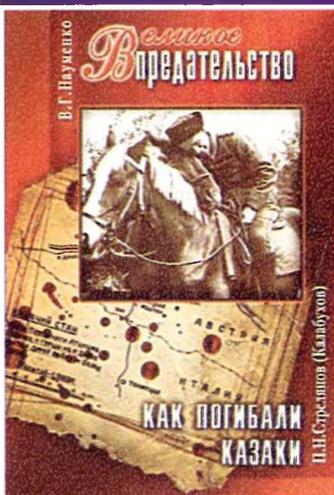
В справочник вошло более 640 фотографий, собранных авторами буквально по крупицам из разных источников.

Со статьёй о Русском Корпусе в этом номере “Станицы” можно ознакомиться на стр. 34.

Доброволец Корпуса и полковник - кубанец А.М. Лекторский

“Великое предательство. Как погибали казаки.”

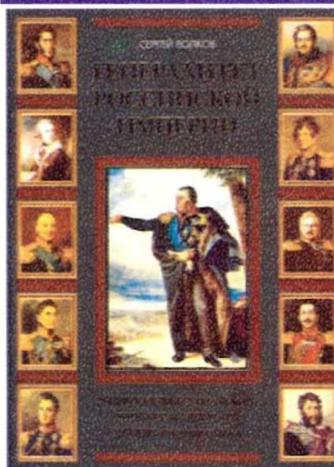

Издательство “Посев” переиздало сборник генерала В.Г. Науменко “Великое Предательство”. В этой книге последним атаманом Кубанского войска были собраны материалы о казаках, продолживших во время Второй мировой войны вооружённую борьбу с коммунистами от Кавказа до Балкан. Как известно, более 100 тыс. казаков, оказавшихся к концу войны в Европе, были в 1945-47 гг. насильственно выданы “союзниками” на расправу сталинскому режиму, о чём свидетельствуют многочисленные документы, воспоминания очевидцев и участников трагедии.

Во 2-й части книги - “Как погибали казаки”, написанной П.Н. Стреляновым (Калабуховым) по документам из архива Кубанского атамана, ряд статей был расширен или опубликован впервые. Одна из них - “Начало борьбы казаков...” - предлагается вниманию читателей “Станицы” на стр. 38.

Заказы на книгу: 127051, Москва, Петровка, 26/2-96. E-mail: posevru@online.ru.

“Генералитет Российской Империи” Генералы и адмиралы от Петра I до Николая II

Столичным издательством “Центрполиграф” издан энциклопедический словарь С.В. Волкова “Генералитет Российской Империи” (генералы и адмиралы от Петра I до Николая II). В двух томах книги автором - известным историком Русской армии - впервые были собраны биографические сведения российского генералитета - представителей высшего командного состава государства, посвятивших свою жизнь созданию и защите Российской Империи. Период исследования - от создания регулярной армии на рубеже XVII-XVIII вв. (накануне Северной войны) по 1917 год включительно.

Всего словарь включает в себя имена 14641 человек - среди них немало генералов-казаков и лиц, командовавших казачьими частями. Более чем к двум тысячам биографических справок прилагаются портреты их персонажей.

Новая книга не просто рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся военной историей - она может содействовать и возрождению нравственных ориентиров и духовных ценностей возрождающейся России. Особенно в этом плане её хотелось бы рекомендовать всевозможным нынешним генералам и “генералам”, в том числе “казачьим”. У настоящих русских генералов всегда есть чему поучиться!

венных ориентиров и духовных ценностей возрождающейся России. Особенно в этом плане её хотелось бы рекомендовать всевозможным нынешним генералам и “генералам”, в том числе “казачьим”. У настоящих русских генералов всегда есть чему поучиться!

С т а н и ц а

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 117335,
до востребования Стрелянову П.Н.

тел. 8-916-9114935

E-mail: stanitsa@rambler.ru;
архив номеров - www.gipanis.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Калабухов)

Редколлегия :

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Андрей Серба

Олег Мраморнов

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько